

Избранные беседы

Иоанн Златоуст

Публикуется по изданию: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1987, т. 1–3.

Составление: Л.А. Голодецкого и С.П. Свистуна

Библейские цитаты, приведенные на церковнославянском языке, были заменены на цитаты из Синодального перевода Библии (Изд. Московской Патриархии 1956–1965 гг.).

Содержание

1. Беседа о добродетельной жизни
2. Беседы о браке
3. Беседа в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа
4. Слово в день Богоявления
5. Слово на Новый Год
6. Беседа на вознесение Господа нашего Иисуса Христа
7. О милостыни и о десяти девах
8. О покаянии и о тех, кто оставляют собрания
9. Слово о проклятии
10. Беседа о воскресении мертвых
11. О священстве
12. Беседа по рукоположении во пресвитера

Беседа

о добродетельной жизни

в собрании, бывшем через несколько времени в древней церкви, на надписание Деяний Апостольских, и о том, что добродетельная жизнь полезнее знамений и чудес, и чем отличается деятельность от знамений

1. После долгого времени опять мы возвратились к нашей матери, к этой вожденной и любезной для всех церкви, к матери нашей всех и церквей. Подлинно, она – мать не только потому, что старше других по времени, но и потому, что основана руками апостольскими. Быв часто разрушаема за имя Христово, она опять была восстанавлиема силою Христовою, потому что не апостольские только руки основали ее, но и изречение Владыки апостолов оградило ее новым и необыкновенным способом ограждения. Не дерева и камни Он сложил, чтобы построить ее ограду; не проводил рва извне, не вколачивал свай и не воздвигал башен, чтобы обезопасить ее; но изрек только два простых слова – и этого достаточно было для нее вместо стены, башни, рва и всякого укрепления. Какие же это слова, в которых заключается такая сила? *«На сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф 16:18). Вот стена, вот ограда, вот укрепление, вот пристань и прибежище! Несокрушимость этой стены ты можешь видеть из следующего. Христос не сказал, что только нападения людей не одолеют ее, но и самые злоухищрения ада: *врата ада*, говорит, *не одолеют ее*. Не сказал: не будут нападать на нее, но: *не одолеют ее*, – будут нападать, но не победят ее. А что значить: *врата ада*? Может быть, это выражение не ясно. Рассмотрим, что такое ворота города, и тогда узнаем, что такое *врата ада*. Ворота города называется вход в город; следовательно и *врата ада* есть опасность, ведущая в ад. Таким образом, смысл слов Его следующий: хотя бы устремились и напали такие опасности, которые в состоянии увлечь нас в самый ад, церковь останется непоколебимою. Он мог не допустить, чтобы церковь испытывала бедствия: почему же допустил? Потому, что гораздо важнее допустить искушения и сделать, чтобы от них не происходило никакого зла, нежели не допускать их. Поэтому Он допустил все искушения, чтобы сделать ее опытнейшею, так как *«от скорби происходит терпение, от терпения опытность»* (Рим 5:3,4). А чтобы больше показать свою силу, Он исторгает ее из самых врат смерти. Для того Он и допустил быть буре, но не допустил, чтобы утопала ладья. Так и кормчему удивляемся мы не тогда, когда он спасает ладью, плывя с попутным ветром, или когда ветер дует против кормы корабля, но тогда, когда море бушует, волны ярятся, буря свирепствует, а он, противопоставив стремлению ветров свое искусство, избавляет корабль от этой бури. Так сделал и Христос. Пустив Церковь носиться по вселенной, как корабль по морю, Он не уничтожил волнения, но избавил ее среди волнения, не утишил море, но обезопасил корабль; тогда как везде восставали народы, подобно яростным волнам, и злые духи нападали на нее, как буйные ветры, и со всех сторон поднималась буря, Он доставлял Церкви великую тишину; и, что поистине удивительно, не только буря не потопила корабля, но еще корабль укротил бурю: непрестанные гонения не только не потопили Церкви, но сами сокрушились о Церковь. Как, каким образом и от чего? От того изречения, в котором сказано: *врата ада не одолеют ее*. Сколько усилий употребляли язычники, чтобы упразднить это слово, чтобы сделать бессильным это изречение, и не могли уничтожить его? Потому что это – изречение Божие. Как на башню, построенную из адамантовых камней и твердо связанную железом, нападая со всех сторон, враги не могут ни пошатнуть здания, ни

разрушить его связей, но удаляются, нисколько не повредив башни и не причинив никакого зла, а только истощив собственные силы, так точно и на это изречете, как бы на высокую башню, крепко сооруженную среди вселенной, со всех сторон нападали язычники, но только обнаружили его крепость, а сами, истощив силы свои, умерли. Каких, в самом деле, злоумышлений не делали они против этого изречения? Выходили войска, поднималось оружие, вооружались цари, волновались народы, восставали города, раздражались судии, придумывались всякого рода казни, не опущен ни один вид наказания: и огонь, и железо, и зубы зверей, и низвержение со скал, и потопление, и пучина, и дерево, и крест, и печь, и все, какие когда-либо виданные мучения были употреблены в дело; невыразимое множество угроз, неисчислимы обещания почестей, чтобы первыми утратить, а последними ослабить и обольстить. Не опущен был ни один вид обольщения и насилия. Отцы предавали детей, и дети отказывались от отцов, матери забывали о болезнях деторождения, и нарушались законы природы. Но основания Церкви и тогда не поколебались, и хотя война поднимается была со стороны самых близких, однако не коснулась ее стен, по тому же изречению: *врата ада не одолеют ее*. Не смотри, что это – слова; но они – слова Божии. Словом Бог утвердил небо и словом основал землю на водах (Пс 32:6; 103:5), устроив так, что вещество твердое и тяжелое держится на легком и жидком, и море, неудержимое в ярости и поднимающееся такими: волнами, словом оградил Он со всех сторон слабою стеною, – песком. Итак, чему ты удивляешься, если Тот, Кто словом утвердил небо, основал землю и положил предел морю, тем же словом оградил Церковь, которая драгоценнее неба, и земли, и моря?

2. Но, когда здание столь непоколебимо, стена столь неразрушима, то посмотрим, как апостолы полагали основание, сколь глубокий выкапывали ров, чтобы здание было непоколебимо. Они не выкапывали в глубину; в таком труд они не имели нужды. Почему? Потому, что нашли прежде, древнее основание, положенное пророками. Как человек, намеревающийся построить большой дом, нашедши старое основание, крепкое и непоколебимое, не разбирает этого основания, не трогает камней, но, оставив его неподвижным, на нем и воздвигает новое и позднейшее здание, так и апостолы, намереваясь созидать это великое здание, – основанную по всей вселенной церковь, – не выкапывали в глубину, а нашедши древнее основание, положенное пророками, не разбирали его, не трогали их здания и учения, но оставив его неподвижным, на нем воздвигли свое учение, эту новую веру Церкви. А чтобы ты убедился, что они не трогали древнего основания, но на нем созидали, послушай самого премудрого строителя, Павла, который в точности объясняет нам это строение, потому что он есть премудрый строитель: *как мудрый строитель, – говорит он, – положил основание* (1Кор 3:10). Посмотрим же, как полагал он основание. На другом, говорит он, древнем основании, положенном пророками. Откуда это видно? *«...вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бывши утверждены на основании апостолов и пророков»* (Еф 2:19,20). Видишь ли основание и основание, одно – от пророков, а другое – от апостолов, положенное сверху? И то удивительно, что апостолы пришли не тот час после пророков, но спустя много времени. Почему? Потому, что так поступают отличнейшие из строителей: когда они положат основание, то не тотчас воздвигают на нем здание, чтобы не отвердевшее и недавно построенное основание не оказалось неспособным вынести тяжесть стен. Поэтому они дают много времени камням окрепнуть, и уже тогда, когда увидят, что камни хорошо скрепились, воздвигают на них и тяжелые стены. Так сделал и Христос: Он дал основанию пророческому окрепнуть в душах слушателей и учению их утвердиться, и когда увидел, что здание непоколебимо и священное учение внедрено так, что может выдержать новое любомудрие, тогда послал апостолов – воздвигнуть стены Церкви на основании пророков. Поэтому апостол не сказал: построенные на основании пророков, но *утверждены*, построенные сверху. Построим же, как они были *утверждены*.

Но откуда мы узнаем это? Откуда, как не из книги Деяний, о которой мы и в предыдущие дни беседовали с вами? Кажется, тогда остался за нами небольшой долг, который нужно

уплатить вам сегодня. Какой этот долг? Мы должны истолковать самое надписание книги, потому что оно не просто и не ясно, как думают многие, но требует истолкования. Какое же надписание книги? *Деяния Апостолов*. Не кажется ли оно ясным? Не кажется ли известным и очевидным для всех? Но если вы вникнете в эти слова, то вы увидите, какая глубина в этом надписании. Почему писатель не сказал: *чудеса* апостолов? Почему не написал: *знамения* апостолов или: *силы и чудотворения* апостолов, но: *Деяния Апостолов*? Не одно и то же – деяния и знамения; не одно и то же – деяния и чудеса; не одно и то же – деяния, чудотворения и силы; но великая разность между теми и другими, Деяние есть дело собственного усердия, а чудо есть дар божественной благодати. Видишь ли, какое различие между деянием и чудом? Деяние есть плод человеческих трудов, а чудо есть знак божественного дарования; деяние берет свое начало от нашего произволения, а чудо имеет своим источником благодать Божию; последнее – от горней помощи, а первое – от дольного расположения. Деяние слагается из того и другого, и из нашего усердия и из божественной благодати, а чудо проявляет одну только вышнюю благодать, нисколько не имея нужды в наших трудах. Деяние состоит в том, чтоб быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, упражняться во всякой добродетели; это – деяние, труд, усилие наше. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, укреплять расслабленные члены, воскрешать мертвых и совершать другие подобные чудотворения. Видишь ли, какое различие между деяниями и чудесами, деятельностью и знамениями, нашим усердием и Божию благодатно?

3. Хочешь ли, я покажу тебе и другое различие? Ради вас я сегодня предлагаю это слово, чтобы вы узнали, что такое чудо и знамение. Чудо – больше и страшнее, и оно превосходит наше естество, а деяние и образ жизни, хотя меньше знамений, но полезнее и плодотворнее, потому что воздаяние бывает за труды и награда – за усердие. И чтобы тебе убедиться, что деяние плодотворнее и полезнее знамения, вспомни, что добрая деятельность и без знамений возводила совершавших ее на небо, а чудеса и знамения без доброй жизни не могли довести даже до преддверия к нему. А как это, я покажу, вы же замечайте, как деяния имеют преимущество при раздаянии наград, как знамения сами по себе не спасают тех, которые совершают их, а деяние само по себе, без всего другого, доставляет спасение совершающим его. *«Многие скажут Мне, – говорит Христос, – в тот день: «Господи! Господи! Не Твоим ли именем пророчествовали?» Это – знамение и чудо. «Не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не твоим ли Именем многие чудеса творили?»* Видишь ли во всем этом знамения и чудеса? Посмотрим же, что говорит Бог. Так как здесь одни только чудеса, и никаких добрых дел, то *отойдите, – говорит Он, – от Меня, делающие беззаконие* (Мф 7:22,23). Но если Ты не знаешь их, то как знаешь, что они делали беззаконие? Так сказал Он, дабы ты знал, что слова: *отойдите от меня*, означают не незнание, но отчуждение и отвращение. *Отойдите от меня*. За что же, скажи мне? *Не Твоим ли именем бесов изгоняли?* За то, говорит Он, Я чуждаюсь и отвращаюсь от вас, что вы и при дарованиях не сделались лучшими, что вы, получив такую честь, остались при том же нечестии. *Я никогда не знал вас; отойдите от Меня*.

Что же? Неужели в древности недостойные получали дарования, и развратные по жизни совершали знамения и удостоивались божественных даров, не заботясь о добродетельной жизни? Получали по человеколюбию Божию, а не по собственному достоинству. Тогда нужно было, чтобы учете благочестия посеяно было везде, потому что было начало и первые опыты веры. Как превосходный земледelec прилагает великое попечение о новопосаженном дереве, которое недавно посадил он в недра земли и которое еще нежно, окапывая его со всех сторон, ограждая и камнями и тершем, чтобы оно не было вырвано ветрами, или испорчено животными, или не потерпело вреда от чего-нибудь другого, а когда увидит, что оно и укрепилось и поднялось в высоту, то отнимает ограды, потому что само дерево уже в

состоянии защитить себя от всякого подобного вреда, – так было и с верою. Когда она была новопосаженною, когда она была нежною, когда она еще недавно насаждена была в душах людей, то со всех сторон окружена была великими попечениями; а когда она укрепилась, укоренилась и поднялась в высоту, когда наполнила всю вселенную, тогда, наконец, Христос отнял ограды и уничтожила подпорки. Поэтому вначале и недостойным были подаваемы дарования, потому что в древности для веры нужна была эта помощь; теперь же и достойным они не даются, потому что сила веры уже не имеет нужды в такой помощи. А дабы тебе убедиться, что и т не ложно, но действительно совершали знамения, и что дарования были подаваемы и недостойным людям, для того, чтобы, кроме вышесказанного, достигалась и другая цель, чтобы они, устыдившись дара Божия, оставили свое нечестие, – вспомни об Иуде, одном из двенадцати апостолов. Все признают, что он совершал знамения, изгонял бесов, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, и однако он лишился Царства Небесного. Знамения не могли спасти его, потому что он был разбойник, вор и предатель Господа. Это доказываете что знамения, без доброго поведения, без жизни чистой и строгой, не могут спасти; а что добрая жизнь, не получающая утешения от знамений, и без их помощи, сама по себе, может с дерзновением вводить людей в царство небесное, о том послушай самого Христа, который говорит: *придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф 25:34). За что? За то, что они воскрешали мертвых, очищали прокаженных, изгоняли бесов? Нет; а за что? Вы видели Меня, говорит Он, *«алкал Я, и вы дали мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня»* (Мф 25:35,36). Никаких чудес, а все добрые дела. Таким образом, как там одни только чудеса, и тотчас наказание, потому что чудеса были без добрых дел, так здесь одни только дела, а никаких чудес, и тотчас спасете, потому что добрые дела сами по себе могут спасти тех, которые имеют их. Вот почему и этот блаженный, доблестный и дивный Лука надписал свою книгу: *Деяния Апостолов*, а не чудеса апостолов, хотя они совершали и чудеса. Чудеса были в свое время и прошли, а деяния во всякое время должны оказывать все, желающие спастись. А так как мы должны соревновать не знамениям, но деяниям апостолов, то он так и надписал свою книгу. Чтобы ты не сказал, или лучше – чтобы не сказали ленивые, когда мы убеждаем их подражать апостолам и говорим: подражай Петру, соревнуй Павлу, будь подобным Иоанну, последуй Иакову, – чтобы они не сказали: мы не можем, мы не в состоянии, потому что апостолы воскрешали мертвых, очищали прокаженных, апостол, обуздывая бесстыдное наше оправдание, говорит: умолкни, не возражай; не чудеса, а добрая жизнь вводит в царство небесное.

Итак, подражай жизни апостолов – и ты будешь иметь несколько не меньше апостолов. Не знамения сделали их апостолами, но чистая жизнь. А что это составляет отличие апостольства и признак учеников Христовых, послушай, как сам Христос указывает на этот признак. Он, начертывая образ учеников своих и показывая, что составляет отличительный признак апостольства, сказал: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если...»*, из чего? Из того ли, чтобы творить чудеса, воскрешать мертвых? Нет, говорит: а из чего? *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин 13:35). Любовь же относится не к чудесам, а к деятельности, потому что *«любовь есть исполнение закона»* (Рим 13:10). Видишь ли признак учеников Христовых? Видишь ли отличие апостольства? Видишь ли образец? Видишь ли начертание? Не ищи же ничего более. Сам Владыка изрек, что любовь отличает учеников Его. Итак, если ты имеешь любовь, то ты стал апостолом и даже первым из апостолов.

4. Хочешь ли узнать то же и из других мест? Христос беседа с Петром сказал: *«Симон Ионин! любишь ли Меня больше, нежели они?»* (Ин 21:15)? А для получения царства небесного ничто не может сравниться с тем, как если мы окажемся любящими Христа так, как должно любить Его. Потом Он показал и признак. Какой же именно? При каких делах мы можем любить Христа больше апостолов? Мертвых ли воскрешая, или совершая другие

какие-либо чудеса? Нет; но что совершая? Послушаем самого предмета любви – Христа. Если ты, говорит Он, *любишь Меня больше, нежели они, паси агнцев моих*. Вот и здесь одобряется деятельность, потому что заботиться о других, сострадать, предстательствовать, не искать своего, но всего того, что должен иметь пастырь, все это относится к деятельности, а не к чудесам и не к знамениям» Но апостолы, скажешь, за чудеса сделались такими? Нет, не за чудеса, а за жизнь, и ею особенно они просияли. Поэтому Христос и говорил им: *«так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видя...»* не чудеса, но *добрые дела ваши, прославили, Отца вашего, который на небесах*». (Мф 5:16). Видишь ли, как везде блистает деятельность, одобряется жизнь добродетельная? Хочешь ли, я покажу тебе, что и сам Петр, этот верховный из апостолов, который явил и высочайший образ жизни, и творил чудеса, превышающие естество человеческое, если сравнить то и другое – и чудеса и жизнь его, удостоился чести более за жизнь, чем за знамения? Выслушай следующее событие. *«Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый»* (Деян 3:1). Не читай без внимания этого повествования, но остановись тотчас на самом вступлении в него и заметь, какая была между ними любовь, согласие и единокровие, какое во всем таили они общение между собою, и как они соединены были союзом божественной дружбы во всех делах, и в трапез, и в молитве, и в хождении, и во всем прочем являлись вместе друг с другом. Если же эти столпы, твердыни, имевшие великое дерзновение пред Богом, нуждались во взаимной помощи и совершали все при взаимном содействии, то не гораздо ли более мы, слабые, бедные и ничтожные, имеем нужду во взаимной помощи? *Брать от брата помогаем*, говорит Писание, *как град тверд* (Пр. 18:19). Были только Петр и Иоанн, но они шли Иисуса посреди себя: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18:20). Видишь ли, как важно быть вместе? Но они не просто были вместе: и мы теперь все вместе; но должно быть вместе посредством союза любви, по расположению воли; и как тела наши теперь находятся близ друг друга и соединяются в одном месте, так должны соединяться и сердца. *Петр и Иоанн восходили во святилище*. Но завеса разодралась, святое святых опустело, поклонение на одном месте прекращено; Павел взывает: *на всяком месте воздавайте преподобные руки* (1Тим 2:8). Для чего же они вдуть в храм на молитву? Не возвратились ли они опять к Иудейской немощи? Да не будет; но они снисходят к немощнейшим, исполняя изречение Павла, в котором говорится: *для иудеев был как иудей* (1Кор 9:20). Они снисходят к слабым, чтобы те не оставались слабыми. А с другой стороны там собирался весь город. Как искусные рыболовы ставят свои сети в тех заливах рек, в которых собирается вся рыба, чтобы легче получить добычу, так точно и апостолы, – эти духовные рыбаки, спешили к тому заливу, где собирался весь город, чтобы там раскинуть сеть Евангелия и легче получить добычу. Так поступали они, подражая Учителю, потому что и Христос говорит: *во все дни с вами был в церкви* (Мф 26:55). Для чего *в церкви*? Чтобы обратиться к Себе находящимся в церкви. Так и апостолы пошли как бы на молитву, а намеревались сеять там учение. *Во святилище на молитву в час девятый*. И час этот был избран ими не напрасно. Я часто говорил вам, что в этот час отверст рай и разбойник вошел в него, что в этот час уничтожено проклятие, принесена жертва за вселенную, рассеян мрак, воссиял свет и чувственный и духовный. *В час девятый*. Когда другие спят глубоким сном после обеда и опьянения, тогда они, трезвые и бодрые, пламенея великою ревностью, спешили на молитву. Если же они имели нужду в молитве, в молитве столь напряженной, в молитве столь усердной, они, которые имели такое дерзновение пред Богом, то что будем делать мы, страждущие бесчисленным множеством ран и не прилагающие к ним врачевства молитвы? Великое оружие – молитва. Хочешь ли узнать, сколь великое оружие – молитва? Апостолы оставляли попечете о бедных для того, чтобы иметь более времени для упражнения в молитве. *Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости; их поставим на эту службу* (Деян 6:3).

5. Но, как я сказал, – не будем уклоняться от предмета, именно, что Петр и показал деятельность и творил чудеса, и более заслужил похвалу за дела, – он вошел во святилище

помолиться; и вот там хромым от чрева матери своей, которого приносили к дверям храма (Деян 3:2). От самого рождения состав его был поврежден, и болезнь была выше врачебного искусства, чтобы тем более открылась благодать Божия. Итак, этот хромым лежал при дверях храма, и, увидев входящих апостолов, обратился к ним, желая получить от них милостыню. Что же Петр? *Посмотри на меня*, – говорит он (Деян 3:4). Достаточно взгляда, чтобы удостовериться в бедности; не нужно ни слов, ни доказательства ни ответа, ни объяснения; одежда уже показывает тебе неимущего. Вот это всецело дело апостольства – говорит бедному так, чтобы не от бедности только избавить его, но и внушить ему: ты увидишь большее богатство. *Серебра, говорит, и золота нет у меня: но что имею, то даю: во имя Иисуса Христа встань и ходи* (Деян 3:6). Видишь ли бедность и богатство: бедность в деньгах и богатство в дарованиях? Он не избавил от нищеты в деньгах, но исправил нищету естества.

Посмотри на кротость Петра. *Воззри на него*. Он не стал укорять, не стал порицать, как часто делаем мы с приступающими к нам, упрекая их в лености. Разве это заповедано тебе, человек? Бог повелел тебе не упрекать в лености, а помогать бедности; не сделал тебя обличителем нечестия, а поставил врачом нечестия; не для того, чтобы ты порицал беспечность, но чтобы подавал руку лежащему; не для того, чтобы ты осуждал образ жизни, но чтобы утолял голод. А мы поступаем напротив: не думая утишить приступающих к нам подаянием денег, мы еще растрavляем раны их, осыпая их укоризнами. Но (апостол) даже извиняется пред бедным и говорит кротко, по словам Писания: *приклони без огорчения ухо твое к нищему, и отвечай ему мирно в кротости* (Сир. 4:8). *Серебра и золота нет у меня: но что имею, то даю: во имя Иисуса Христа встань и ходи*. Здесь два обстоятельства: образ жизни и чудо. Образ жизни к словам: *серебра и золота нет у меня*, потому что к жизни относится – не ставить ни во что земные предметы, отвергнуть имущество, презреть настоящую суетность; а чудо – восставить хромого, исцелить поврежденные члены. Итак, вот и образ жизни и чудо. Посмотрим же, за что Петр удостоивается похвалы. Что говорил он? То ли, что он творил чудеса? Хотя и тогда он уже творил чудеса, однако не говорил этого, а что? *Вот мы оставили вся и последовали за Тобою* (Мф 19:27). Видишь ли жизнь и чудо, но жизнь получающую венец? Что отвечал Христос? Он одобрил и похвалил это. *Глаголю вам*, сказал Он, *яко вы, оставивши дома свои и прочее, – не сказал: вы, воскрешавшие мертвых, – но: вы, оставившие имущество свое, сядете справа от престола; и всякий, кто откажется от всего имущества своего, удостоится этой чести* (Мф 19:28,29). Ты не можешь восставить хромого, как Петр? Но ты можешь сказать подобно ему: *золота и серебра нет у меня*. Если скажешь это, то станешь близко к Петру; или – лучше – если не скажешь, но сделаешь это» Ты не можешь уврачевать сухую руку? Но ты можешь свою руку которая от бесчеловечия сделалась сухою, заставить протянуться из человеколюбия. *Не буди*, говорит Писание, *рука твоя простерта на взятие, а на отдавание согбена* (Сирах. 6:35). Видишь ли, что не сухость, а бесчеловечность сгибает руку? Выпрями же ее человеколюбием и милостынею. Ты не можешь изгнать беса? Но ты изгони грех – и получишь большую награду. Видишь ли, как всегда жизнь и добрые дела получаюшь большую похвалу и большее воздаяние, нежели чудеса? Если хочешь, мы докажем это тебе и другим образом. Пришли к нему, говорить евангелист, *семьдесят учеников*, и радуясь говорили: *Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем*. Он же сказал им: *Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10:17-20). Видишь ли, как всегда жизнь удостоивается похвалы?

6. Повторим теперь вышесказанное. *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35). Вот в жизни, а не в чудесах указан признак учеников Христовых. Петр, *любишь ли ты меня больше чем они? Паси овец моих* (Ин. 21:13-

17). Вот и другой признак, который также относится к жизни. Третий признак: *не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10:20); и это опять дело жизни. Хочешь ли знать и четвертое доказательство на это? *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:16). Вот и здесь являются дела. Также, когда Он говорит: *и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19:29), то хвалить деятельность и строгую жизнь. Видишь, как ученики Христовы познаются из того, что любят друг друга; любящий Христа больше апостолов отличается тем, что пасет братию; имеющим радоваться повелевается радоваться не о том, что они изгоняют бесов, но что они написаны на небе; прославляющими Бога оказываются сияющие делами, и получающие жизнь и стократное воздаяние получают этот дар за отвержение всего настоящего. Подражай всем им и ты; тогда можешь и сделаться учеником Христовым, и быть причислен к друзьям Божиим и прославлять Бога, и получить вечную жизнь, и нисколько не будет для тебя препятствием к получению всех благ то, что ты не творишь знамений, если ведешь строгую жизнь. И сам Петр получил это имя не за чудеса и знамения, но за ревность и искреннюю любовь: не за то, что воскрешал мертвых, или исцелил хромого, он назван так, но за то, что показал искреннюю веру с исповеданием, он наследовал это имя: *ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою*. За что? Не за то, что он творил чудеса, но за то, что сказал: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16:16-18). Видишь, что и самое название Петра получило начало не от чудес, а от пламенной ревности. Но когда я упомянул о Петре, то мне пришел на память и другой Петр, общий наш отец и учитель, который, сделавшись преемником добродетелей того Петра, наследовал и кафедру его. Одно из преимуществ нашего города то, что вначале он имел учителем своим верховного из апостолов. Подлинно надлежало, чтобы город, прежде всей вселенной украсившийся именем христиан, имел пастырем своим первого из апостолов. Но получив этого учителя, мы не удержали его до конца, а передали царствующему Риму; или – лучше – и мы удержали его до конца, потому что хотя мы не имеем тела Петрова, но имеем веру Петрову, как бы Петра; имея веру Петрову, мы имеем самого Петра. Таким образом и взирая на подражающего Петру, мы по видимому взираем на самого Петра. И Христос ведь назвал Иоанна Илиею не потому, чтобы Иоанн был действительно Илиею, но потому, что он пришел в духи и сила Илии. Поэтому, как Иоанн назван Илиею, потому, что пришел в духи и силе Илии, так и этот потому, что пришел с исповеданием и верою Петра, по справедливости может быть удостоен и такого названия: сродство по жизни производит общение и в названиях. Будем же все молиться, чтобы он достиг и старости Петровой, потому что апостол и окончил жизнь в старости: *когда же, сказал ему Господь, когда состаришься, то простреши руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь* (Ин 21:18). Будем же испрашивать и ему долголетней жизни, потому что продолжающаяся старость его делает еще более цветущею нашу духовную юность, которая да сохранится навсегда цветущею молитвами и этого и того Петра, благодатно же и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

2

Беседы о браке

Беседа I.

Беседа на слова апостола: «но, во избежание блуда, каждый имей свою жену» (1 Кор. 7:2).

1. И сегодня хочу я вести вас к источникам меда, – меда, который никогда не производит пресыщения. Таково свойство Павловых слов; и все, которые наполняют сердца свои из этих источников, говорят Духом Святым, или – лучше – всю сладость меда превосходит удовольствие, получаемое от божественных изречений. Это выразил и пророк, сказав: *как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим* (Пс. 118:103). И не только слаще меда, но и драгоценнее золота и всякого камня и чище всякого серебра удовольствие, получаемое от божественных изречений. *Словеса Господня*, говорит он же, *Слова Господни – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле* (Пс. 11:7). Поэтому и премудрый сказал: *как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава* (Прит. 25:27), потому что от первого часто рождается болезнь, которой не было, а последим мы можем освободиться и от того недуга, который был; притом мед, будучи сварен, портится, а божественные изречения, когда переварятся, тогда делаются еще приятнее и полезнее как для тех, которые усвоили себе их, так и для многих других. И кто слишком много наслаждался трапезою чувственною, тот впоследствии, отрывая от этого, делается неприятным имеющему с ним общению, а отрывающий от духовного учения сообщает ближнему великое благоволие. Так Давид, постоянно насыщавшийся этою пищею, говорил: *излилось из сердца моего слово благое* (Пс. 44:2), потому что можно отрыгать и злое слово. Как при трапезе чувственной от свойства яств зависит и качество отрыжки, так точно по свойству изречений, какими питаются, производят и отрыжку многие из людей. Например, если ты пошел на зрелище и слушал блудные песни, то такие же слова ты непременно будешь изрыгать и пред ближним; если же ты, пришедши в церковь, участвовал в слушании духовных изречений, то и отрыгать будешь ими. Вот почему и пророк говорил: *излилось из сердца моего слово благое*, показывая нам яства той трапезы, в которой он постоянно участвовал. По тому же побуждению и Павел увещевает так: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере* (Еф. 4:29). А какое, скажешь, слово *гнилое*? Если узнаешь *доброе*, то узнаешь и *гнилое*, потому что первое он выразил для различения второго. А какое слово *доброе*, об этом ты не имеешь нужды спрашивать у меня, потому что сам Павел объяснил нам его свойство. Сказав: *только доброе*, он прибавил: *для назидания в вере* церкви, – выражая, что *благо* то слово, которое назидает ближнего. Поэтому как назидательное слово – *благо*, так разрушающее – гнило и негодно.

Так и ты, возлюбленный, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения; а если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если он заботится о добродетели, то часто побуждается к гордости; если же был беззаботен, то делается еще

нерадивее. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово – гнило, которое делает более рассеянными и говорящего и слушающего и в каждом воспаляет порочные пожелания. Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий – слова. Поэтому не должно непременно высказывать все, что мы имеем в уме; но должно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их наружу языком, но будем подавлять их молчанием. Как дикие звери и пресмыкающиеся животные, попавши в яму, если найдут какой-нибудь выход наверх, то вышедши делаются еще более свирепыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непременно погибают и легко пропадают: так точно и порочные пожелания, если найдут какой-нибудь выход чрез наши уста и посредством слов, то усиливают внутренний пламень, а если ты заключишь их посредством молчания, то они делаются слабее и истощаясь безмолвием, как бы голодом, скоро умирают в душе. Таким образом, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же по крайней мере будут чисты твои уста; не выноси вон этой грязи, чтобы не сделать вреда и другому и самому себе, потому что не только говорящим, но и слушающим других, когда говорят постыдное, придается много нечистоты. Поэтому прошу и советую, не только не говорить таких слов, но, по когда и другие говорят, воздерживаться от слушания, и постоянно прилепляться к закону Божию. Поступающего так и пророк ублажает, когда говорит: *блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь* (Пс. 1:1-2).

2. В мирских собраниях, хотя иногда и говорится что-нибудь доброе, но среди многого дурного едва одно что-нибудь здоровое скажут некоторые; а в божественных Писаниях все напротив: никогда не услышишь ты здесь ни одного дурного слова, но все они исполнены спасения и великого любомудрия. Таковы и те изречения, которые прочитаны нам сегодня. Какие же именно? *А о чем вы писали ко мне*, говорит апостол, *то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор. 7:1-2). Павел преподает закон о браках, и не стыдится, не уклоняется – и совершенно справедливо. Если Господь его почтил брак и не постыдился, но украсил это дело и присутствием своим и даром – ведь Он принес и дары больше всех, превратив воду в вино – то как стал бы стыдиться рабе, преподавая закон о браке? Не брак – порочное дело, но порочно прелюбодеяние, порочное дело – блуд; а брак есть врачевство, истребляющее блуд. Не будем же бесчестить его диавольскими торжествами, но, как поступили жители Каны Галилейской, так пусть поступают и ныне вступающие в брак: пусть они имеют среди себя Христа. Но как, скажут, может быть это? Чрез священников. *Кто принимает вас*, сказал Господь, *принимает Меня* (Мф. 10:40). Итак, если ты отгонишь диавола, если устранишь блудные песни, развратные напевы, непристойные пляски, срамные речи, диавольские обряды, крик, необузданный смех и прочие бесчинства, а введешь святых служителей Божиих, то поистине чрез них будет присущ и Христос с своею матерью и братьями. *Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мф. 12:49). Знаю, что для некоторых я кажусь тяжким и несносным, внушая это и уничтожая древний обычай. Но об этом я нисколько не беспокоюсь, потому, что не в лести от вас, а в пользе вашей я имею нужду, не в рукоплесканиях и в похвалах, а в преуспевании и любомудрии. Пусть никто не говорит мне, что таков обычай: где совершается грех, там не упоминай об обычае; но, если совершаемое дурно, то, хотя бы и давний был обычай, оставь его; если же не дурно, то, хотя бы и не было обычая, введи и насади его. А что такие бесчинства не составляют древнего обычая, но суть некоторые нововведения, припомни, как Исаак вступил в брак с Ревекою и как Иаков – с Рахилью. Писание упоминает об этих браках и говорит, как эти невесты были введены в дома женихов, но не упоминает ни о чем таком;

они учреждали пиршество и обед лучше обыкновенного и близких приглашали на брак, но не было там ни флейт, ни свирелей, ни кимвалов, ни неистовых плясок, ни прочих всех нынешних бесчинств. А в наше время поют песни с плясками в честь Афродиты, воспевая и прелюбодеяния, и нарушение брака, и незаконную любовь, и преступное кровосмешение, и много других поют в этот день песней, исполненных нечестия и бесстыдства, и после пьянства и такого бесчинства с срамными словами при всех выводят невесту. Как же, скажи мне, ты требуешь от нее целомудрия, приучая ее с первого дня брака к такому бесстыдству и распорядясь, чтобы пред ее глазами совершалось и говорилось то, что непристойно слушать даже честным невольникам? Столько времени отец с матерью старался охранять девицу, чтобы она не говорила и не слышала другого говорящим что-нибудь из таких речей, устроая и внутренние покои, и женские отделения, и стражу, и двери, и запоры, и вечерние прогулки, и то, чтобы она не показывалась никому даже из близких, и многое другое кроме этого; а ты своим приходом ниспровергаешь все это в один день, делая ее бесстыдную посредством своего бесчестного торжества и внедряя развратные речи в душу невесты? Не отсюда ли столько последующих зол? Не отсюда ли прелюбодеяние и ревность? Не отсюда ли бездетство, вдовство и безвременное сиротство? Когда ты призываешь бесов такими песнями, когда исполняешь их желания срамными словами, когда вводишь в дом шутов и развратников и составляешь целое зрелище, когда наполняешь дом блудницами и устраиваешь у себя пиршество для всего сонма бесов, то чего, скажи мне, ожидаешь ты доброго? Зачем же и приглашаешь ты священников, намереваясь на другой день совершать такие дела? Хочешь ли показать гостеприимство, приносящее пользу? Пригласи сонмы бедных. Но ты стыдишься и краснеешь? Что же хуже такого безрассудства, – вводя в дом дьявола, не считать этого делом постыдным, а Христа привести стыдиться? Подлинно, как вместе с приходящими в дом бедными приходит Христос, так среди ликующих там шутов и развратников ликует дьявол. И притом от этих издержек нет никакой пользы, а напротив, происходит великий вред; а за те издержки ты скоро получишь великую награду. Никто в городе не делал этого? Но начни ты, постарайся быть первым учредителем такого доброго обычая, чтобы и потомки приписали его тебе. Кто станет соревновать, кто будет подражать этому обычаю, тот яз внуков и правнуков на вопрос желающих знать скажет, что такой-то первый ввел этот прекрасный закон. В самом деле, если на мирских ристалищах, во время пиршеств, многие воспевают тех, которые придали особенное великолепие этим бесполезным занятиям, то тем более все будут превозносить это духовное занятие и воздавать благодарность первому, положившему такое дивное начало; и одним и тем же делом он сделает вместе и гостеприимство и пользу. Хотя и другие будут совершать то же, но ты, который первый насадил это, получишь воздаяние от этих плодов; чрез это скоро ты сделаешься отцом, это и детям послужит в пользу и жениху с невестой поможет достигнуть старости, потому что как грешникам Бог часто угрожает, говоря: *будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами* (Исх. 22:24), так тем, которые во всем повинуются Ему, Он обещает даровать маститую старость и вместе с тем все блага.

3. И от Павла можно слышать, что множество грехов часто производило безвременную смерть. *Оттого*, говорит он, *многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11:30). А бедные, получая пропитание, не допускают случиться ничему такому, но если случится что-нибудь неожиданное, весьма скоро исправляют это, как можешь узнать из примера девицы, жившей в Иупии. Когда она лежала мертвой, то бедные, которых она питала, стоя вокруг нее и проливая слезы, воскресили ее и возвратили к жизни (Деян. 9:36–41). Столько молитва вдов и бедных полезнее всякого смеха и ликования! Там веселье на один день, а здесь – постоянная польза. Представь, как важно, когда невеста, приняв на свою голову столько благословений, входит в дом жениха. Каких это почтеннее венцов? Какого полезнее богатства? Между тем совершающееся теперь бывает крайне безумно и безрассудно. Подлинно, если бы даже никакое наказание и никакое мучение не угрожало так бесчинствующим, то представь, какое мучение для новобрачных переносить столько

срамных слов торжественно, в слух всех, от людей пьяных и расстроженных в уме. Бедные, получая милостыню, благословляют и молятся о подавании множества благ; а те, после пьянства и обжорства, бросают на голову новобрачных всю грязь насмешек, соревнуясь в этом друг с другом некоторым диавольским соревнованием, и как будто собрались врага, так близкие к ним состязаются друг с другом, чтобы произносить о вступающих в брак слышанные или неслышанные колкости, подражая неприятелям; и это состязание их друг с другом заставляет жениха с невестой испытывать чрезвычайный стыд.

После этого нужно ли нам, скажи мне, искать другого доказательства на то, что они делают и говорят это по внушению бесов, движущих души их? Кто будет сомневаться, что по внушению бесов, движущих души их, и говорится и делается ими все это? Никто, потому что таковы дары диавола: злословие, пьянство, помрачение души. Если же кто считает худым предзнаменованием приводить вместо того бедных и станет называть это признаком несчастья, то пусть знает, что кормить не бедных и вдов, а развратных и блудниц, есть предвестие всякой неприятности и бесчисленных зол. Часто с этого самого дня блудница, уходя, похищала новобрачного от друзей в плен свой, погашала любовь его к невесте, разрушала благорасположение, уничтожала привязанность, прежде чем она усилилась, и бросала семена прелюбодеяния. Если уж не чего-нибудь другого, то этого должны были бы страшиться отцы и запрещать шутам и плясунам присутствовать на браках. Брак установлен не для того, чтобы мы распутствовались, не для того, чтобы предавались блудодеянию, но чтобы были целомудренными. Послушай Павла, который говорит: *но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.* (1 Кор. 7:2). Так, две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами; но главнейшая из этих двух целей – целомудрие. После того, как появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающий довольствоваться одною женою. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1:28); это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами. Таким образом главная цель брака – целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть, и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях, чтобы оставались одушевленные образы отшедших, чтобы сохранился род наш, и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках. А дабы тебе убедиться, что поэтому особенно возжеланны были дети, послушай, что оплакивает пред Иовом жена его после многих бедствий: *се, говорит она, ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри* (Иов. 2:9). Также Саул говорит Давиду: *поклонись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня* (1 Цар. 24:22). Когда же наконец воскресение стало при дверях, и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишнею. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и полезнейшие питатели старости. Следовательно некоторым образом – одна цель брака, чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачевство. Если же ты намереваешься и после брака предаваться блудодеянию, то излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело – предаваться блуду, не имея жены, или после брака опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние. Хотя и странны эти слова, но справедливы.

4. Знаем, что многие называют прелюбодеянием только то, когда кто развращает замужнюю женщину; но что касается до меня, то с общественной ли блудницей, или с рабою, или с какою-нибудь другою женщиною, не имеющею мужа, соединяется незаконно и распутно человек, имеющий жену, это я называю прелюбодеянием. Вина прелюбодеяния

зависит не только от тех, которым наносится позор, но и от тех, которые наносят его. Не говори мне теперь о внешних законах, которые жен прелюбодействующих влекут в судилище и подвергают наказаниям, а мужей, которые имеют жен и развратничают с служанками, оставляют без наказания; я прочитаю тебе закон Божий, который равно укоряет и жену и мужа и называет это дело прелюбодеянием. Сказав: *муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу* (1 Кор. 7:3). Что хотел он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целостности приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды, или роскошный стол, или блистательные выходы, или большую толпу слуг? Что говоришь ты? Какого требуешь ты рода *любви*? И это все служит знаком любви. Нет, говорит апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целостности собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее. Ведь и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него. Поэтому, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залого. А что он действительно разумел это, когда сказал: *любовь да воздает*, для того он присовокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7:4). Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: *так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа* (Еф. 5:33), и еще: *муж есть глава жены*, и еще: *жены, повинуйтесь своим мужьям* (Еф. 5:23,22); также в Ветхом Завете сказано: *к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3:16). Как же здесь он определил равную взаимность подчинения и господства? В самом деле, сказать: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* – значит определить полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена – госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство? Потому что там необходимо превосходство; а здесь, когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества пред женою, но подобно ей наказываемся, если нарушает законы брака. И весьма справедливо. В самом деле, не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, – получив приданое, показывать свою благорасположенность и несколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданого, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь пред тестем; а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, который установил брак и вручил тебе жену. А что это справедливо, послушай, что говорит Павел о прелюбодеях: *итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Фес. 4:8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиною замужнею, но и с какою бы ни было блудницею? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, с слугою ли грешит она, или с кем бы ни было, – так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда, имея сам жену, распутствует, с рабынею ли, или с какою бы то ни было общественною блудницею. Не будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу чрез этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благорасположение. Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что

если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень. Таким образом и жена опять будет для тебя вожделенною, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней; и не только жена будет более вожделенною, но и ты сам окажешься гораздо почтеннейшим и благороднейшим. Нет, подлинно нет ничего постыднее человека, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только пред тестем и друзьями и встречаемыми, но и пред самыми рабами. И не только это зло постигает его, но и самый дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет пред глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице.

5. Хочешь ли узнать в точности, как велико это зло? Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравками, и как от заразы, бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносит им спокойствия ни ночь, ни общество друзей, ни самые лучи солнца; но самый свет считают они несносным для себя не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если только подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь, или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям; а если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде, или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело, как я выше сказал, есть ее собственность, и собственность драгоценнее всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, мстителя за такие дела, который угрожает невыносимыми наказаниями за такие грехи, потому что о тех, которые осмеливаются делать это, Господь говорит: *где червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9:48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся по крайней мере настоящего; многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь *злодеев предаст злой смерти* (Мф. 21:41), пострадав от козней распутных женщин. Они, стараясь друг перед другом отклонить человека от сожительницы, соединенной с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибежали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом подвергнув его таким образом тяжелой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши на него тысячи зол, лишали настоящей жизни. Если ты, человек, не страшишься геенны, то побойся их обаяний. Когда ты чрез, такое распутство сделаешься чуждым божественного содействия и лишишь себя вышней помощи, тогда блудница, смело взяв тебя и призвав своих бесов, составив чары и устроив козни, весьма легко повредит твоему спасению и выставит тебя на позор и посмеяние всем жителям города, так что они даже не пожалеют о твоём злополучии. И *кто пожалеет об ужасенном заклинателе змей и обо всех, приближающихся к диким зверям* (Сир. 12:13)? Не говорю уже о потере имущества, об ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении которое блудницы делают глупцам; это горче тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова, а перед блудницею, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не желаешь, чтобы пред тобою разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты целовал блудницу? И ты не трепещешь, скажи мне, и не боишься, чтобы когда-нибудь молния, упавши свыше, не сожгла твою бесстыдную голову? Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего ока. Так и тому прелюбодею, который говорил: *Страх его – только глаза человеческие, и не знает он того, что очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, и взирают на все пути человеческие,*

и проникают в места сокровенные (Сир. 23:26-28). По всему этому и сказал Павел: *но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу (1 Кор. 7:2,3). Ибо мед источают уста чуждой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый;* (Прит. 5:3,4). Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытный. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие, не подвергаясь никакому злу? С свободною женою и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть; а там великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видал, совесть никогда не перестанет осуждать тебя; куда бы ты ни пошел, этот обвинитель будет следовать за тобою, осуждая и громко взывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно и пусть избегает общения с блудницами, потому что нет ничего горче этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. *Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей любовью ее услаждайся постоянно* (Прит. 5:19,18). Имея чистый источник воды, для чего ты бежишь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенною и невыразимым наказанием? Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются, подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более – после брака. Здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что он, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием; это тяжелее всякого греха. Будем же постоянно повторять это и сами себе и женам; поэтому и я заключу речь теми же словами: *но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7:2–4). Тщательно соблюдая эти слова, и на площади, и дома, и днем, и вечером, и за столом, и на ложе, и везде, будем и сами стараться, и жен научать, и мы говорить, и нам говорить так, чтобы, целомудренно прожив настоящую жизнь, сподобиться нам и царства небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

Беседа II.

Беседа на слова: «Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так» (1 Кор. 7:39–40).

1. Недавно блаженный Павел преподавал нам закон о браке и правах брака, говоря в послании к Коринфянам так: *хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор. 7:1,2). Поэтому и мы целую беседу посвятили этим словам. Сегодня опять нужно беседовать с вами о том же предмете, потому что и сегодня тот же Павел говорит о том же. Вы слышали его вещание и изречения: *жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7:39-40). Последуем же за ним и сегодня, и будем беседовать об этом предмете, потому что, следуя за Павлом, чрез него мы непременно будем следовать за Христом, так как и он писал все не сам по себе, а следуя Христу. Подлинно, не маловажное дело – брак благоустроенный; равно как для тех, которые живут в нем не надлежащим образом, он бывает причиною множества несчастий. Жена как бывает помощницею, так часто бывает и вредительницею. Брак есть как пристань, так и

кораблекрушение, не по своему свойству, но по расположению худо живущих в нем. Кто соблюдает его должным образом по законам, тот после дел на торжище и всех разнообразных зол находит некоторое утешение и отраду в своем доме и в своей жене; а кто принимает на себя это дело необдуманно и как случилось, тот, хотя бы на торжище наслаждался великим миром, по прибытии домой встречает скалы и подводные камни. Поэтому, так как нам предстоит опасность не в маловажном деле, то необходимо со вниманием слушать сказанное и, кто намеревается вступить в брак, делать это согласно с законами Павла, или – лучше – с законами Христа. Знаю, что многим эти слова кажутся новыми и странными; но не смотря на это, я не буду молчать, а наперед прочитав вам закона, потом постараюсь разрешить кажущееся в нем противоречие. Какой же это закон, который предложил нам Павел? *Жена*, говорит он, *привязана законом*. Итак она не должна отделяться от живого мужа, принимать другого супруга, или вступать в другой брак. И заметь, с какою точностью он употребляет самые выражения. Не сказал: пусть живет вместе с мужем, пока он жив, но что? *Жена привязана законом, пока жив муж ее*, так что, хотя бы он дал ей запись отпущения, хотя бы она оставила дом и ушла к другому, она связана законом, она и в таком случае – прелюбодейка.

Поэтому, если муж захочет отвергнуть жену, или жена оставить мужа, то пусть вспомнит это изречение и представит присущим Павла, который, осуждая ее, вещает: *жена привязана законом*. Как беглые рабы, хотя оставляют господский дом, влекут за собою и свои цепи, так и жены, хотя бы оставили мужей, имеют вместо цепей закон, который осуждает их, обвиняет в прелюбодейнии, осуждает и тех, которые берут их, и говорит: муж еще жив, и дело это ест прелюбодейние. *Жена привязана законом, пока жив муж ее*. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует (Мф. 5:32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда умрет муж ее, она свободна выйти, за кого хочет, но: *если умрет*, – как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе*. Не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляяет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не заставляяет не желающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет*. Называя ее свободною после смерти мужа, он выразил, что прежде этого, при его жизни, она была рабою; а будучи рабою и подчиненною закону, хотя бы она получила тысячу раз запись отпущения, она по закону виновна в прелюбодейнии. Рабам позволительно переменять живых господ, а жене непозволительно переменять мужей, при жизни мужа, потому что это – прелюбодейние. Не указывай мне на законы, постановленные внешними, дозволяющие давать запись отпущения и разводиться. Не по этим законам будет судить тебя Бог в тот день, а по тем, которые Он сам постановил. И мирские законы дозволяют это не просто и не без ограничения, но и они наказывают за это дело, так что и отсюда видно, что они неблагоклонно смотрят на этот грех, потому что виновницу развода они лишают имущества и отпускают без всего, и того, кто подает повод к разводу, наказывают денежным убытком; а они, конечно, не поступали бы так, если бы одобряли это дело.

2. Что же Моисей? И он делал это по той же причине. Но ты послушай Христа, который говорит: *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5:20). Послушай также следующих слов Его: *кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодейния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5:32). Для того и пришел Единородный Сын Божий, для того принял зрак раба, для того пролил драгоценную кровь Свою, разрушил смерть, поправил грех, даровал обильнейшую благодать Духа, чтобы возвести тебя к высшему любомудрию. Впрочем и Моисей постановил такой

закон не без причин, но будучи вынужден снизойти к немощи тех, которым он давал закон. Они были скоры на убийство, родственною кровью наполняли дома и не щадили ни своих, ни чужих; поэтому, чтобы они в домах не убивали жен, которые сделались им неприятными, он заповедал разводиться, предупреждая большее зло – удобство к убийствам. А что они были склонны к убийству, послушай самих пророков, которые говорят: *созидающие Сион кровью и Иерусалим – неправдою* (Мих. 3:10); еще: *прелюбодейство крайне распространились* (Ос. 4:2); и еще: *ваши руки полны крови* (Ис. 1:15). А что они неистовствовали не только против чужих, но и против своих, и на это указывает пророк, когда говорит: *проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам* (Пс. 105:37). А не щадившие детей своих не стали бы щадить жен. Чтобы этого не было, Моисей и дал такое дозволение. Поэтому и иудеям, которые спрашивали и говорили: как *Моисей заповедал давать отпускное письмо*, Христос, желая показать, что Моисей не в противоречие Ему написал этот закон, говорит так: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться, но Сотворивший вначале мужчину и женщину кто сотворил их* (Мф. 19:4-19)? Если бы это было хорошо, говорит, то Бог не сотворил бы одного мужа и одну жену, но, сотворив одного Адама, сотворил бы двух жен, если бы хотел, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять; а здесь самым способом сотворения Он постановил закон, который теперь Я предписываю. Какой же именно? Тот, чтобы ту жену, которая сначала досталась, иметь при себе постоянно; этот закон древнее того, и настолько, насколько Адам древнее Моисея. Таким образом Я теперь не ввожу нового закона, и не предлагаю странного учения, но такое, которое старее и древнее Моисея. Не излишне выслушать и сам закон Моисея, который он постановил об этом. *Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего* (Втор. 24:1). Смотри, он не сказал: пусть напишет и пусть даст, но что? *Напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки*. Между тем и другим великое различие. Сказать: пусть напишет и пусть даст, свойственно повелевающему и требующему; а сказать: *напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки*, свойственно повествующему о том, что бывает, а не от себя предписывающему закон. Если кто, говорит он, отвергнет жену *и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, -- то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену* (Втор. 24:2-4). Потом в знак того, что он не одобряет этого дела и не считает его браком, но снисходит к немощи их, после того как сказал: *то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену*, он присовокупил: *она осквернена*, объясняя самым образом выражения, что второй брак, при жизни первого мужа, есть скорее осквернение, чем брак. Поэтому он и не сказал: по вступлении ее в брак. Видишь, что он говорит согласно с Христом? Потом приводит и причину: *сие есть мерзость пред Господом*. Так говорит Моисей; а пророк Малахия гораздо яснее Моисее выражает то же самое, или – лучше – не Малахия, но Бог чрез Малахию, и говорит так: *Он уже не призывает более на приношение и не принимает умиловительной жертвы из рук ваших*. Потом, сказав это, говорит: *не поступай вероломно против жены юности своей*, – и желая показать, сколь велико это зло, и лишить сделавшего это всякого оправдания, дальнейшими словами усиливает осуждение, продолжая так: *она подруга твоя и законная жена твоя. Но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух* (Мал. 2:14-15). Смотри: сколько он исчисляет прав: во-первых, со стороны возраста, *жена юности твоей*; далее, со стороны потребности: *и законная жена твоя*; потом, со стороны образа сотворения: *духа твоего*.

3. Ко всему этому Малахия прибавляет то, что важнее всего – достоинство Создателя, что означают слова: *не иной сотвори*. Ты не можешь, говорит, сказать, что тебя сотворил Бог, а ее не Бог, но некто другой низший Его, потому что один и тот же привел в бытие их

обоих; итак, если не по чему другому, то по уважению к этому питай к ней любовь. Если часто для рабов, ссорящихся друг с другом, служит побуждением к согласию то, что они должны служить одному и тому же господину, то тем больше так должно быть между нами, когда мы оба имеем одного и того же Создателя и Владыку. Видишь ли, как еще в ветхом завете получили свое начало и предуготовление заповеди нового любомудрия? Так как (иудеи) долгое время были воспитываемы законом и должны были перейти к совершенным заповедям, и их общественные учреждения уже достигали конца, то пророк в надлежащее время и ведет их к этому любомудрию. Будем же повиноваться такому прекрасному закону и хранить себя от всякого стыда, не будем отвергать своих жен, ни принимать отвергнутых другими. С каким лицом ты будешь смотреть на мужа этой жены, какими глазами – на его друзей и слуг? Если по смерти супруга взявший его жену, увидев потом пред собою одно только изображение его, испытывает тяжелое и неприятное чувство, то видящий живого мужа своей сожительницы какую будет вести жизнь? Как будет входить в дом? С какими мыслями, какими глазами будет видеть в жене его свою?

Или – лучше – отпущенную никто не мог бы справедливо назвать женою ни его, ни своею, потому что прелюбодейка – ничья жена. Она и в отношении к тому нарушила условия, и к тебе пришла не согласно с законами. Каким же было бы безумием – вводить в дом то, что исполнено таких зол? Разве есть недостаток в женщинах? Для чего же, тогда как есть много таких, которых можно брать согласно с законами и с чистою совестью, мы обращаемся к запрещенным, расстраивая дома, производя междоусобные брани, навлекая на себя везде вражду, отвергая уста бесчисленному множеству осуждающих, посрамляя собственную жизнь и, что всего тяжелее, приготавливая себе неизбежное наказание в день суда? В самом деле, что скажем мы тогда имеющему судить нас, когда, представив закон и прочитав, Он скажет: Я повелел не брать отпущенной жены, сказав, что это дело – прелюбодеяние; как же ты осмелился вступить в запрещенный брак? Что мы скажем и что будем отвечать? Там уже нельзя сослаться на светские законы, но необходимо в молчании и связанными идти в геенский огонь вместе с прелюбодеями и осквернившими чужие браки, потому что и отвергнувший жену без причины, состоящей в прелюбодеянии, и женившийся на отвергнутой, при жизни мужа, наказываются одинаково вместе с отвергнутого. Поэтому увещаваю, прошу и умоляю, мужей – не отвергать жен, и жен – не оставлять мужей, но слушать Павла, который говорит: *жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе.*

Какое же могут получить прощение те, которые, не взирая на Павла, дозволяющего и второй брак по смерти супруга и предоставляющего такую свободу, осмеливаются делать это прежде смерти супруга? Какое могут иметь оправдание как те, которые берут жен при жизни мужей их, так и те, которые ходят к общественным блудницам? Ведь и это другой вид прелюбодеяния: имея дома жену, входить в общение с блудницами. Как жена, имеющая мужа, отдавая себя рабу или кому-нибудь свободному, не имеющему жены, делается виновною пред законами в прелюбодеянии, так если и муж, имеющий жену, грешит хотя бы с общественною блудницею, хотя бы с другою женщиною, не имеющею мужа, то это дело признается прелюбодеянием. Итак, будем убегать и этого вида прелюбодеяния. Ведь что мы можем сказать, на что сошлемся, решаясь на такие дела? Какой представим благовидный предлог? Естественное пожелание? Но пред нами стоит данная нам жена и лишает нас этого оправдания. Для того и установлен брак, чтобы ты не блудодействовал. Или – лучше – не только жена, но и многие другие, имеющие одно и то же с нами естество, лишают нас этого оправдания. Когда подобный тебе раб, одаренный таким же телом, имеющий такое же пожелание, побуждаемый такою же потребностью, не смотрит ни на какую другую женщину, но остается довольным одною своею женою, то каким оправданием может быть для тебя ссылка на пожелание? Но что я говорю об имеющих жен? Представь себе людей, постоянно живущих в девстве, совершенно не причастных браку и оказывающих великое

целомудрие. Если же другие без брака остаются целомудренными, то какое можешь получить прощение ты, блудодействуя в браке? Пусть выслушают это и мужья и жены, и вдовы и замужние: ко всем, говорит Павел, и относится этот закон: *жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе*. И имеющим мужа, и не имеющим, и вдовствующим, и вступающим во второй брак, и в сем вообще полезно это изречение. Имеющая мужа не решится, при жизни его, принадлежать другому, услышав, что она *привязана* к нему, пока он жив; также и лишившаяся мужа, если захочет вступить во второй брак, сделает это не просто и как случится, но согласно с законами, постановленными Павлом, который говорит: *свободна выйти, за кого хочет, только в Господе*, т. е. с воздержанием, с честностью. Если же она решится остаться верною условиям с умершим, то услышит о назначенных ей вещах, и укрепитя в своей решимости. *Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7:40).

4. Видишь ли, как это изречение полезно для всех, снисходя к немощи первых и последних не лишая принадлежащих им похвал? Как апостол поступил в отношении к браку и девству, так и в отношении к первому и второму браку. Как там он не запретил брака, чтобы не обременять немощнейших, и не поставил его в непрременную обязанность, чтобы желающих оставаться в девстве не лишить назначенных венцов, но показал, что брак – хорошее дело, вместе с тем и объяснил, что девство лучше; так точно и здесь опять он предлагает нам другие степени, объясняя, что вдовство лучше и выше, а второй брак – хуже и ниже, и таким образом ободряя сильнейших и не желающих унижаться, и вместе не попуская пасть слабейшим. Сказав: *блаженнее, если останется так*, и предупреждая, чтобы ты не подумал, будто это закон человеческий, услышав слова его: *по моему совету, он присовокупил: думаю, и я имею Духа Божия* (1 Кор. 7:40). Поэтому ты не можешь сказать, что это – мнение человеческое, но это – определение благодати Духа и закон божественный. Итак, не будем думать, что это – слова Павла, но – Утешителя, который преподает нам такой закон. Если же он говорит: *думая*, то говорит не как не знающий, но как умеренный и скромный. Таким образом о том, что она *блаженнее есть*, он сказал; а как *блаженнее*, об этом не прибавил, сделав достаточное указание в том, что он преподает определение Духа. Если же ты хочешь исследовать это и суждением, то найдешь здесь великое обилие доказательств, и увидишь, что вдова блаженнее не только по отношению к будущему веку, но и в настоящей жизни. Это самое разумел Павел, как он и выразил, говоря о девах. Увещевая и советуя избрать девство, он сказал так: *по настоящей нужде за лучшее признаю; и далее: и если девица выйдет замуж, не согрешит* (1 Кор 7:26,28), разумея здесь не такую деву, которая отказалась вступать в брак, но только не испытавшую брака, а не ту, которая обязалась обетом постоянного девства. *Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль*. Этим одним простым словом он предоставил благоразумному слушателю припомнить все, и болезни рождения, и воспитание детей, и заботы, и болезни, и безвременные смерти, и несогласия, и ссоры, и угождение бесчисленному множеству мнений, и ответ за чужие грехи, и принятие бесчисленных скорбей в одну душу. От всех этих зол избавляется избравшая девство, и вместе с избавлением от неприятностей имеет в надежде великую награду в будущей жизни. Зная все это, постараемся довольствоваться первым браком; если же готовимся вступить во второй, то – надлежащим образом и с должным настроением, по законам Божиим. Поэтому апостол и сказал: *свободна выйти, за кого хочет*, и присовокупил: *только в Господе*, предоставляя свободу и вместе ограждая эту свободу, уступая власть и вместе полагая этой власти пределы и законы со всех сторон, напр. – чтобы жена не принимала в дом мужей беспутных и развратных, или упражняющихся на зрелищах, или склонных к прелюбодеянию, но с честностью, с целомудрием, с благоговением, чтобы все делалось во славу Божию. Так как часто многие жены, по смерти первых мужей, сначала предавались блудодеянию, а потом принимали следующих, и придумывали другие нечистые способы жизни, то он и прибавил: *только в Господе*, – чтобы второй брак не имел ничего

подобного. Таким образом вдова может избавиться от обвинений. Всего лучше – ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большое благоволение от Бога. Если же кто захочет вступить во второй брак, то нужно делать это с целомудрием, – с честностью, согласно с законами, – потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние. Его будем избегать, и имеющие жен и не имеющие; не станем срамить свою жизнь, проводить смешной образ жизни, осквернять тело, носить в душе нечистую совесть. Как можешь ты войти в церковь после беседы с блудницами? Как будешь простирать к небу руки, которыми ты обнимал блудницу? Как двигать язык и призывать Бога теми устами, которыми ты целовал блудницу? Какими глазами будешь смотреть на честнейших из друзей? Но что я говорю о друзьях? Хотя бы и никто не знал об этом, ты сам принужден будешь стыдиться себя самого и краснеть пред всеми, а больше всего отвращаться от собственного тела. Если это не так, то почему ты после такого греха бежишь в умывальницу? Не потому ли, что ты считаешь сам себя не чище всякой грязи? Какого другого желаешь ты большего доказательства нечистоты дела, или какого ожидаешь определения от Бога, когда ты сам, согрешивший, имеешь такое понятие об этом деле?

То, что сами себя признают нечистыми, я весьма хвалю и одобряю, это, что принимаются не за надлежащий способ очищения, осуждаю и укоряю. Если бы это была только нечистота телесная, то справедливо ты мог бы очищать себя омовением в умывальнице; но когда ты осквернишь душу и сделал ее нечистою, то ищи такого очищения, которое могло бы смыть ее нечистоту. Какое же есть средство омовения от этого греха? Горячие источники слез, воздыхания, исходящие из глубины сердца, постоянное сокрушение, усердные молитвы, милостыни и щедрые милостыни, осуждение сделанного, решимость больше не делать таких дел; так грех существенно смывается, так очищается нечистота души; а если мы не сделаем этого, то хотя бы побывали во всех источниках рек, мы не будем в состоянии смыть и малой части этого греха. Итак, гораздо лучше – и не испытывать этого отвратительного греха. Но если кто когда-нибудь падет, то пусть прилагает те врачевства, дав наперед обещание – больше не впадать в то же самое. А если мы, согрешив, будем осуждать уже сделанное, и потом опять начинать то же, то не будет нам никакой пользы от очищения. Кто омывается и потом опять оскверняется тою же грязью, и кто разрушает то, что построил и опять строит, чтобы разрушить, тот не приобретает ничего больше, как только работает и трудится напрасно. Так и мы, чтобы нам не истратить жизни тщетно и напрасно, очистим прежние грехи, и всю остальную жизнь будем проводить в целомудрии, в честности и в прочих добродетелях, чтобы, снискав себе милость Божию, удостоиться нам царства небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа III.

Похвала Максиму, и о том, каких должно брать жен

1. О том, что я не был в прошедшем собрании вашем, я скорблю; а о том, что вы наслаждались обильнейшею трапезою, радуюсь. Влекущий вместе со мною ярмо тогда провел нам борозду, посеял семена обильною речью и с великою ревностью возделал ваши души. Вы видели очищенный язык, слышали обработанную речь, наслаждались водою, текущею в жизнь вечную, созерцали источник, производящий реки чистого золота. Говорят о некоторой реке, что она приносит частицу золота живущим при ней людям, не потому, чтобы вода по природе своей производила золото, но потому, что источники этой реки протекают по металлическим горам, и река, промывая те горы и увлекая золотоносную землю, делается сокровищем для жителей, доставляя им готовое богатство. Такой реке

подражал и этот учитель, наперед проходя по Писаниям, как бы по металлическим горам, и потом принося душам вашим мысли, драгоценнее всякого золота. Знаю, что наша речь, покажется вам сегодня более бедною. Ведь кто имеет постоянно бедную трапезу, и между тем случайно примет участие в какой-нибудь богатейшей, а потом опять возвратится к своей, тот еще более почувствует ее бедность. Но не смотря на то, я без лености приступлю к делу. Вы умеете, научившись у Павла, *насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке* (Фил. 4:12), и смотреть на богатых и не презирать бедных. Как любители вша и напитков радуются лучшему вшу, но не отвращаются и от худшего, так точно и вы, любя слушать божественные изречения, радуетесь мудрейшим из учителей и к менее совершенным оказываете не малое усердие и ревность. Люди сластолюбивые и изнеженные бывают не довольны и дорогою трапезою; а благонамерение и трезвые, алкая и жажда правды, с великою охотою прибегают и к бедной. А что эти слова – не лесть, это весьма ясно вы доказали при прежней нашей беседе с вами. В самом деле, когда мы много говорили вам о браках, доказывая, что отвергать жен или брать отвергнутых, при жизни прежних мужей их, значит несомненно прелюбодействовать, и читали закон Христов, который говорит: *а Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5:32), – тогда я видел, как многие, поникнув головою, ударяли себя по лицу и не могли подняться, – тогда и я, воззрев на небо, сказал: благословен Бог, что мы проповедуем не мертвым ушам, но слова наши достигают души слушателей с великою силою. Гораздо лучше – вовсе не грешить; но немаловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою; такое осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы больше не грешить. Поэтому и Павел, произведши печаль в грешниках, радовался, не тому, что опечалил их, но что посредством печали исправил их. *Радуюсь*, говорил он, *не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию. Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть* (2 Кор. 7:9,10). Поэтому, о своих ли, или о чужих грехах вы скорбели тогда, вы достойны бесчисленных похвал. Кто скорбит о чужих, тот показывает апостольское сострадание и подражает тому святому, который говорит: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11:29)? А кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела, уже совершенные, и в будущем становится безопаснее посредством этой скорби. Вот почему и я, видя поникших головою, вздыхающих и ударяющих себя по лицу, радовался, представляя плоды этой печали. Поэтому и теперь я буду беседовать с вами о том же предмете, чтобы желающие вступить в брак, приступали к этому делу с всякою осмотрительностью. Если мы, намереваясь купить дома или рабов, исследуем и разведываем и о продавцах, и о прежних владельцах, также и касательно самых продаваемых – об устройстве одних, о телесном состоянии и душевном настроении других; то гораздо больше намеревающимся выбрать жен должно иметь такую же и еще большую осмотрительность. Ведь худой дом можно опять продать, и раба, оказавшегося негодным, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшим, но совершенно необходимо иметь ее при себе до конца, или, отвергнув ее за пороки, сделаться виновным в прелюбодеянии по законам Божиим. Итак, когда ты намереваешься взять жену, то прочитай не внешние только законы, но еще прежде них законы, находящиеся у нас, потому что по этим, а не по тем, будет судить тебя Бог в тот день; первые (законы), быв пренебрегаемы, часто причиняли денежный убыток; а последние, быв оставлены в пренебрежении, навлекают на душу неизбежные наказания и неугасимый огонь.

2. А ты, когда намереваешься взять жену, бежишь с великою заботливостью к мирским законникам и, не отступая от них, со всею тщательностью разведываешь, что будет, если жена умрет бездетною, что – если имея дитя, что – если имея двух или трех, как она будет пользоваться своим именем при жизни отца, как после его смерти, сколько наследства перейдет к ее братьям, и сколько к супругу, когда он будет обладателем всего, так чтобы не

позволить никому присвоить ни малейшей части ее имущества, и в каком случае он может лишиться всего, – и о многом другом подобном ты разведываешь от них и расспрашиваешь, обсуждая и обозревая все, чтобы никаким образом не перешло что-нибудь из имущества жены к кому-нибудь из ее родственников. Между тем, как я выше сказал, хотя бы и случилось что-нибудь неожиданное, убыток может быть только денежный; однако ты не позволяешь себе ничего такого оставить без внимания. Не безрассудно ли, – тогда, как нам угрожает потеря имущества, показывать такое усердие, а тогда, как предстоит опасность нашей душе и отчет там, не обращать никакого внимания, между тем как следовало бы прежде всего остального об этом пектись, заботиться и разведывать.

Поэтому увещаю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитать написанные им законы о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная, или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке. Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодумствуй, избавившись от всякой опасности; а если он не позволяет этого, но повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме, то охраняй себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную, зная, что должно быть одно из двух, или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. *Кто разводится с женою своею, говорит Господь, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5:32). Обсудив это хорошо прежде брака и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем ее, но и будем любить ее с великою силою – так, как повелел Павел. Он, сказав: *мужья, любите своих жен*, не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: *как и Христос возлюбил Церковь* (Еф. 5:25). А как, скажи мне, Христос возлюбил церковь? Так, что предал Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу. Но посмотрим, не красота ли этой невесты и добродетель ее души привлекли Жениха? Нельзя сказать это. Напротив, она была безобразна и нечиста, о чем можешь узнать из дальнейшего. Сказав: *Себе предал за нее*, апостол присовокупил: *чтобы освятить ее, очистив банею водною* (Еф. 5:26). Словами: *очистив ее*, он выразил, что прежде она была нечиста и осквернена, и притом не незначительною, но крайнею нечистотою, потому что она осквернялась смрадом и дымом, огнем и кровью, и множеством других подобных нечистот. Однако *Он* не отвратился от ее безобразия, но изменил неприятный вид ее, пересоздал, исправил, простил ее грехи. Ему подражай и ты. Хотя бы множество грехов сделала против тебя супруга твоя, все отпусти и прости; хотя бы ты взял ее неблагонравною, исправь ее добротою и кротостью, как и Христос – Церковь. Он не только смыл ее нечистоту, но изгладил и старость, истребив ветхого человека, состоящего из грехов. Выражая также и это, Павел говорит: *чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока* (Еф. 5:27). Он сделал ее не только прекрасною, но и молодою, не по свойствам тела, но по расположению воли. И не только то удивительно, что Он, взяв некрасивую, безобразную, гнусную и старую, не отвратился от ее безобразия, а еще предал Себя за нее на смерть и даровал ей невыразимую красоту, но и то, что и впоследствии, видя ее часто оскверняющеюся и получающею нечистоту, Он не отвергает и не отстраняет ее от Себя, но постоянно врачует и исправляет. Сколько людей, скажи мне, после принятия веры согрешали? Однако Он не отвратился от них. Например, у коринфян блудник был членом церкви, но Бог не отсекал его, а исправил. Церковь галатская вся отступила и впала в

иудейство; и однако Он не отверг ее, но, исцелив ее чрез Павла, возвел в прежнее состояние. Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, – так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену можно исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и однако мы, зная, что повреждение его неисцельно, несмотря на то не отсекаем его; часто многие, имея кривую голень, хроющую ногу, сухую и омертвевшую руку, или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но видя, что для тела нет от них никакой пользы, а напротив причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли, – там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания? Поврежденное от природы восстановить невозможно, а волю развращенную исправить возможно.

3. Если же скажешь, что и жена твоя больна неисцельно, и не смотря на великую попечительность твою не оставляет своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и член больной неисцельно не отсекается. А она – член твой: *да будут*, сказал Господь, *двое одна плоть* (Быт. 2:24). Притом от попечения о члене нам не будет никакой пользы, если он останется болен неисцельно; а за жену, если она остается неисцельно больною, предстоит нам великая награда за то, что мы учим, руководим ее. Хотя бы она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за терпение, за то, что по страху пред Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее, как член свой. Жена – необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому самому научая, и Павел говорил: *Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5:28-30). Как Ева, говорит он, произошла из ребра Адамова, так и мы из ребра Христова, Это значит – *от плоти Его и от костей Его*. Впрочем то, что Ева произошла из ребра Адамова, мы все знаем и ясно сказано в Писании, что Бог навел на Адама сон, и взял одно из ребер его и создал жену; а то, что церковь произошла от ребра Христова, чем можно доказать? Писание объясняет и это. Когда Христос был вознесен на крест, пригвожден и умер, тогда *один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода* (Ин. 19:34), и из этой крови и воды составила вся церковь. Сам Он свидетельствует об этом, когда говорит: *кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Небесное* (Ин. 3:5). Кровь он называет духом. Мы рождаемся водою крещения, а питаемся кровью. Видишь ли, как мы – от плоти Его и от костей Его, рождаюсь и питаюсь кровью Его и водою? И как во время сна Адамова создана была жена, так и во время смерти Христовой образовалась церковь из ребра Его. Но не потому только нужно любить жену, что она – член наш и от нас получила начало своего существования, но и потому, что об этом самом Бог поставил закон, сказав так: *посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть* (Быт. 2:24). Поэтому и Павел изрек нам такой же закон, чтобы всеми мерами побудить нас к этой любви. И посмотри на мудрость апостольскую; не божественными только законами, и не человеческими только он внушает нам любовь к женам, но и те и другие приводит, перемешивая одни с другими, чтобы высокий и любомудрый от высших, а слабый от низших и естественных законов располагался к любви. Поэтому, начиная с благодетелей Христовых, он предлагает увещание так: *любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь; потом со стороны человеческой: так мужья должны любить своих жен, как свои тела; далее опять со стороны Христа: потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его, затем опять со стороны человеческой: посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и прочитав этот закон, говорит: тайна сия велика* (Еф. 5:25-32). Почему, скажи мне, она велика? Потому, что девица, находившаяся все время внутри дома, никогда не выдавая

жениха, с первого дня так привязывается и начинает любить его, как собственное тело; равно и муж ту, которой он никогда не видал, с которой никогда не разговаривал, с первого дня предпочитает всем – и друзьям, и родственникам, и самим родителям. Также и родители, когда отнимают у них деньги по другому случаю, негодуют, сетуют и влекут отпавших в судилище; а человеку, часто такому, которого они никогда не видали и не знали, вручают и дочь свою и богатое приданое; притом делают это с радостью, и не считают отданного убытком, но, видя дочь отводимую, не помнят о своей привычке к ней, не сетуют, не терзаются, а еще благодарят, и считают вожделенным делом, видя уводимую из дома дочь и вместе с нею много богатства. Все это представляя, т. е. Как оставляющие родителей оба прилепляются друг к другу и тогдашний союз их бывает сильнее столь долговременной привычки, и сознавая, что это не дело человеческое, но Бог внедрил такую любовь и устроил, что и отдающие и отдаваемые делают это с радостью, Павел говорит: *тайна сия велика*. И как между детьми, рожденное дитя при взгляде на родителей тотчас узнает их, еще не умеет говорить, – так точно и жених и невеста, без всякого посредника, без чьего-нибудь увещания и совета, при одном взгляде прилепляются друг к другу. Потом, замечая, что это же произошло и со Христом и в особенности с Церковью, апостол изумился и удивился. Как же это произошло со Христом и Церковью? Как жених, оставив отца, приходит к невесте, так и Христос, оставив престол Отца, пришел к невесте; не нас возвел горе, но Сам пришел к нам. Впрочем, когда ты слышишь, что Он оставил (Отца), разумеешь не переселение Его, но снисхождение, потому что, и будучи с нами, Он был вместе с Отцом. Поэтому апостол и говорит: *тайна сия велика*. Она велика и в отношении к людям; а когда Я вижу, что это же самое произошло со Христом и Церковью, тогда я изумляюсь, тогда удивляюсь. Вот почему, сказав: *Тайна сия велика*, – присовокупил, – *я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф. 5:32). Итак, зная, сколь великое таинство – брак, и какого события он есть образ, не рассуждай о нем просто и как случится, и не ищи обилия богатства, намереваясь взять невесту. Брак надобно считать не торговлею, а союзом жизни.

4. Я слышал многих, которые говорили: такой-то, быв бедным, сделался богатым посредством брака; взяв богатую жену, он разбогател и теперь наслаждается. Что говоришь ты, человек? Ты хочешь получить прибыль от жены, и не стыдишься, не краснеешь, не скрываешься в землю, изыскивая такие способы приобретения? Это ли слова мужа? Жене свойственно – только сберегать собираемое, сохранять доходы, заботиться о доме; для того Бог и дал ее, чтобы она помогала нам в этом и во всем прочем. Так как наша жизнь состоит из дел из двоякого рода, общественных и частных, то Бог, отделив одни от других, предоставил жене попечение о доме, а мужьям – все дела гражданские, дела на площади, судебные, совещательные, военные и все прочие. Жена не может ни бросать копьё, ни пускать стрелу, но может взять прялку, ткать по основе и все прочие домашние дела хорошо исправлять. Она не может подавать мнение в совете, но может подавать мнение дома, и часто те из домашних дел, о которых рассуждает муж, она понимает лучше его. Она не может хорошо исправлять общественные дела, но может хорошо воспитывать детей, а это – главное из приобретений; может замечать худые дела служанок, заботиться о честности служащих, доставлять все прочие удобства супругу и освобождать его от всякой подобной заботы в доме, о сокровищах, о шерстяных изделиях, о приготовлении обеда, о благообразии одежд, заботясь обо всем таком, за что приниматься мужу и не прилично, и не удобно, хотя бы он употреблял много усилий. Подлинно, и то – дело помышления и премудрости Божией, что полезный в важнейших делах бывает несведущим и бесполезным в менее важных, чтобы необходимо было и занятие жены. Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении; с другой стороны, если бы жене предоставил большее и полезнейшее, то жены стали бы надмеваться великою гордостью. Поэтому Он и не дал того и другого одному, чтобы другой пол не был унижен и не казался лишним, и не предоставил того и другого обоим равно, чтобы опять от равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязания, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести с мужьями; но, промышляя о

мире и вместе соблюдая свойственное каждому достоинство, Он разделил нашу жизнь на две части так, что необходимейшее и полезнейшее предоставил мужу, а меньшее и низшее – жене, чтобы первый по необходимости занятий его был нами уважаем, а последняя по меньшей важности своего служения не восставала против супруга.

Зная это все, будем одного только искать (в женах) – душевной добродетели и благородства нравов, чтобы наслаждаться миром, чтобы утешаться взаимным согласием и постоянною любовью. Кто взял богатую жену, тот взял себе более госпожу, нежели жену. Если жены и без того бывают исполнены гордости и склонны к честолюбию, то, когда и то будет им прибавлено, как они могут быть сносными для супругов? А кто взял жену равную по состоянию, или беднейшую, тот взял себе помощницу и сотрудницу и внес в дом все блага, потому что нужда бедности располагает ее беречь своего мужа и во всем слушаться его и повиноваться ему, и устраняет всякий повод к несогласию, вражде, гордости и оскорблению, а напротив, делается союзом мира, единокровия, любви и согласия. Не будем же искать того, чтобы нам получить денег, но чтобы наслаждаться миром и его приятностями. Брак не для того, чтобы мы наполняли дома враждою и ненавистью, чтобы имели ссоры и распри, чтобы заводили несогласия друг с другом и делали жизнь не в жизнь, но для того, чтобы нам пользоваться помощью, иметь пристав, прибежище и утешение в случающихся бедствиях, чтобы находить удовольствие в беседе с женою. Сколько богатых, взявших богатых жен, увеличивших свое состояние, лишились и удовольствия и согласия, имея ежедневные ссоры за столом, вступая в состязания? Сколько бедных, которые взяли беднейших жен, и наслаждаются миром, и с великою радостью взирают на это солнце; а богатые, при всей окружающей их роскоши, из-за жен молят себе смерти и освобождения от настоящей жизни. Так, нет никакой пользы от богатства, если мы не найдем доброй души. Но что говорить о мире и согласии? Брать богатую жену часто бывает вредно и для самого приобретения богатства. В самом деле, когда кто-нибудь издержит все свое состояние, имея в виду приданое жены, а потом приключится ей безвременная смерть, и он должен будет отдать все приданое ее родственникам, тогда, подобно тому как потерпевшие кораблекрушение в море спасают одно только свое тело, так точно и этот, после многих неприятностей, ссор, распрей и судилищ, едва выносит свободным собственное тело. И как ненасытные из торговцев, наполнив корабль бесчисленными тяжестями и наложив груз больше его силы, потопляли корабль и теряли все, так точно и вступающие в чрезмерно богатые браки, думая увеличить свое состояние посредством жены, часто теряют и то, что имели; как там малая волна нападая потопляет корабль, так и здесь приключившаяся безвременная смерть лишает его вместе с женою и всего имущества.

5. Представляя все это, будем обращать внимание не на деньги, а на доброту нравов, честность и благоразумие. Жена благоразумная, кроткая и воздержная, хотя бы она была бедною, в состоянии будет распорядиться и бедностью лучше, чем другая богатством; между тем как развратная, невоздержная, сварливая, хотя бы нашла в доме бесчисленные сокровища, расточит их скорее всякого ветра и ввергнет мужа вместе с бедностью в бесчисленные несчастья. Итак, не будем искать богатства, но такую жену, которая могла бы хорошо пользоваться имеющимся.

Наперед ты узнай, какая причина брака и для чего он введен в нашу жизнь, и ничего больше не ищи. Какая же причина брака и для чего Бог установил его? Послушай Павла, который говорит: *но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа* (1 Кор. 7:2). Не сказал: для избежания бедности, или для приобретения богатства. А что? Для того, чтобы избежать блудодеяния, чтобы обуздывать пожелания, чтобы жить целомудренно, чтобы угождать Богу, довольствуясь собственною женою. Таков дар брака, таковы плоды его, такова польза от него. Итак, не ищи меньшего, оставив большее; богатство гораздо меньше целомудрия. Брать жену надобно только для того одного, чтобы

избегать греха, чтобы избавиться от всякого блудодеяния; для того нужно вступать в брак, чтобы он помог нам вести жизнь целомудренную; а это будет в том случае, если мы будем брать таких невест, которые могут принести к нам великое целомудрие, великую скромность. Красота телесная, не соединенная с душевной добродетелью, может увлекать мужа двадцать или тридцать дней, а далее не будет иметь силы, но обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь; те же, которые блистают красотой душевной, чем больше проходит времени, и чем больше они обнаруживают свое благородство, тем сильнее делают привязанность в своих мужьях и более воспламеняют их любовь. Таким образом, когда между ними существует пламенная и искренняя дружба, исключается всякого рода блудодеяние, и даже никакая мысль о распутстве не приходит в голову мужа, любящего свою жену, но он остается всегда любящим собственную жену, и таким целомудрием приобретает благоволение и покровительство Божие на весь дом свой. Так выбирали жен добродетельные из древних мужей, ища благородства души, а не обилия богатства. А что это справедливо, для примера я упомяну об одном браке. *Авраам был уже стар и в летах преклонных. Господь благословил Авраама всем. И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему [Исааку] жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою [и к племени моему], и возьмешь [оттуда] жену сыну моему Исааку* (Быт. 24:1-4). Видишь ли добродетель этого праведника, как он заботился о браке? Не призвал он ни сводниц, как делают теперь, ни свах, ни болтливых старух, но призвал своего слугу, и ему поручил это дело. И то служит величайшим знаком благочестия праотца, что он приготовил такого слугу, которого нашел надежным служителем такого дела. Затем он ищет женщины не богатой, не красивой, но с благородными нравами, и потому послал слугу в столь дальний путь. Посмотри и на благоразумие слуги. Он не сказал: что это значит? Столько народов около нас, столько дочерей у людей богатых, знатных и славных, а ты посылаешь меня в столь далекую землю, к людям неизвестным? К кому. там я обращусь? Кто меня узнает? Что, если они устроят мне козни, или обманут меня? Ведь нет никого беззащитнее чужеземца. Ничего такого он не сказал, но, презрев все это, обратил внимание особенно на то, на что важно было обратить внимание, показав своим не противоречием послушание, а вопросом только о том, о чем больше всего нужно было разведать, обнаружил свое благоразумие и попечительность. Что же это такое? О чем он спросил своего господина? *Раб сказал ему: может быть, не захочет женщина идти со мною в эту землю, должен ли я возвратить сына твоего в землю, из которой ты вышел? Авраам сказал ему: берегись, не возвращай сына моего туда; Господь, Бог неба [и Бог земли], Который взял меня из дома отца моего и из земли рождения моего, Который говорил мне и Который клялся мне, говоря: [тебе и] потомству твоему дам сию землю, – Он пошлет Ангела Своего пред тобою, и ты возьмешь жену сыну моему [Исааку] оттуда* (Быт. 24:5-7). Видишь ли веру мужа? Не пригласил он друзей, или родственников, и никого другого, но в Боге указал ему посредника и спутника. Далее, желая ободрить слугу, он не просто сказал: *Господь Бог неба и земли*, но присовокупил: *Который взял меня из дома отца моего*. Вспомни, говорит, как мы совершали такое путешествие, как, оставив свою землю, нашли на чужой большее благополучие, как невозможное сделалось возможным. И не только это хотел он выразить словами: *Который взял меня из дома отца моего*, но и то, что он имеет Бога должником своим. Он – должник наш, говорит; Он сам сказал: *тебе дам землю эту и семени твоему*; поэтому, хотя мы и недостойны, Он сам, по собственному обещанию, чтобы привести его в исполнение, будет присущ, сделает благоуспешным все предстоящее и приведет к концу то, о чем мы молимся. Сказав это, он отпустил слугу. Потом и этот, прибыв в тамошнюю страну, не пошел ни к кому из жителей того города, ни с кем из людей не стал разговаривать, не созвал женщин; но посмотри, как и он, оставаясь верным, держался того посредника, которого получил, беседовал с Ним одним, и, став, молился так: *и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином*

моим Авраамом. Не сказал: *Господи Боже мой*, но что? *Господи Боже господина моего Авраама* (Быт. 24:12). Если я, говорит, ничтожен и недостоин, то представляю господина моего; не себе, а ему пришел я послужить; итак, призрев на его добродетель, помоги мне во всем предстоящем.

6. Далее, чтобы ты не подумал, будто он требует этого, как долга, выслушай следующее: *и сотвори милость с господином моим Авраамом* (Быт. 24:12). Хотя мы, говорит, сделали множество добрых дел, но желаем спастись благодатию и получить это от человеколюбия Твоего, а не по долгу какому-нибудь и обязанности. Чего же хочешь ты? *Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду; и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет [мне]: пей, я и верблюдам твоим дам пить, [пока не напьются,] – вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим [Авраамом]* (Быт. 24:13,14). Посмотри на мудрость слуги, какой он поставляет признак. Он не сказал: которую я увижу едущую на мулах, везомую на колеснице, сопровождаемую толпою евнухов и множеством прислуги, благообразную и блистающую телесною красотой, эту и назначил Ты отроку твоему; но что? *Я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь*. Что делаешь ты, человек? Для господина своего ищешь ты жену столь уничиженную, занимающуюся водоношением, имеющую возможность разговаривать с тобою? Да, говорит; он не послал ведь меня искать обилия богатства, ни знатности происхождения, но благородства души. Часто многие из таких, которые носят воду, вполне обладают добродетелью, а другие, живущие в великолепных домах, бывают хуже и негоднее всех. Далее, откуда узнаешь ты, что она – женщина добродетельная? По этому признаку, говорит, который я высказал. А что это за признак добродетели? Величайший и несомненный. Это – признак гостеприимства великий и самый очевидный. Смысл слов его, хотя выраженный не теми же словами, следующий: я ищу такой девицы, которая так гостеприимна, что не отказывает ни в какой услуге, какую может оказать. И не без причины он искал этого. Он был из такого дома, который особенно отличался делами гостеприимства, и потому старался прежде всего найти такую девицу, которая нравом сходствовала бы с его господами. Мы намерены, говорит, вести ее в дом, открытый для странников; поэтому, чтобы не происходило вражды и ссоры, – если муж ее станет делиться с другими своим имуществом, подражая отцу, и принимать стражников, а она, по своей излишней бережливости, станет останавливать и удерживать его, как часто бывает во многих домах, – я хочу знать, гостеприимна ли она, потому что этому обязаны мы всеми благами. Чрез это господин мой получишь и жениха, чрез это сделался отцом; заколол тельца – и получил сына, замесил муки – и получил от Бога обетование о потомстве по числу звезд. Так как от этого и дома у нас произошли все блага, то я прежде всего другого ищу этого. Не будем же останавливаться на том, что он просил воды, но обратим внимание на то, что гостеприимной душе свойственно не только давать просимое, но предлагать и больше просимого. *И вот, говорится в Писании, вышла Ревекка, которая родилась от Вафуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшин ее на плече ее* (Быт. 24:15); и исполнилось пророческое изречение: *тогда ты воззовешь, и Господь услышит* (Ис. 58:9). Таковы молитвы людей добродетельных; прежде окончания они располагают Бога к исполнению просимого. Так и ты, когда намереваешься взять жену, не прибегай к людям, или к женщинам, торгующим чужими несчастьями и ищущим только одного, как бы им самим получить награду, но прибегай к Богу. Он не постыдится быть устройтелем твоего брака. Он сам дал такое обещание: *ищите царствия небесного, и это все приложится вам* (Мф. 6:33). Не говори: как я могу видеть Бога? Разве будет Он разговаривать со мною и открыто беседовать, чтобы я мог подойти и спросить Его? Это – слова неверующей души. Бог скоро и без разговора может устроить все, что захочет, как было и при этом случае. Слуга не слышал голоса и не видел никакого видения, но стоя у источника молился, и тотчас получил просимое. *Еще не перестал он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка, которая родилась от Вафуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшин ее на*

плече ее; девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж (Быт. 24:15,16). Для чего говоришь ты мне о телесной красоте? Для того, чтобы ты узнал ее превосходное целомудрие, чтобы убедился в душевной красоте ее. Дивно целомудрие; но оно гораздо удивительнее, когда соединяется с наружною красотой. Поэтому, намереваясь повествовать нам и об Иосифе и его целомудрии, Писание прежде упомянуло о телесном его благообразии, сказав: *Иосиф же был красив станом и красив лицом* (Быт. 39:6), а потом рассказало и о целомудрии его, показывая этим, что красота не вовлекла его в разврат. Подлинно, не красота – причина блудодеяния, и не безобразие – причина целомудрия. Многие из женщин, блиставшие телесною красотой, еще больше блистали целомудрием; а другие, некрасивые и безобразные, были еще безобразнее душою, осквернив себя бесчисленными блудодеяниями. Не природа тела, а произволение души бывает причиною того и другого.

7. Не напрасно Писание дважды называет ее девою. Сказав: *девица была прекрасна видом*, оно прибавило: *дева, которой не познал муж*. Так как многие из девиц, сохраняя тело свое нерастлевающим, имеют душу исполненную великого разврата, украшаются, чтобы привлечь к себе отовсюду толпы поклонников, и оболещают взоры юношей, строя им козни и вовлекая их в пропасти, то Моисей, желая показать, что она не была такова, но была девицею в обоих отношениях, по телу и по душе, говорит: *дева, которой не познал муж*. Между тем у ней было много поводов, по которым она могла быть познаною мужчинами: и во-первых – ее красота телесная, во-вторых – образ ее занятий. Если бы она постоянно сидела в женских покоях, как нынешние девицы, никогда не выходила на площадь и не оставляла родительского дома, то никакой похвалы не составило бы сказать о ней, что *муж не познал ее*. Но когда ты видишь, что она выходила на площадь, будучи вынужденною ежедневно однажды, дважды и более ходить за водою, и при всем том осталась неизвестною никаким мужчиною, тогда можешь видеть в этом особенную похвалу ей. В самом деле, если иная девица, не много раз выходя на площадь, в сопровождении многих служанок, и притом будучи не хороша собою и безобразна, часто теряет чистоту прав от этих прогулок; то эта, ежедневно одна выходявшая из родительского дома, и не только на площадь, но к источнику для черпания воды, где необходимо стекались и многие другие, не достойна ли великого удивления, когда она не испортилась нравами ни от частных выходов, ни от красоты лица, ни от множества встречавшихся, и ни от чего другого, но оставшись нерастленною и по телу и по душе, и сохранив целомудрие лучше тех, которые сидят в женских покоях, пребыла такою, какой ищет Павел, когда говорит: *да будет свята телом и духом* (1 Кор. 7:34)? *Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и пошла вверх. И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего. Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются [все]. И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть [воды], и начерпала для всех верблюдов его* (Быт. 24:16-20).

Велико гостеприимство этой женщины, великое целомудрие; то и другое весьма ясно можно видеть как из действий, так и из слов ее. Видишь ли, как ни целомудрие не вредило гостеприимству, ни гостеприимство не растлевало целомудрия? В том, что она не первая подошла и не сама начала разговаривать с мужчиною, обнаружилось ее целомудрие; а в том, что она не отказала в просьбе и не уклонилась, обнаружилось гостеприимство и великое человеколюбие. Как в том случае, если бы она первая подошла и стала разговаривать с ним, ничего не говорившим, она показала бы наглость и бесстыдство, так в том случае, если бы она отказала ему в его просьбе, обнаружила бы жестокость и бесчеловечие. Но она теперь не сделала ни того ни другого: ни повредила гостеприимству для целомудрия, ни уменьшила достоинства целомудрия для гостеприимства, но всецело явила ту и другую добродетель, показав ожиданием просьбы целомудрие, а услугою после просьбы – невыразимое гостеприимство. Подлинно, было знаком невыразимого гостеприимства то, чтобы доставить

не только просимое, но предложить еще нечто больше просимого. Хотя предложенное ею была вода, но она только в этом и была властна тогда. А об гостеприимных обыкновенно судят не по драгоценности давшего, но по возможности, с какою они дают. Так Бог похвалил и подающего чашу холодной воды, и о той, которая положила две лепты, сказал, что она положила больше всех, потому что положила тогда все, что имела. Так и эта угостила доброго человека тем, больше чего не могла предложить ему. Не напрасно прибавлены слова: *постясь и молясь* и тому подобные, но чтобы ты видел усердие, с каким она делала дело, не против воли, не по принуждению, не с досадою и негодованием. А это не маловажно. Часто и мы просили прохожего, идущего с факелом, на несколько времени остановиться, чтобы нам зажечь, или несущего воду, чтобы нам напиться, но он не соглашался и отказывал с негодованием; а она не только наклонила для него водонос, но и для всех верблюдов налила воды, предприняв такой труд и с великою охотою исполнив телесное служение, по гостеприимству. Не дело только, но и готовность служит доказательством ее добродетели; и человека незнакомого и в первый раз встретившегося тогда она называет господином Как свекор ее Авраам не спрашивал прохожих: кто вы и откуда, куда идете и откуда пришли? – но просто собирал плоды гостеприимства, так и она де сказала: кто ты, откуда и для чего пришел? – но, собирал обильные плоды гостеприимства, оставила все постороннее. И как торгующие драгоценностями и получающие золото домогаются только одного, как бы получить выгоду от имеющих деньги, а не стараются разведывать об них, так и она заботилась только об одном, как бы собрать плоды гостеприимства, как бы получить совершенную награду. Она хорошо знала, что чужестранец стыдлив больше всех и потому имеет нужду в великой приветливости и непытливой скромности; и если мы станем расспрашивать его и разведывать, то он тяготеет и уклоняется и приходит с неудовольствием. Поэтому ни она не поступила так с этим человеком, ни свекор ее не поступал так с странниками, чтобы не отогнать добычи, но старался только услужить прохожим и, приобретши чрез них те плоды, каких желал, потом отпускал их.

8. Вот почему он принял некогда и ангелов; а если бы он стал разведывать, то дарованная ему награда была бы уменьшена. Подлинно, мы удивляемся ему не за то, что он принял ангелов, но за то, что принял, не зная их. Если бы он угостил, зная их, то не сделал бы ничего удивительного, так как достоинство принятых могло побудить человека самого не сострадательного и каменного к человеколюбию и благотворительности; но удивительно то, что он, считая их за некоторых прохожих, предложил им такое угощение. Такова была и эта девица; она не знала, кто был тот человек, зачем пришел, и что он прибыл сватать ее, но считала его некоторым стражником и путешественником. Потому ей и дарована была большая награда за гостеприимство, что она с таким радушием приняла совершенно незнакомого, вместе с тем сохранив и целомудрие. Она сделала это не с принуждением и не бесстыдно, не дерзко, не с гневом, но с надлежащею скромностью. Это самое и выразил Моисей, сказав: *человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его, или нет* (Быт. 24:21). Что значит: *с изумлением*? Внимательно наблюдал и вид ее, и походку, и взор, и речь, и все, узнавая по движениям тела настроение души. Впрочем, он не ограничился одним этим, но употребил и другое испытание. Когда она напоила его, он не остановился на этом, но сказал ей: *чья ты дочь? скажи мне, есть ли в доме отца твоего место нам ночевать?* Что же она? Она незлобиво и кротко назвала отца, не обиделась и не сказала: кто ты, разведывающий, исследующий и расспрашивающий о нашем доме; но что? *Дочь, говорит, Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору. И еще сказала ему: у нас много соломы и корму, и есть место для ночлега* (Быт. 24:23-25). Как прежде она дала ему воды больше, чем сколько он просил, – он просил дать напиться только ему, а она предложила напоить и верблюдов, и напоила, – так и теперь: он просил только места, а она предложила и соломы и сена и многого другого, посредством всего этого приглашая его и привлекая в дом свой, чтобы получить награду за

гостеприимство. Не будем же слушать это небрежно и просто, но, размышляя с собою о себе самих и сравнивая себя с ними, станем таким образом изучать добродетель этой женщины. Мы часто негодуем, принимая каких-нибудь знакомых и родственников, и тяготимся, если они проживут у нас один или два дня; а она с великим радушием привела в дом незнакомого и чужестранца, и притом намереваясь услужить не только ему, но и столь многим верблюдам. Когда же он вошел в дом, посмотри, как он оказал еще большее благоразумие. Ему предложены были хлебы для едения, но он сказал: *не стану есть, доколе не скажу дела своего* (Быт. 24:33).

Видишь ли, как он был бдителен и воздержан? Потом, когда ему предоставили говорить, посмотрим, как он говорит им. Сказал ли он им такие выражения, что он имеет господина славного и знаменитого, уважаемого всеми и пользующегося великим предпочтением между туземными жителями? Между тем он мог, если бы захотел, сказать это, потому что Авраама туземные жители почитали, как царя. Однако ничего такого он не сказал, но, оставив эти человеческие преимущества, возвеличил его со стороны высшего благоволения, сказав так: *я раб Авраамов; Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим: Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов* (Быт. 24:34,35). Упоминает о богатстве не для того, чтобы представить его богатым, но – благочестивым, потому что желает восхвалить его не тем, что он приобрел, но что получил это от Бога. Потом говорит о женихе. *Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему [одного] сына, которому он отдал все, что у него* (Быт. 24:36). Здесь он указывает на образ рождения этого сына, выражая, что и рождение его произошло по Божию помышлению об Аврааме, а не естественным порядком. Так и ты, когда ищешь жениха, или невесты, прежде всего другого обращай внимание на то, благочестивы ли они, почивает ли на них великое благоволение свыше. Если это есть, то последует и все прочее; если же этого нет, то хотя бы житейские блага были у них в великом изобилии, не будет никакой пользы. Далее, чтобы не сказали: почему же он не взял никакой из туземных женщин? – раб говорит: *и взял с меня клятву господин мой, сказав: не бери жены сыну моему из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойди в дом отца моего и к родственникам моим, и возьмишь [оттуда] жену сыну моему* (Быт. 24:37,38). Впрочем, чтобы нам, рассказывая все это событие, не показаться скучными, перейдем к концу рассказав, как он остановился у источника, как попросил пить у девицы, как она дала больше просьбы, как при этом Бог был посредником, и обо всем рассказав с точностью, он кончил речь свою. Те выслушав все это, не стали сомневаться и не остались невнимательными, но как бы по мановению Бога, подвигшего их душу, тотчас обещали отдать дочь свою. *И отвечали Лаван и Вафуил и сказали: от Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго; вот Ревекка пред тобою; возьми [ее] и пойди; пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь* (Быт. 24:50,51). Кто не изумится, кто не подивится, сколько и каких препятствий уничтожено в краткое мгновение времени? Подлинно, и то, что он был чужестранец, раб и неизвестный, и что было велико расстояние пути, и что не были известны ни свекор, ни жених, и никто другой из их родственников, и каждое из этих обстоятельств само по себе достаточно было воспрепятствовать браку, и однако, ничто не воспрепятствовало, но все это оказалось легким и родители смело вверили ему невесту, как бы человеку знакомому, живущему вблизи и издавна обращавшемуся с ними. А причиною было то, что Бог был среди них. Как тогда, когда мы делаем что-нибудь без Него хотя бы все было легко и удобно, мы встречаем пропасти, стремнины и бесчисленные неудачи; так тогда, когда Он присутствует и содействует, хотя бы предстоящие дела были самые затруднительные, все становится легким и удобным. Не будем же ничего ни делать, ни говорить прежде, нежели призовем Бога и испросим Его содействия во всех делах наших, как поступил и этот раб.

9. Посмотрим, каким образом он совершил брак, когда получил невесту. Взял ли он в собою кимвалы, свирели, плясунов, тимпаны, флейты и другие выдумки? Ничего такого; но, взяв только одну девицу, он отправился, имея при себе ангела, сопровождавшего и руководившего ее, которого послать с ним господин его молил Бога, когда он выходил из дома. Так и была везена невеста, не слыша ни флейт, ни арфы и ничего другого подобного, но имея на голове бесчисленные благословения Божии, – венец блистательнее всякой диадемы; была везена облеченная не золотыми одеждами, но целомудрием, благочестием, гостеприимством и всеми другими добродетелями; была везена не в крытой колеснице, или с каким-нибудь другим великолепием, но сидя на верблюде. При душевных добродетелях у девиц в древности и тела цвели великим здоровьем, – потому что матери не так воспитывали их, как теперь, не вредили им частыми омовениями, благовонными мастями, искусственными притираниями, мягкими одеждами и другими бесчисленными способами, делая их нежными более надлежащего, но воспитывали их со всею строгостью. Поэтому у них и телесная красота была весьма цветущая и истинная, как естественная, а не искусственная и не изысканная. Поэтому они наслаждались совершенным здоровьем, и красота их была наилучшая, так как никакая болезнь не повреждала тела, и всякая изнеженность была отвергнута. Труды, занятия и собственноручные работы во всем устраняли всякую изнеженность и доставляли крепость и прочное здоровье; а чрез это они были и для мужей более возделенными и более любезными, так как не только тело, но и душу они сохраняли лучшими и целыми. Итак, сидя на верблюде, она приближалась к той стране; но прежде, чем достигла ее, взглянув, увидела Исаака, и соскочила с верблюда. Видишь ли крепость ее? Видишь ли хорошее здоровье? Соскочила с верблюда! Так велика была у них сила вместе с целомудрием. *И сказала рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам? Раб сказал: это господин мой. И она взяла покрывало и покрылась* (Быт. 24:65). Посмотри, как во всем обнаруживается ее целомудрие, как она была скромна, как была стыдлива. *И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре,] матери своей* (Быт. 24:67). Не напрасно сказано, что он полюбил ее и утешился по Саре, матери своей, но чтобы ты узнал основания этой привязанности и любви, которые заключались в самой пришедшей женщине. Кто, в самом деле, не полюбил бы такой жены, столь целомудренной, столь скромной, столь гостеприимной, человеколюбивой и кроткой, мужественной по душе и крепкой по телу? Это сказал я не для того, чтобы вы только слышали, или выслушав только хвалили, но чтобы вы подражали этому. Отцы подражайте попечительности праотца, с какою он старался найти женщину неиспорченную, искал не богатства, не знатности рода, не красоты телесной и ничего другого, но только благородства души; а матери так же воспитывайте дочерей своих. И вы, женихи, намереваясь вступить в брак, вступайте с такою же благопристойностью, устраняя пляски, смех, срамные речи, свирели, флейты, диавольские изобретения, и все прочее, но всегда призывая Бога быть посредником во всех делах ваших. Если мы так станем устроить дела свои, то никогда не будет ни развода, ни подозрения в прелюбодеянии, ни повода к ревности, ни ссоры и вражды, но будем наслаждаться великим миром и полным согласием; а за этим конечно последуют и другие добродетели. Как тогда, когда жена враждует с мужем, не бывает ничего хорошего в доме, хотя бы все другие дела шли успешно, так тогда, когда она единокорна и согласна с ним, не будет ничего неприятного, хотя бы ежедневно поднимались бесчисленные бури. Если таким образом будут совершаться браки, то и детей мы будем в состоянии руководить к добродетели с великою легкостью. Когда мать так скромна и благопристойна и украшена всякою добродетелью, то она без сомнения может и мужа привлечь и привязать к себе любовью; а привязав его к себе, она будет иметь в нем усердного помощника в заботах о детях, и Бога таким образом преклонит к такому же о них помышлению. А когда Он принимает участие в таком добром домостроительстве и упражняет души детей, тогда не будет ничего неприятного, домашние дела потекут благоуспешно, при таком настроении предстоятелей дома, и каждый вместе с домом, т. е. женою своею, детьми и прислугою,

может и здешнюю жизнь провести со всею безопасностью, и войти в царство небесное, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

3

Беседа

в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа

Каковой день тогда еще не был общеизвестным, но за немного перед тем стал известным от некоторых, пришедших с запада и возвестивших о нем.

(Настоящая беседа была произнесена Златоустом, как полагают, 25 декабря 386 г. Так как обычаем праздновать день Рождества Христова 25 декабря был новым в Антиохийской церкви – еще десяти лет не прошло с тех пор, как он был перенесен сюда с запада (раньше же в Антиохии, как и вообще на востоке, Рождество Христово праздновалось в один день с Богоявлением – 6 декабря), то среди Антиохийской паствы возникли споры по поводу нового праздника: одни признавали его, другие отвергали. Настоящею беседою св. Златоуст желает прекратить эти споры и приводит три доказательства в пользу того, что день Рождества Христова должен праздноваться 25 декабря.)

1. О чем некогда скорбели праотцы и предсказывали пророки и что желали видеть праведники, то сбылось и сегодня получило исполнение. *Бог на земли явился во плоти, и общался с людьми* (Варух. 3:38). Посему возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные, так как если Иоанн, будучи во чреве матери, выиграл при входе Марии к Елизавете, то гораздо более нам, взирающим не на Марию, но на Самого Спасителя нашего, родившегося сегодня, надлежит выиграть и веселиться, поражаться и дивиться величию домостроительства (Божия), превосходящего всякий ум. Представь, как было бы величественно, если бы мы увидели солнце сошедшим с небес, идущим по земле и отсюда изливающим на всех лучи свои. Если же видеть такое событие с чувственным светилом для всех было бы изумительно, то подумай и рассуди теперь, как величественно видеть Солнце правды, изливающим лучи свои из нашей плоти и просвещающим наши души. Давно я жаждал видеть этот день, и не просто видеть, но вместе с таким множеством народа, и непрестанно молился, чтобы наше собрание было полно так, как полным видим его теперь. Итак, это сбылось и получило исполнение. Хотя нет еще десяти лет, как этот день стал известен и знаком нам, но, как будто издавна и за много лет преданный там, так он прославился от вашего усердия. Посему не погрешил бы тот, кто назвал бы его и новым и вместе древним, – новым потому, что он недавно стал известен нам, а древним и давним потому, что он скоро сравнялся с древнейшими и возрос до одинаковой с ними степени. Прекрасные и благородные растения, быв посажены в землю, скоро достигают великой высоты и отягчены бывают плодами: так и этот день, живущим на западе издавна известный, а к нам принесенный теперь и не за много лет, вдруг так возрос и принес столь великий плод, что, как можно теперь видеть, ограды наши наполнены и вся церковь стеснена от многолюдного стечения. Ожидайте же себе достойного воздаяния за такое усердие от родившегося сегодня по плоти Христа; Он, конечно, вознаградит за такую ревность, потому что любовь и усердие к этому дню служит величайшим доказательством любви к Родившемуся. Если же нужно принести что-нибудь и от нас, сослужителей ваших, то и мы принесем то, что по силам нашим, или лучше, так благодать Божия даст нам сказать для вашей пользы. О чем же вы желаете слышать сегодня? О чем другом, как но об этом же дне? Я хорошо знаю, что многие и теперь еще спорят между

собою, одни – осуждая, другие – оправдывая, и много везде говорят об этом дне, одни – против него, доказывая, что он новый и недавний и теперь только введенный, и другие – за него, утверждая, что он древний и давний, так как еще пророки предсказывали о Рождестве Его и издавна этот день известен и славен у живущих от Еракии до Кадикса. Итак, об этом и начнем речь. Если он, оставаясь спорным, пользуется такою любовью от вас, то очевидно, что сделавшись более известным, он будет пользоваться гораздо большим уважением, когда ясное наставление произведет в вас большее к нему расположение.

Я могу привести три доказательства, из которых мы вполне узнаем, что в это именно время родился Господь наш Иисус Христос, Бог-Слово. Из этих трех доказательств одно состоит в том, что этот праздник везде так скоро сделался известным, достиг такой высоты и прославился. И как Гамалиил говорил о (Христианской) проповеди, что *если это предприятие и это дело -- от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками* (Деян. 5:38,39), так и я об этом дне сказал бы с дерзновением, что, так как Бог Слово – от Бога, то чрез это он (т. е. день сей) не только не разорился, но и возрастает с каждым годом и , становится более знаменитым. Проповедь в немного лет объела всю вселенную, и хотя распространявшие ее везде были скинотворцы, рыбаки, неученые, простецы, но уничиженность служителей нисколько не повредила ей, потому что сила Проповедуемого предварительно устроила все, уничтожала препятствия и являла собственное могущество.

2. Если кто из любящих споры не удовольствуется сказанным, то можно привести и другое доказательство. Какое же это? – Из переписи, о которой упоминается в Евангелиях. *Было же, говорит Евангелист, в те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Марию, обрученную ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице* (Лк. 2:1–7). Отсюда видно, что Христос родился при первой переписи. А из древних кодексов, публично хранящихся в Риме, всякий желающий может с точностью узнать и время этой переписи. Что же, скажут, до этого нам, которые и теперь не находимся там и ранее не были? Выслушай и не сомневайся, потому что мы приняли этот день от тех, которые в точности знают это и живут в том городе, обитающие там, празднуя его издавна и по древнему преданию, теперь переслали сведение о нем и нам. И Евангелист не без цели означил время (Рождества Христова), но дабы сделать явным и известным для нас и самый день и показать домостроительство Божие. И Август не произвольно и не сам от себя издал тогда такое повеление, но потому, что Бог подвинул его душу, дабы он, хотя невольно, послужил явлению Единородного. Как же это, скажут, содействует тому домостроительству? Не мало и не случайно, возлюбленный, но весьма много, и есть одно из необходимых и нарочито устрояемых дел. Как же это? Галилея есть область в Палестине, а Назарет – город Галилейский. Так и Иудея есть область, называемая так по имени своих обитателей, а Вифлеем – город иудейский. О Христе все пророки предсказывали, что Он не из Назарета, но из Вифлеема придет и там родится. Именно так написано: *и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля* (Мф. 2:6, Мих. 5:2). И иудеи на вопрос Ирода: *где родился Христос*, привели ему тогда это свидетельство (Мф. 2:5), Посему, когда и Нафанаил Филиппу, скакавшему: *мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета*, отвечал: *из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.* (Ин. 1:45–47). За что же, окажут,

Христос похвалил его? За то, что он не увлекся сообщением Филиппа, но знал ясно и точно, что не в Назарете и не в Галилеи надлежит родиться Христу, но в Иудеи и в Вифлееме, как это действительно было. Так как Филипп не знал этого, а Нафанаил, изучавший закон, отвечал согласно с сказанным в древнем пророчестве, зная, что Христос придет не из Назарета, то Христос и сказал: *вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства..* Поэтому и некоторые из иудеев говорили Никодиму: *рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк* (Ин. 7:52); и еще в другом месте: *не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид* (ст. 42)? И общее у всех было убеждение, что непременно оттуда надлежало придти Ему, а не из Галилеи,

Посему, так как Иосиф и Мария, бывшие гражданами Вифлеема, но оставившие его, расположились на жительство в Назарете и там пребывали, как это случается часто со многими людьми, оставляющими те города, в которых они родились, я живущими в других, к которым они не принадлежат по своему рождению, а между тем Христу надлежало родиться в Вифлееме, то и вышло повеление, которое, по устройению Божию заставляло их невольно идти в тот город. Закон, повелевал каждому вписаться в своем отечестве, заставлял их двинуться оттуда, т. е. из Назарета, и придти в Вифлеем, чтобы вписаться. На это самое теперь указывая, и Евангелист говорит: *пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Марию, обрученную ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице* (Лк. 2:4-7).

3. Видишь ли, возлюбленный, домостроительство Бога, и чрез неверных и чрез верных устрояющего дела свои, дабы чуждые благочестия узнали силу и могущество Его? Звезда вела волхвов с востока, а закон влек Марию в отечество, предсказанное пророками. Отсюда для нас очевидно, что и Дева была из рода Давидова; так как она происходила из Вифлеема, то очевидно, что она была из рода Давидова. Это и выше объяснил Евангелист в словах: *пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова.* Поелику родословие Иосифа изложено, а предков Марии никто не исчислил нам так, как его предков, то, дабы ты не сомневался и не говорил: откуда видно, что и она происходит от Давида? – послушай (как говорит Евангелист): *в шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария* (Лк. 1:26,27). Слова: *из дома Давидова*, надобно принимать сказанными о Деве. И здесь, таким образом, то же выражается. Посему и вышло повеление и закон, приведший их в Вифлеем; как только они пришли в город, вскоре и родился Иисус, а так как много пароду стеклось тогда со всех сторон, места были заняты и происходило великое стеснение, то Он и был положен в яслях. Вот почему и волхвы там поклонились Ему. Но чтобы представить вам доказательство яснее и очевиднее, прошу вас, будьте теперь особенно внимательны: я хочу предложить пространное повествование и изложить древние законы, дабы речь моя была яснее для вас во всех отношениях.

У иудеев был древний закон, или лучше, натаем речь с более раннего. Когда Бог избавил еврейский народ от египетских мук и рабства чужеземному царю, то видя, что они имеют остатки нечестия, увлекаются чувственными предметами и удивляются величию и красоте храмов, повелел им построить храм, который не только ценностью материала и разнообразием искусства, но и видом постройки превосходил все храмы на земле. Как чадолюбивый отец, которому возвратился его сын, долгое время обращавшийся с людьми порочными, развратными и потерянными и отведавший большой роскоши, – окружает его вместе с безопасностью и почетом еще изобилием, дабы он, ни в чем не нуждаясь, не

вспомнил о прежних удовольствиях и не пожелал обратиться к ним; так и Бог, видя, что иудеи увлекаются чувственными предметами, доставляют им и это в превосходном виде, дабы они никогда не пришли к пожеланию египетского или того, что они испытали у египтян. Он созидает храм по образу всего мира, чувственного и умственного. Как в мире есть земля и небо и средостение между ними – твердь, так Он повелел построить и храм. Разделив этот храм на две части и в середине их распростерши завесу, внешнюю часть от завесы Он сделал доступною для всех, а внутреннюю – недоступною и незримою для всех, кроме одного только первосвященника. Что это – не наша догадка, но действительно храм устроен был по образу всего мира, послушай, что говорит Павел о Христе, взошедшем на небо: *ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие* (Евр. 9:24), показывая, что устроенное здесь было образом истинного. А что и завеса отделяла святое святых от внешнего святилища, как это небо отделяет находящееся над ним от всего, находящегося у нас, послушай, как и на это указал он, назвав небо завесою. Говоря о надежде, что ее *которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, выше неба* (Евр. 6:19,20). Видишь ли, как он назвал небо завесою? Вне завесы находились светильник, и трапеза, и медный жертвенник, принимавший жертвы и всесожжения; а внутри за завесою – ковчег, обложенный со всех сторон золотом, вмещавший в себе скрижали завета, золотой сосуд с манною, и жезл Ааронов процветший, и золотой жертвенник не для жертв и всесожжений, но для одного только фимиама. Во внешнюю часть позволялось входить всем, а во внутреннюю – одному первосвященнику. Об этом самом я опять представляю свидетельство Павла, который говорит: *и первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное, – святилищем мирским он называет внешнюю скинию, потому что туда позволялось входить всему миру, – ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется "святое". За вторую же завесою была скиния, называемая "Святое святых", имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие чистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно. При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую -- однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа* (Евр. 9:1-7). Видишь ли, что сюда входил один только первосвященник, и притом однажды в целый год?

4. Как же, скажут, это относится к настоящему дню? Подождите немного и не выражайте нетерпения. Мы раскрываем источник с самого начала и стараемся дойти до самой вершины, чтобы удобнее сделалось все для нас ясным; впрочем, дабы не слишком долго речь моя была прикровенною и, оставаясь неясною, не утомила вас своею продолжительностью, теперь скажу вам причину, почему я излагал все это. Какая же причина? В то время, как Елисавета уже шестой месяц носила во чреве Иоанна, зачала Мария. Итак, если мы узнаем, какой был этот шестой месяц, то узнаем, когда зачала Мария; узнав затем, когда она зачала, узнаем, когда и родила, исчислив девять месяцев от зачатия.

Откуда же мы узнаем, какой был шестой месяц беременности Елисаветы? Если узнаем, какой был месяц, в который она зачала. Откуда же мы узнаем, какой был месяц, в который она зачала? Если узнаем, в какое время получил благуя весть Захария, муж ее. А это самое откуда может быть нам известно? Из божественных Писаний, – святое Евангелие говорит, что Захарии, находившемуся внутри святого святых, ангел принес благуя весть и предсказал ему о рождении Иоанна. Итак, если будет ясно показано из Писаний, что первосвященник входил во святое святых однажды и один, и в какое время и в какой месяц года совершалось это вхождение однажды, то известно будет время, в которое принесена была благуя весть; а когда это будет ясно, то и начало зачатия будет всем известно. А что первосвященник входил

однажды в год, это и Павел показал, и Моисей это же самое делает ясным, говоря так: *и сказал Господь Моисею: скажи Аарону, брату твоему, чтоб он не во всякое время входил во святилище за завесу пред крышку [очистилице], что на ковчеге [откровения], дабы ему не умереть, ибо над крышкою Я буду являться в облаке* (Лев. 16:2), и еще: *Ни один человек не должен быть в скинии собрания, когда входит он для очищения святилища, до самого выхода его. И так очистит он себя, дом свой и все общество Израилево. И выйдет он к жертвеннику, который пред лицем Господним* (ст. 17,18). Отсюда видно, что не во всякое время входил он во святое святых и, когда он находился внутри, никому не позволялось подходить, и надлежало стоять вне завесы. Но заметьте это тщательно, потому что остается показать, какое было время, в которое входил он во святое святых, делая это только однажды в год. Откуда это известно? Из той же самой книги. В ней так говорится: *в седьмой месяц, в десятый [день] месяца смиряйте души ваши и никакого дела не делайте, ни туземец, ни пришлец, поселившийся между вами, ибо в сей день очищают вас, чтобы сделать вас чистыми от всех грехов ваших, чтобы вы были чисты пред лицем Господним; это суббота покоя для вас, смиряйте души ваши: это постановление вечное. Очищать же должен священник, который помазан и который посвящен, чтобы священнодействовать ему вместо отца своего: и наденет он льняные одежды, одежды священные, и очистит Святое-святых и скинию собрания, и жертвенник очистит, и священников и весь народ общества очистит. И да будет сие для вас вечным постановлением: очищать сынов Израилевых от всех грехов их однажды в году. И сделал он так, как повелел Господь Моисею* (Лев. 16:29–34). Здесь говорится о празднике кущей; тогда именно первосвященник входил однажды в год: это показал и сам Моисей сказав: *однажды в году*.

5. Итак, если во время праздника кущей входил во святое святых один только первосвященник, то теперь мы докажем, что именно тогда явился ангел Захарии, когда он находился во святом святых, – потому что явился ему одному, когда он воскурял фимиам, а один первосвященник никогда не входил, как только в это время. Впрочем, ничто не препятствует выслушать самые слова (Писания). *Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. По жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а всё множество народа молилось вне во время каждения* (Лк. 1:5, 9-10), Припомни здесь, возлюбленный, то свидетельство, которое говорить: *ни один человек не должен быть в скинии собрания, когда входит он для очищения святилища, до самого выхода его* (Лев. 16:17). *Тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного* (Лк. 1:11). Не сказал: алтаря жертвенного, но: *жертвенника кадильного*, – потому что алтарь внешний был алтарь для жертв и всесожжений, а алтарь внутренний был алтарем кадильным. Так, и из этого, и из явления ему одному только, и из слов, что вне был народ, ожидавший его, очевидно, что он вошел во святое святых. *Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн. Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме. Он же, выйдя, не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками, и оставался нем* (Лк. 1:12,13,21,22). Видишь ли, что он был внутри за завесою? Тогда и сообщена ему благая весть. А временем этого благовествования был праздник кущей и пост; таков именно смысл слов: *смирите души ваши* (Лев. 16:29). Этот праздник совершается у иудеев в последние дни месяца сентября, как и вы тому свидетели, потому что тогда мы много и долго говорили против иудеев, осуждая неуместный пост их. Тогда же и зачала Елисавета, жена Захарии, и *таилась пять месяцев и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми* (Лк. 1:24–25). Теперь благовременно показать, что на шестом месяце беременности ее Иоанном, Мария получает благую весть о зачатии. Гавриил пришел к ней и сказал: *не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и*

наречешь Ему имя: Иисус (Лк. 1:30–31). Когда же она смутилась и пожелала узнать о способе (исполнения), то, отвечав, ангел говорит ей: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово (Лк. 1:35–37). Итак, если Елисавета зачала в месяце сентябре, как показано, то надобно сосчитать следующие шесть месяцев; они суть: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март.

Значит, после этого шестого месяца зачала Мария; сосчитав отсюда еще девять месяцев, мы и дойдем до настоящего месяца. Таким образом первый месяц зачатия Господа есть апрель, затем май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь – настоящий месяц, в который мы празднуем этот день. Впрочем, чтобы сказанное было для вас еще более ясным, я опять кратко повторю то же самое вашей любви. Однажды в год входил один только первосвященник во святое святых. Когда это происходило? В месяце сентябре. Итак, тогда входил Захария во святое святых, тогда и сообщена ему благая весть об Иоанне. Посему, когда он удалился оттуда, то и зачала жена его. После же сентября, когда Елисавета была беременна шестой месяц, которым был март, зачала и Мария. Сосчитав с апреля девять месяцев, мы и дойдем до настоящего месяца, в который родился Господь наш Иисус Христос.

6. Вот касательно этого дня мы объяснили вам все; скажу еще об одном, и прекращу речь, предоставив сказать большее общему нашему учителю.

Так как многие из эллинов (т. е. язычников), слыша, что Бог родился во плоти, смеются с глумлением и многих из простецов беспокоят и смущают, то необходимо и к ним сказать нечто, а также и к смущающимся, чтобы никогда не приходили в беспокойство, убеждаемые безумными людьми, и не смущались от смеха неверных. И малые дети часто смеются, когда мы говорим о предметах серьезных и занимаемся вещами необходимыми, но смех (их) служит доказательством не ничтожности осмеиваемых предметов, а неразумия смеющихся. Так же можно сказать и об эллинах, что они, будучи в состоянии едва ли не большего неразумия, чем дети, глумятся над тем, что достойно трепета и может исполнить великим удивлением, а поистине смешное почитают и уважают. Впрочем, и наши предметы, осмеиваемые ими, остаются при своей почтенности, никакого не терпя ущерба для своей славы от их смеха; и их предметы, всячески украшаемые выказывают собственное безобразие. Это ли не крайнее безумие, когда они сами, люди на каждом шагу спотыкающиеся, вводя собственных богов и в камни, и в деревья, и в ничтожных истуканов, и заключая их как бы в темнице, думают, что они ни делают, ни говорят ничего постыдного, а нас осуждают, которые говорим, что Бог, устроив для себя Духом святым живой храм, чрез него оказал благоденствие вселенной? Что же в этом предосудительного? Если постыдно Богу обитать в человеческом теле, то гораздо более – в камне и дереве, и тем более, чем камень и дерево ниже человека, – если только не кажется им род наш ничтожнее этих бесчувственных вещей. Сами они дерзают низводить существо Божие до кошек и собак, а многие из еретиков – даже до животных еще худших, чем эти. Мы же ничего такого не говорим и никогда не потерпели бы слушать, но то утверждаем, что Христос воспринял от девического чрева плоть чистую, святую, непорочную и такую, которая явилась недоступною никакому греху, и восстановил собственное создание. Они и подобно им нечестиво поступающие манихеи, низводя существо Божие до собак, обезьян и различных зверей (так как они утверждают, что душа всех этих животных происходит из Его существа), не содрогаются и не прячутся от стыда; а об нас говорят, что мы утверждаем недостойное Бога, – тогда как не можем даже допустить в уме ничего подобного, но утверждаем то, что было прилично и подобало Ему, т. е. что Он, пришедши, восстановил Свое творение таким способом рождения. Что, скажи мне, говоришь ты, человек? Утверждая, что душа человекоубийц и волшебников – из существа Божия, ты осмеливаешься осуждать нас за то, что мы не только сами не допускаем и не можем слышать ничего подобного, но и утверждающих это считаем причастными нечестию,

– и говорим, что Бог, устроив Себе святой храм, чрез него ввел небесный распорядок в нашу жизнь? И не достойны ли вы бесчисленных смертей и за обвинения, которыми осуждаете нас, и за нечестивые дела, в которых не перестаете нечестивать? Если непристойно Богу обитать в чистом и непорочном теле, как говорите вы, то гораздо непристойнее быть в теле волшебника, раскапывателя могил, разбойника, обезьяны или собаки, а не в теле святом, непорочном и сидящем ныне одесную Отца. Да и какой вред или какое осквернение может быть для Бога от такого домостроительства (нашего спасения)? Не видите ли вы это солнце, у которого тело чувственное и разрушимое, и скоропреходящее, хотя бы эллины и манихеи, слыша это, тысячекратно задыхались от досады? Не только оно, но и земля, и море, и все вообще видимые твари подверглись суете. Послушай, как Павел объясняет это, когда говорит; *потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде*. Потом, объясняя, что значит *покорилась суете*, он продолжает, говоря: *что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8:20,21). Следовательно, теперь она скоро преходяща и тленна, потому что *работать истлению* значит не что иное, как быть тленною. Итак, если солнце, тленное тело, испускает повсюду лучи, касаясь грязи, нечистот и многих других подобных вещей, от прикосновения к этим телам нисколько не повреждается в чистоте своей, но опять собирает чистыми свои лучи, сообщая свои совершенства многим из воспринимающих его тел, само же не получая ни малейшего зловония и осквернения, – то гораздо более Солнце правды. Владыка бестелесных сил, войдя в чистую плоть, не только не осквернился, но и ее сделал еще более чистою и святою. Помышляя о всем этом и припоминая голос, говорящий: *вселюсь в них* (Лев. 26:12; 2 Кор. 6:16), и еще: *Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3:16), будем и мы говорить против тех и заградим постыдные уста нечестивых, а нашим благам будем радоваться и прославим воплотившегося Бога за такое снисхождение и по силам нашим окажем Ему достойную честь и воздаяние; а для Бога от нас никакого иного воздаяния быть не может, как только спасение нас и душ наших и попечение о добродетели.

7. Не будем же неблагодарными к Благодетелю, но станем все по силам нашим приносить все – веру, надежду, любовь, целомудрие, милосердие, страннoлюбие. И к чему я прежде убеждал вас, к тому же и теперь, и всегда не перестану убеждать. К чему же именно? Намереваясь приступить к страшной и божественной этой трапезе и священному тайнодействию, делайте это со страхом и трепетом, с чистою совестью, с постом и молитвою, без шума, не беспокоя и не толкая ближних, потому что служит знаком крайнего безумия и необыкновенного презрения и навлекает на поступающих так великое наказание и отмщение. Представь, человек, какой намереваешься ты касаться жертвы, к какой приступить трапезе; обрати внимание, что ты, земля и пепел, причащаешься крови и тела Христовых. Когда царь приглашает вас на пиршество, то вы возлежите со страхом и принимаете предлагаемые яства с почтением и спокойствием; а когда Бог приглашает к Своей трапезе и предлагает собственного Сына, когда ангельские силы предстоят со страхом и трепетом, херувимы закрывают лица свои а серафимы с трепетом зывают: свят, свят, свят Господь, – как ты, скажи мне, осмеливаешься кричать и с шумом приступить к этому духовному пиршеству? Разве ты не знаешь, что в это время душа должна быть полна глубокой тишины? Нужны великий мир и спокойствие, а шум, гнев и смятение, так как это делает приступающую душу нечистою. Какое может быть прощение, если мы после столь многих грехов, даже и тогда, когда приступим к таинству, не очищаем себя от тех безумных страстей? Что вообще необходимее предлагаемого здесь. Или что нас так смущает, чтобы мы, оставив духовное, устремились к плотскому? Нет, прошу и умоляю, не будем навлекать да себя гнев Божий. Предлагаемое здесь есть спасительное врачевство для наших ран, богатство неоскудевающее и доставляющее нам царство небесное. Будем же приступать с трепетом, благодарить, припадать, исповедуя прегрешения свои, проливая слезы, оплакивая свои бедствия, воссылать к Богу усердные молитвы, и таким образом, очищая себя, тихо и с надлежащим благочинием будем подходить, как приближающиеся к Царю небесному;

приняв же непорочную и святую жертву, будем лобызать ев, обнимать ее глазами, согреть свой дух, чтобы наше собрание не послужило к суду или к осуждению нашему, но к целомудрию души, к любви, к добродетели, к примирению с Богом, прочному миру и к залогом бесчисленных благ, дабы нам и себя освятить, и ближним доставить назидание. Об этом я часто говорю и не перестану говорить. И что пользы – стекаться сюда напрасно и тщетно, не научаясь ничему полезному? И какое приобретение – всегда говорить вам в угоду? Настоящее время кратко, возлюбленные: будем же трезвиться бодрствовать, воздерживаться, искренно оказывать всякое попечение о всех и богобоязливость во всем; нужно ли слушать божественные изречения, или молишься, или приступать (к таинству), или делать что-нибудь другое, пусть делается это со страхом и трепетом, чтобы нерадением не навлек на себя проклятие, – ибо *проклят*, говорит (пророк), *всякий, делающий дело Божие небрежно* (Иер. 43:10). Шум и гнев служат оскорблением предложенной жертвы. Крайнее небрежение – представлять себя Богу оскверненным. Послушай, что говорит об этом апостол: *Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3:17). Итак не будем возбуждать гнева Божия вместо примирения с Ним, но, оказывая все усердие и всю красоту и безмятежность души, будем приступать с молитвою и сокрушенным сердцем, дабы и этим самым умилившись Владыку нашего Иисуса Христа, мы могли получить обещанные нам блага, благодатью и человеколюбием Самого Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу с Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

4

Слово в день Богоявления

Против не присутствующих в священных собраниях, и о святом спасительном крещении Спасителя нашего Иисуса Христа, и о недостойно причащающихся, и о том, что оставляющие божественную литургию прежде ее окончания и выходящие прежде заключительной молитвы уподобляются Иуде

1. Все вы сегодня в радости, а я один только в печали. Когда я посмотрю на это духовное море и вижу несметное богатство церкви, я потом подумаю, что, по прошествии праздника, это множество, отхлынув, опять удалится от нас, то терзаюсь и скорблю душою о том, что церковь, родившая столько детей, может утешаться ими не в каждое собрание, но только в праздник. Какое было бы духовное веселье, какая радость, какая слава для Бога, какая польза для душ, если бы мы при каждом собрании видели ограды церкви так наполненными! Мореплаватели и кормчие делают все, как бы переплыть море и достигнуть пристани, а мы ревнуем о том, чтобы непрестанно носиться по морю, постоянно погружаться в волны житейских дел, обращаться на площадях и в судилищах, здесь же встречаться едва однажды или дважды в целый год.

Или вы не знаете, что Бог устроил церкви в городах, как пристани на море, дабы мы, прибегая сюда от бури житейских смятений, наслаждались величайшею тишиною? Подлинно, здесь не нужно бояться ни бурного движения волн, ни нападения разбойников, ни нашествия злодеев, ни силы ветров, ни засады зверей; это – пристань свободная от всего такого, это – духовная пристань душ. И вы сами свидетели сказанному. Если бы кто-нибудь из вас раскрыл теперь свою совесть, то нашел бы внутри себя великое спокойствие: ни гнев не волнует, ни похоть ни воспаляет, ни зависть не иссушает, ни гордость не надмевает, ни страсть тщеславия не снедает, но все эти звери укрощены, так как слушание божественных Писаний, как бы некоторая божественная чарующая песня, проникает чрез слух в душу каждого и усыпляет эти безумные страсти. Как же не жалеть о тех, которые, имея возможность наслаждаться таким любомудрием, не обращаются и не приходят постоянно к общей матери всех церкви? Какое мог бы ты указать мне занятие необходимее этого? Какое собрание полезнее? И что препятствует пребыванию здесь? Ты, конечно, скажешь мне, что бедность бывает для тебя препятствием участвовать в этом прекрасном собрании; но это – неосновательный предлог. Неделя имеет семь дней; эти семь дней Бог разделил с нами так, что Себе не взял больше, и нам не дал меньше, и даже не разделил их поровну – не взял Себе трех и не дал вам трех, но тебе отделил шесть дней, а для Себя оставил один. Ты же и в этот весь день не хочешь воздержаться от дел житейских но как поступают святотатцы, так и ты осмеливаешься поступать с этим днем, похищая и употребляя его на житейские заботы, тогда как он священен и назначен для слушания духовных учений. Но что говорить о целом дне? Как поступила вдовица с милостынею (Мк. 12:42), так поступай и ты с временем этого дня: она положила две лепты, и приобрела великое благоволение от Бога, так и ты удели Богу два часа, и внесешь в дом свой прибыль бесчисленных дней. А если не воздержишься, то смотри, чтобы ты, не желая отрешиться от земных приобретений в течение малой части дня, не лишился трудов целых годов. Бог может, когда пренебрегают Им, уничтожить и собранные богатства, как Он, угрожая,

говорил иудеям, когда они нерадели о храме: *Взойдите на гору и носите деревья, и стройте храм; и Я буду благоволить к нему, и прославлюсь, говорит Господь* (Агг. 1:9). Если ты приходишь к нам один раз или дважды в год, то, скажи мне, чему необходимому мы можем научить тебя – о душе, о теле, о бессмертии, о царстве небесном, о наказании, о геенне, о долготерпении Божиим, о прощении, о покаянии, о крещении, об отпущении грехов, о тварях небесных и земных, о природе человеческой, об ангелах, о коварстве бесов, о кознях диавола, о поведении, о догматах, о правой вере, об извращенных ересях? Это и гораздо больше этого должно знать христианину и о всем давать ответ спрашивающим вас. А вы не можете узнать и малейшей части этого, собираясь сюда однажды в год, и притом мимоходом и по обычаю праздника, а не по благочестивому душевному расположению, – ибо и то было бы хорошо, если бы кто, присутствуя здесь при каждом собрании, мог в точности удержать все это. Многие из вас, присутствующих здесь, имеете рабов и сыновей, и, когда намереваетесь отдать их учителям искусств, каких выберете, то вместе с тем делаете свой дом недоступным для них раз навсегда, и заготовив одежду и пищу и все прочее необходимое для них, помещаете их вместе с учителем, запрещая им ходить в ваш дом, дабы от постоянного пребывания там и не развлекаемого никакими заботами занятия учение их было успешнее. Но имея научиться не обыкновенному искусству а, величайшему из всех, – как угодить Богу и достигнут небесных благ, вы думаете, что можно сделать это мимоходом? Не безумно ли это? А что [эта] наука есть дело требующее великого внимания, послушай, что говорит [Христос]: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29); и опять пророк: *Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас* (Пс. 33:12); и еще: *Остановитесь и познайте, что Я – Бог* (Пс. 45:11). Итак, много нужно (посвятить) времени для занятий тому, кто хочет усвоить себе это любомудрие.

2. Впрочем, чтобы нам не употребить всего времени на обличение отсутствующих, мы, удовольствовавшись тем, что сказано для исправления их нерадения, полюбомудрствуем теперь несколько о настоящем празднике. Многие празднуют праздники и с названиями их знакомы, но поводов, по которым они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, всем известно; а какое это Богоявление, и одно ли оно или два, этого еще не знают; между тем крайне стыдно и весьма смешно – каждый год празднуя этот праздник, не знать повода, по которому он установлен. Посему прежде всего необходимо сказать вашей любви, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое – будущее, которое произойдет со славою при кончине [мира]. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: *Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа* (Тит. 2:11-13). И пророк об этом последнем сказал так: *Солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный* (Иоил. 2:31). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Он родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Посему в этот праздник в полночь все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года остается неповрежденною и свежую, и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда Он крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, кто Он был, об этом послушай Иоанна Крестителя, который говорит: *но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете* (Ин. 1:26). И удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня? *Я не знал Его, говорит он, но Пославший меня крестить в воде сказал*

мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым (Ин. 1:33). Отсюда видно, что два Богоявления; а почему Христос приходит на крещение, об этом необходимо сказать, а также и о том, на какое Он приходит крещение, – и то и другое необходимо знать. И наперед надобно сказать вашей любви о последнем, так как из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое беззаконие, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил из [места] заразы, кто обращался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист а потом очищался. *Да омоет тело свое водою чистою*, говорится в Писании, *и нечист будет до вечера, и чист будет* (Лев. 5:5; 22:7). Это не были в самом деле грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их чрез это более благочестивыми, с самого начала приготовлял их к точнейшему соблюдению важнейшего.

3. Итак, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего; оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущим чрез себя от первого к последнему, так как понуждало их [иудеев] не к соблюдению телесных очищений, но вместо таковых увещевало и советовало переходить от порока к добродетели и надежду спасения полагать в совершении [добрых] дел, а не в разных омовениях и очищениях водою. [Иоанн] не говорил: *вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист*; но что? *Сотворите достойный плод покаяния* (Мф. 3:8). Потому именно оно было выше иудейского, но ниже нашего, что крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпускать [грехи]. Поэтому [Иоанн] и говорил: *Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Мф. 3:11). Очевидно, что Он не крестил Духом. Что же значит: *Духом Святым и огнем*? Вспомни тот день, в который апостолам явились *разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них* (Деян. 2:3). А что крещение Иоанново было несовершенно, не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел, *пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой* (Деян. 19:1-6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского крещения, и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Но из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением. Ни прежним – иудейским, ни последующим – нашим, потому что Он не имел нужды в отпущении грехов; да и как может нуждаться в этом Тот, Кто не имеет никакого греха? *Греха*, говорится в Писании, *Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его* (1 Пет. 2:22); и еще: *кто из вас обличит Меня во грехе* (Ин. 8:46)? И Духу не была непричастна плоть Его; да и как могло быть иначе, когда она вначале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким Он крестился крещением, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не потому что имел нужду в даре Духа; как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда

видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов, и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствовавших тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил: *сотворите достойный плод покаяния, послушай, что он говорит Ему: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне* (Мф. 3:8,14)? Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он сам более далек был от нужды – креститься по той же причине, что был гораздо выше и несравненно чище и самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Итак, какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса* (Деян. 19:4). Это было завершением крещения. Если бы обходить жилище каждого и, подойдя к дверям, вызывать на улицу и, держа Христа, говорить: это есть Сын Божий, то это делало бы свидетельство подозрительным и было бы весьма затруднительно. Также, если бы, взяв Христа, войти в синагогу и показать Его, то и это самое опять делало бы свидетельство подозрительным. Но когда весь народ стекся из всех городов к Иордану и пребывал на берегах реки, то уже то обстоятельство, что и Сам Он пришел креститься и получил удостоверение свыше голосом Отца и наитием Духа в виде голубя, делало свидетельство о Нем Иоанна несомненным. Потому он и говорит: *я не знал Его*, представляя свидетельство свое достоверным (Ин. 1:31), так как они были по плоти родственниками между собою [*Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц*, говорил ангел Марии о матери Иоанна (Лук. 1:36); если же матери были в родстве, то, очевидно, и дети]. Итак, поелику они были родственниками, то, дабы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провел весь ранний свой возраст в пустыне, дабы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какому-нибудь подобному предвзятому основанию; но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нем. Вот он и говорит: *я не знал Его*. Откуда же ты узнал? *Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым* (Ин. 1:33). Видишь ли, что Дух Святой снизошел не так, как в первый раз нисшел на Него, но дабы показать проповеданного, наитием Своим, как бы перстом, указуя Его всем? По этой причине Он пришел на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал: *мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?* – то Он отвечал так: *оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3:14,15). Видишь ли благоразумие раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит: *исполнить всякую правду?* *Правдою* называется исполнение всех заповедей, как говорится: *поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно* (Лк. 1:6). Так как исполнять эту правду должны были все люди» но никто из них не соблюл и не исполнил ее, то Христос, приходя, исполняет эту правду.

4. А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдою. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное – повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: *пославший меня крестить в воде* (Ин. 1:33); также и Христос: *мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него* (Лк. 7:29,30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос со всем другим, что требуется законом, исполнил и это. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев; этот долг должен был уплатить род наш; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть.

Христос, пришедши и найдя нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил [от ней] тех, которые же могли уплатить. Посему Он не сказал: нам должно сделать то и то, но: *исполнить всякую правду*. Мне, Владыке имеющему, говорит Он, надлежит уплатить за не имеющих. Такова причина Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина, и та, о которой сказано прежде. Поэтому и Дух нисшел в виде голубя: где примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принес масличную ветвь – знак человеколюбия Божия и прекращения бедствия; и теперь в виде голубя, а не в телесном виде (это особенно должно заметить), нисходит Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18:3). Но тот ковчег, по прекращении бедствия, остался на земле; а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это непорочное и нетленное тело находится одесную Отца.

Но так как я упомянул о теле Господнем, то необходимо сказать вам немного и об этом, и потом окончить речь. Я знаю, что многие у нас приступят к этой священной трапезе по случаю праздника. Итак должно, как я часто и прежде говорил, не праздники наблюдать, чтобы приобщаться, а очищать совесть, и тогда касаться священной жертвы. Преступный и нечистый не имеет права и в праздник причащаться этой святой и страшной плоти; а чистый и омывший свои погрешения искренним покаянием в праве и в праздник и во всякое время причащаться божественных тайн и достоин наслаждаться божественными дарами. Но поскольку, не знаю почему, некоторые не обращают на это внимание, и многие, исполненные бесчисленных грехов, видя наступивший праздник, как будто побуждаясь самим этим днем, приступают к святым тайнам, на которые и смотреть не должно находящимся в таком состоянии, то тех, которые известны нам, мы сами непременно удалим, а неизвестных нам, предоставим Богу, знающему тайны помышлений каждого; теперь же постараемся исправить то, в чем все явно согрешают. В чем же состоит этот грех? В том, что приступают не с трепетом, но с давкою, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, толкая ближних, полные смятения. Об этом я часто говорил и не перестану говорить. Не видите ли, какое бывает благочиние на олимпийских играх, когда распорядитель проходит по площади, с венцом на голове, одетый в длинную одежду, держа в руке жезл, а глашатай объявляет, чтобы было тихо и благоприлично? Не нелепо ли, что там, где торжествует диавол, бывает такое спокойствие, а там, где призывает к Себе Христос, бывает великий шум? На площади безмолвие, а в церкви крик? На море тишина, а в пристани волнение? К чему ты, скажи мне, беспокоишься, человек? Что гонит тебя? Необходимые дела, конечно, призывают тебя? В этот час ты особенно сознаешь, что у тебя есть дела, особенно помнишь, что ты находишься на земле, и думаешь, что обращаешься с людьми? Но не каменной ли душе свойственно думать, что в такое время ты стоишь на земле, а не ликуешь с ангелами, с которыми ты воссылаешь таинственное песнопение, с которыми ты возносишь победную песнь Богу? Для того Христос и назвал нас орлами, сказав: *где будет труп, там соберутся орлы* (Мф. 24:28), чтобы мы восходили на небо, чтобы парили в высоте, возносясь на крыльях духа; а мы, подобно змеям, пресмыкаемся во прахе и едим землю. Хотите ли, я скажу, отчего бывает этот шум и крик? Оттого, что мы не на все время запираем для вас двери, но позволяем прежде последнего благодарения стремительно выходить и уходить домой. Это и само по себе выражает великое пренебрежение. Что делаешь ты, человек? Когда присутствует Христос, предстоят ангелы, предлежит эта страшная трапеза, и братья твои еще участвуют в таинствах, сам ты, оставив все, убегаешь? Быв приглашен на обед, ты, хотя бы и прежде других насытился, не осмеливаешься выходить прежде друзей, когда другие возлежат еще; а здесь, когда еще совершаются страшные таинства Христовы, когда еще продолжается священнодействие, ты в самой середине оставляешь все и выходишь? И где это может быть достойно прощения? Какое может быть оправдание? Хотите ли, я скажу, чье дело делают те, которые уходят прежде окончания и не совершив благодарственных

песнопений по окончании трапезы? Может быть, покажется жестоким то, что будет сказано, однако необходимо сказать по причине нерадения многих. Иуда, приобщившись последней вечери в ту последнюю ночь, поспешно вышел, тогда как все прочие еще возлежали. Вот кому подражают и те, которые спешат прежде последнего благодарения! Если бы он не вышел, то не сделался бы предателем; если бы не оставил соучеников, то не погиб бы; если бы не отторгнул себя от стада, то волк не захватил бы его одного и не пожрал бы; если бы не отделил себя от пастыря, то не сделался бы добычею зверя. Посему он был с иудеями, а те с Господом вышли, воспевая. Видишь ли, по какому образцу совершается последняя молитва после жертвоприношения? Будем же, возлюбленные, представлять себе это, будем помышлять об этом, страшась предстоящего за то осуждения. Он [Христос] дает тебе Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодаришь за полученное? Когда ты вкушаешь телесную пищу, то после трапезы обращаешься к молитве; а когда приобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь, видимую и невидимую, ты, человек и уничиженный по естеству, не остаешься благодарить Его словами и делами? Не достойно ли это крайнего наказания? Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, или шумели и кричали, но чтобы вы, благовременно вспоминая эти слова, показывали надлежащее благочиние. Таинства и называются и суть таинства; а где таинства, там великое молчание. Итак, будем приступать к этой священной жертве с глубоким молчанием, с великим благочинием, с надлежащим благоговением, чтобы нам заслужить большее благоволение у Бога, очистить свою душу и достигнуть вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, и держава, и поклонение ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

5

Слово на Новый Год

(Это слово сказано святителем Иоанном Златоустом в Антиохии 1 января 387 года по Р. Х., как с вероятностью можно заключать из самого его содержания, и потому помещается между его словами, произнесенными в 386 и 387 годах. Полное его заглавие следующее: "Слово в Календы, в отсутствии епископа антиохийского Флавиана, сказано против наблюдающих новомесечия и совершающих ликования в городе, и на слова апостола: все делайте в славу Божию (1 Кор. 10:31).)

1. Как для хора нужен начальник и для общества мореплавателей кормчий, так и сонм священников желал бы сегодня быть вместе с своим архиереем и общим отцом. Но в хоре и на корабле за отсутствием начальников часто многого недостает для порядка и безопасности; а здесь не так; потому что, хотя (епископ) не присутствует здесь телом, но присутствует духом; и ныне он с нами, хотя сидит дома, равно как и мы с ним, хотя стоим здесь. Сила любви такова, что она обыкновенно совокупляет и соединяет находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Того, кого любим, мы представляем себе каждый день, хотя бы он жил на чужбине и был отделен от нас обширными морями; равно как того, кто нам не нравится, хотя бы он находился близ нас, часто как бы совсем не видим. Так, где есть любовь, там расстояние места нисколько не вредит; а где нет ее, там нет никакой пользы от близости мест. Недавно, когда я говорил в похвалу блаженного Павла, вы были в таком восторге, как бы видели его самого присутствовавшим с нами, хотя тело его лежит в царственном городе Рима, а душа в руке Божией; а души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их (Прем. 3:1); однако сила любви представляла его пред вашими глазами. Хотел бы я и сегодня заняться тем же предметом, но слово мое стремится к другим неотложным предметам, к сегодняшним погрешностям всего города. Желаящим слышать похвалы Павлу наперед должно сделаться подражателями добродетелей Павла и достойными слышать о них. Итак, хотя нет с нами нашего отца, но ободряясь его молитвами, я предложу вам поучение. Так и Моисей, хотя телом не находился вместе с сражавшимися (израильтянами), но не менее, а гораздо более сражавшихся способствовал победе, простертием рук подкрепляя своих и приводя в трепет противников (Исх. гл. 17). Как сила любви не останавливается расстоянием мест, так и действие молитвы; но как любовь соединяет разлученных друг от друга, так и молитва может принести величайшую пользу находящимся вдали друг от друга. Итак, смело вступим в борьбу; ибо и нам теперь предстоит борьба не с амаликитянами, напавшими, как в то время, и не с другими какими-либо варварами, сделавшими набег, но с демонами, которые ходят торжественно по площади. Происходящие сегодня дьявольские всемогущие гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город; и тогда, как должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, как согрешившим, так и не согрешившим, одним смотря на свои грехи, а другим смотря на бесчиние братьев, наш город веселится, красуется и увенчивается; площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облакаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное; всякий мастеровой, выставляя на показ свои работы, старается перещеголять своего товарища. Такое соревнование, хотя показывает ребяческий ум и душу неспособную к великим и возвышенным помыслам, но не слишком большой влечет за собою вред: есть

только какое-то безрассудное рвение, навлекающее на соревнователей осмеяние. Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу, – не площадь, но ум, чтобы ангелы дивились, и архангелы одобряли твое дело, и Владыка ангелов наградил тебя Своими дарами, а хвастовство совершающееся ныне, возбуждает и смех и зависть, – смех в тех, которые мыслят несколько выше, а зависть и великую ненависть в тех, которые подвержены тем же болезням.

2. Но, как я выше сказал, такое соревнование заслуживает небольшого порицания; а более всего прискорбны состязания, которые происходят сегодня в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселии, то и во весь год будет то же; а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великою неумеренностью. Это несообразно с нашим любомудрием, сами ли вы делаете это, или позволяете делать другим, слугам, или друзьям, или соседям. Неужели ты не слышал слов Павла: *наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас* (Гал. 4:10,11)? Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не только от безумия, но и от дьявольского влияния происходит та мысль, будто в делах вашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. День бывает худ или хорош не по своей природе, – потому что день ото дня ничем не разнится, но – по нашему усердию или беспечности. Если ты сделал добро, то день для тебя хорош, а если ты согрешил, то – худ и неразлучен с наказанием. Если ты будешь так рассуждать и так настраивать себя, совершая каждый день молитвы и милостыни, то весь год для тебя будет счастлив; а если ты, не заботясь о добродетели, будешь ожидать радостей для души своей от начала месяцев и исчисления дней, то не будет тебе ничего доброго. Дьявол, зная это и стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастные, тот в несчастный день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его нерадение несколько не повредит ему, по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другом случае будет терять свое спасение, и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет провождать жизнь недейтельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней дьявола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы свергнуть нас в нерадение, но чтобы и оклеветать и создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого, и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем. Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Вино производит бурю, а слово – тишину; вино причиняет шум, а слово прекращает смятение; вино помрачает ум, а слово просвещает и помраченный; вино вселяет скорби, которых не было, а слово отгоняет и те, которые были. Ничто обыкновенно так не ведет к спокойствию и радости, как правила любомудрия – презирать настоящее, стремиться к будущему, не считать ничего человеческого постоянным – ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился так мудрствовать, то не будет терзать тебя зависть, когда увидишь богатого, и когда впадешь в бедность, не унизишься от бедности; и таким образом, будешь в состоянии постоянно праздновать. Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь провождать в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем Павла, который говорит: *посему станем праздновать не*

со старую закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины (1 Кор. 5:8). Итак, если у тебя чиста совесть, то ты имеешь постоянный праздник, питаешься добрыми надеждами и утешаясь упованием будущих благ; если же ты не спокоен в душе и виновен во многих грехах, то и при тысячах праздников и торжеств ты будешь чувствовать себя не лучше плачущих. Какая мне польза от светлого дня, когда душа моя помрачена укоризнами совести? Итак, если ты хочешь получить пользу и от начала новых месяцев, то поступай так: по окончании года возблагодари Владыку, что Он сохранил тебя до этого предела годов; сокрушись своим сердцем, исчисли время твоей жизни, и скажи сам себе: дни бегут и проходят; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сделали доброго? Неужели пойдем отсюда без всего, без всякой добродетели? Суд при дверях, остальная жизнь клонится к старости.

3. Так любомудрствуй при начале новых месяцев; это приводи на память при годовых кругообращениях; станем помышлять о будущем дне, чтобы не сказал кто-нибудь о нас того же, что сказал пророк об иудеях: и *погубил дни их в суете и лета их в смятении* (Пс. 77: 33). Такой праздник, о каком я сказал, постоянный, не ожидающий круговращения годов, не ограничивающийся известными днями, может равно праздновать и богатый и бедный; потому что здесь не деньги нужны, не богатство, а одна добродетель. Нет у тебя денег? Но есть страх Божий, сокровище лучшее всяких богатств, которое не повреждается, не изменяется и не истощается. Посмотри на небо, на небеса небес, на землю, море, воздух, разнородных животных, разнообразные растения, на всю человеческую природу; помысли об ангелах, архангелах, вышних силах; вспомни, что все это – богатство твоего Владыки. Быть не может, чтобы слуга столь богатого Владыки был беден, если Господь его милостив к нему. Наблюдать дни несообразно с христианским любомудрием, но это – дело языческого заблуждения. Ты приписан к вышнему граду, принят в тамошнее гражданство, вступил в общество ангелов, где нет света переходящего во тьму, ни дня оканчивающегося ночью, но всегда – день, всегда – свет. Туда будем стремиться непрестанно. *ищите горнего*, говорит (апостол), *где Христос сидит одесную Бога* (Кол. 3:1). Ты не имеешь ничего общего с землею, где есть течение солнца и круговращения времен года и дней; но если ты живешь праведно, то и ночь для тебя становится днем, равно как для тех, которые проводят жизнь в распутстве, пьянстве и невоздержании, день обращается в ночной мрак, не потому, чтобы померкло солнце, но потому, что ум их омрачен пьянством. Замечать дни, находить в них особенное удовольствие, зажигать на площади светильники, плести венки, есть дело детской несмысленности; а ты уже вышел из этой немощи, достиг мужеского возраста и вписан в гражданство небесное; не освещай же площади чувственным огнем, но озаряй ум твой светом духовным. *Так да светит*, сказал (Господь), *свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:16). Такой свет принесет тебе великое воздаяние. Не украшай венками дверей своего дома, но веди такую жизнь, чтобы получить на свою голову от руки Христовой венец правды. Ничего не должно делать напрасно, без цели; Павел заповедал делать все во славу Божию. *Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете*, говорит он, *все делайте в славу Божию* (1 Кор. 10:31). Но как можно, скажешь ты, есть и пить во славу Божию? Призови бедного, участником твоей трапезы сделай Христа; и таким образом ты ел и пил во славу Божию. И не только это делать во славу Божию заповедал апостол, но и все прочее, как-то: выходить на улицу и оставаться дома; то и другое должно быть для Бога. А как возможно, чтобы то и другое было для Бога? Когда ты приходишь в церковь, когда участвуешь в молитве и духовном поучении, то тогда выход из дома бывает во славу Божию. Также и дома оставаться можно для Бога. Как и каким образом? Когда ты слышишь, что шум, бесчиния, диавольские торжества, порочные и распутные люди наполнили площадь, останься дома, удались от этого шума, и ты останешься дома во славу Божию. Как оставаться дома и выходить из дома можно для Бога, так можно (во славу Божию) и хвалить и обличать. Как можно, скажешь, хвалить кого-нибудь или укорять во славу Божию? Вы иногда сидите в мастерских, видите, как проходят

мимо дурные и негодные люди, нахмурив брови, с надменным видом, в сопровождении множества нахлебников и льстецов, в дорогих одеждах и пышных украшениях, люди, похищающие чужое и любостыжательные; тогда, если кто скажет: как завидно их состояние, как они счастливы! – такого укори, обличи, загради ему уста, жалей, плачь: это значит укорять для Бога. Такая укоризна для сидящих вместе с тобою будет уроком любомудрия и добродетели о том, чтобы не увлекаться вещами житейскими. Того, кто сказал это, спроси: почему ты считаешь его счастливым? Потому ли, что у него чудный конь, с позлащенной уздой, что у него много слуг, что он одет в светлую одежду, и безмерно упивается и роскошествует каждый день? Но поэтому он несчастен и жалок и достоин обильных слез. Я вижу, что в нем самом вы не можете ничего похвалить, а хвалите все вне его: коня, узду, одежду; а все это – не он. Что же, скажи мне, может быть горестнее того, когда конь его, узда коня, красота одежды и телесное благообразие слуг возбуждают удивление, а в нем самом не находится ничего похвального? Кто может быть беднее того человека, который не имеет никакого собственного добра и ничего такого, с чем бы мог отойти отсюда в (вечность), но украшается всем чужим? Собственное наше богатство и украшение составляют не слуги, одежды и кони, но добродетель души, богатство добрых дел и дерзновение пред Богом.

4. Напротив, когда увидишь нищего, пренебрегаемого, презираемого, живущего в бедности, но добродетельно; и когда сидящие с тобою назовут его жалким: ты похвали его; и твоя похвала проходящему мимо будет наставлением и увещанием к жизни честной и добродетельной. Если скажут: как он несчастен и жалок! – ты скажи, что он блаженнее всех; потому что имеет Бога своим другом, живет добродетельно, приобрел богатство никогда неоскудевающее, имеет чистую совесть. Что за потеря для него, что нет денег, когда он получит в наследие небо и небесные блага? Если ты и сам будешь так мудрствовать и наставлять других, то получишь и за укоризну и за похвалу великое возмездие; так как то и другое ты делал во славу Божию. Что я не напрасно говорю это, что великое воздаяние уготовано от Бога тем, которые так размышляют, и что великую добродетель составляет подобное суждение о провождающих такую жизнь, послушай, что говорит пророк, и как он поставляет в числе добродетелей обличение людей порочных и прославление боящихся Бога. Исчислив прочие добродетели человека, имеющего получить почести от Бога, и сказав, каков должен быть тот, *кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей?*; что он должен быть *непорочным и делать правду, и говорить истину в сердце своем*; потом он присовокупляет: *который боящихся Господа славит; кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет* (Пс. 14:1-4); этим он показывает, что к числу добродетелей принадлежит и то, чтобы презирать порочных и хвалить и ублажать добродетельных. О том же говорит он и в другом месте: *Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их* (Пс. 118:17). Кого хвалит Бог, того ты не порицай; а Он хвалит того, кто живет праведно, хотя бы он был и беден. Кого Бог отвращается, того не хвали; а Он отвращается того, кто живет порочно, хотя бы он изобиловал богатством. Будешь ли хвалить кого или порицать, делай то и другое согласно с волею Божией. Можно и порицать во славу Божию. Как? Мы часто досадуем на слуг наших; каким же образом можно порицать их для Бога? Если ты видишь, что слуга, или друг, или кто другой из близких к тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, нерадит о своей душе, клянется, преступает клятвы, лжет; то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его, и все это ты сделаешь для Бога. Если же увидишь, что он виновен против тебя, нерадив в услужении тебе, то прости его; и ты простишь для Бога. А ныне многие поступают напротив и с друзьями и со слугами своими. Когда кто согрешит против них самих, тогда они делаются жестокими и неумолимыми судиями; а когда кто оскорбляет Бога, и губит свою душу, то они не обращают на это никакого внимания. Еще нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно ли приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей,

которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстанавливать после падения и при помощи советов и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, зараженного нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него, как повелел и Христос, сказав: *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф. 5:29), повелевая и таких друзей, которые дороги для нас, как глаза, и необходимы в делах житейских устранять и отвергать, если они вредят спасению нашей души. Если находишься в обществе и ведешь длинную речь, делай и это для Бога; и если молчишь, молчи для Бога. А как можно быть в обществе для Бога? Если ты, сидя там, будешь разговаривать не о житейских делах, не о пустых, тщетных и нисколько не относящихся к нам, но о нашем любомудрии; о геенне, о небесном царстве, а не о чем-нибудь излишнем и бесполезном, например: кто достиг власти, кто лишен власти, за что такой-то наказан, от чего такой-то получил прибыль и разбогател, что такой-то по смерти оставил такому-то, почему лишен наследства такой-то, думавший быть в числе первых наследников? – и прочем тому подобном. Об этом и сами мы не будем разговаривать, и другим не будем позволять, но будем обращать внимание на то, какими делами или словами можно угодить Богу. Также можно и молчать для Бога тогда, когда тебя обижают, поносят, и причиняют тебе тысячи огорчений, а ты переносишь все великодушно и ни одним словом не злословишь того, кто так с тобою поступает. Не только можно хвалить и укорять, оставаться дома и выходить, говорить и молчать, но и плакать и печалиться, и радоваться и веселиться можно во славу Божию. Когда ты, видя, что брат твой грешит, или сам ты впал в грех, будешь вздыхать и скорбеть, то ты посредством такой скорби приобретешь спасение, о котором не будешь раскаиваться, как говорит Павел: *Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7:10). Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо возблагодаришь Бога, соделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду.

5. Что может быть, скажи мне, горестнее состояния завистливых людей, которые, имея возможность радоваться и получать возмездие за свою радость, вместо этого предаются скорби о благополучии других и с такою скорбью еще навлекают на себя наказание от Бога и невыносимые мучения? Но что говорить о похвалах и укоризнах, о печалях и радостях, когда и от самых маловажных и низменных дел можно получать весьма великую пользу, если мы совершаем их во славу Божию? Что маловажное стрижения волос? Но и это можно делать для Бога. Если ты не будешь изысканно убирать волос, не будешь украшать лица, не будешь наряжаться к соблазну и прельщению взирающих на тебя, а оденешься просто, как случится, и как требует только нужда; то ты сделаешь это для Бога и без сомнения получишь награду за то, что обуздал порочную похоть и укротил неуместное тщеславие. Подлинно, если тот, кто подает для Бога *чашу студены воды*, наследует царство небесное (Мф. 10: 42), то представь, какое получит возмездие тот, кто все делает для Бога! Можно и ходить для Бога и смотреть для Бога. А как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься к нечестию, не занимаешься чужою красотой; когда, видя идущую на встречу женщину, удерживаешь свое зрение, ограждаешь лице свое страхом Божиим, то ты сделаешь это для Бога; также когда мы одеваемся не в дорогие и изнеживающие нас одежды, но в такие, которые могут только прикрыть нас. Можно распространить это правило и на обувь. Многие дошли до такой изнеженности и роскоши, что даже обувь свою украшают и всячески испещряют не менее, чем другие лице, это – знак нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажным, однако как в мужчинах, так и в женщинах это есть знак и доказательство великого невоздержания. Итак и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будем удовлетворять только нужде ее ставить мерою при пользовании вещами. А что и походкой и одеянием можно прославлять Бога, о том, послушай, что говорит мудрый муж: *Одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его* (Сир. 19:27). Если

мы в одежде будем соблюдать приличие и степенность и во всем показывать великую скромность, то и неверный и невоздержный и буйный, как бы он ни был бесчувствен, при первой встрече с таким человеком будет удивляться ему. Когда мы в брак вступаем, то и это должны делать для Бога, имея в виду не то, чтобы получить богатое имение, но чтобы найти в жене благородство души, не множество денег и знаменитость предков, но добродетель и кротость нравов; мы должны брать спутницу в жизни, а не участницу в пиршествах. Но к чему исчислять все? Мы можем, подобно вышесказанному, проследить каждое событие и дело, и все совершать для Бога. Как торговцы, плавающие по морю и пристающие к городам, выходят из пристани на торжище не прежде, как узнавши, что можно получить прибыль от своих товаров, так и ты ничего не делай и не говори, от чего не будет пользы во славу Божию. Не говори мне, что невозможно делать все для Бога. Если обувь, стрижение волос, одежда, походка, взгляд, беседы и собрания, входы и выходы, шутки и похвалы, укоризны и одобрения, дружба и вражда могут быть для Бога, то что еще остается, что не может совершаться для Бога, если мы захотим? Что хуже положения темничного стража? Жизнь его не почитается ли ниже всякой другой? Однако может и он, если захочет, проводить эту жизнь с пользой для себя, когда будет щадить узников, услуживать заключенным несправедливо, не торговать чужими несчастьями, когда будет общим пристанищем для всех имеющих в том нужду. Так спасся *темничный страж*, приставленный к Павлу (Деян. 16:31). Отсюда видно, что мы от всего, если захотим, можем получить себе пользу.

6. Что, скажи мне, тяжелее убийства? Но и оно некогда было вменено в правду дерзнувшему совершить его; так важно делать что-нибудь для Бога. А каким образом убийство могло быть вменено в правду? Маданитяне, желая некогда возбудить гнев Божий против иудеев и надеясь преодолеть их, когда лишат их благоволения Господня, наряжали своих дочерей, ставили их в виду войска и, прельщая евреев, приводили их сперва к блудодеянию, а потом и к нечестию. Видя это, Финеес взял меч и, застав двух блудодействующих в самом действии греха, пронзил обоих, и тем, отклонил гнев Божий от исполнения (мщения) (Числ. гл. 25). Таким образом, хотя это действие было убийством, но следствием его было спасение всех погибавших, а потому вменено сделавшему его в правду. Такое убийство не только не осквернило рук его, но сделало их более чистыми, и весьма справедливо: потому что он сделал это не из ненависти к убитым, но для спасения прочих; убил двоих, а спас многие тысячи. Он поступил так, как поступают врачи, когда они, отсекая гниющие члены, сохраняют здоровье всего тела. Посему и говорит псалмопевец: *И восстал Финеес и произвел суд, – и остановилась язва. И это вменено ему в праведность в роды и роды во веки* (Пс. 105:30-31). Памятование о таком поступке осталось бессмертным. Другой напротив молился, и разгневал Бога; так опасно делать что-нибудь не для Бога; я разумею фарисея (Лк. гл. 18). Финеес сделал убийство и снискал Божие благоволение; а этот молясь разгневал Бога, конечно не молитвою, но расположением духа, с каким он молился. Таким образом и духовное действие может причинить великий вред, когда совершается не для Бога; напротив и житейское дело может принести великую пользу тому, кто совершает его из любви к Богу. Что может быть хуже и тяжелее убийства? Однако и оно сделало праведником осмелившегося совершить его. Какое же мы будем иметь оправдание, утверждая, что нельзя отовсюду получать пользу и делать все для Бога, когда нашелся такой, который получил пользу даже от убийства? Если мы захотим быть внимательными, то во всю жизнь можем вести такую духовную торговлю – как в купле, так и в продаже; например, когда не будем требовать цены незаконной, когда не будем ожидать времени дороговизны, чтобы тогда продать нуждающимся. *Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ; а на голове продающего – благословение* (Прит. 11:26). Но к чему говорить о всем порознь, когда можно представить все в одном примере? Как строящие дом, намереваясь выстроить стену, протягивают размерный шнурок из угла в угол, и таким образом воздвигают здание, в котором поверхность не имеет никакой неровности, так и мы, вместо этого размера, будем употреблять апостольское изречение: *Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все*

делайте в славу Божию (1 Кор. 10:31). Итак молимся ли мы или постимся, обвиняем или прощаем, хвалим или укоряем, входим или выходим, продаем или покупаем, молчим или разговариваем, или другое что делаем, будем делать все во славу Божию; а что не служит к славе Божией, того не станем ни делать, ни говорить и, где бы мы ни находились, будем носить с собою, вместо великого жезла, вместо оружия, охраны и несчетных сокровищ, сказанное изречение, начертав его в уме, дабы делая и говоря и предпринимая все во славу Божию, нам получить от Него славу и здесь и по отшествии отсюда. *Я прослаблю прославляющих Меня*, говорит Господь (1 Цар. 2:30). Итак, не словами только, но и делами будем прославлять Его непрестанно со Христом Богом нашим; Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

6

Беседа на вознесение Господа нашего Иисуса Христа

(Сказана в храме мучеников в Романезии, куда перенесены были тела мучеников, лежавшие под спудом близ трупов еретиков, и положены особо наверху.)

1. И в то время, когда мы совершали память креста, мы совершали праздник вне города; и теперь, когда чтим вознесение Распятого в этот славный и светлый день, мы празднуем опять вне города. Мы делаем это, желая не город унижить, но стараясь почтить мучеников. Дабы эти святые не стали укорять нас и говорить: «мы не удостоились видеть ни одного дня Владыки нашего празднуемым в наших обителях», дабы эти святые не стали укорять нас и говорить: «вот мы пролили за Него кровь свою и сподобились положить за Него головы свои, а не сподобились видеть день праздника Его совершаемым в наших жилищах», для этого мы, оставив город, прибегли к ногам этих святых по случаю настоящего дня, оправдываясь пред ними и за прошедшее время. Если и прежде надлежало прибегать к этим мужественным подвижникам благочестия, когда они лежали под спудом, то тем более нужно делать тоже теперь, когда эти жемчужины лежат особо, когда овцы отделены от волков, когда живые отлучены от мертвых. Для них самих и прежде не было никакого вреда от того, что они находились в общем с еретиками месте погребения, так как чьи души на небесах, тех тела не терпели вреда от такого соседства, – чья душа в руке Божией, того останки ничего не терпят от местоположения. Для них самих не было никакого вреда и прежде; но народ у нас терпел не малый вред от местности, прибегая к останкам мучеников, и совершая молитвы с колебанием и сомнением, потому что не знал, где гробницы святых и где лежат истинные сокровища. Здесь происходило тоже, что было бы со стадами овец, которые, стремясь напиться чистых потоков, пришли бы к чистым источникам, но, почувствовав вблизи смрад и зловоние, отступили бы назад; так бывало и с нашею паствою. Народ приходил к чистым источникам мучеников, но чувствуя еретическое зловоние, распространявшееся вблизи, отступал назад. Видя ото, мудрый наш пастырь и общий учитель, устроющий все к назиданию церкви, пламенный любитель и ревнитель мучеников, не мог долее сносить такого зла. Что же он сделал? Посмотрите на мудрость его: мутные и смрадные потоки он засыпал и отвел вниз, а чистые источники мучеников поставил в чистом месте. И заметьте, какое оказал он человеколюбие к мертвым, какую честь мученикам, какое попечение о народе: к мертвым он оказал человеколюбие, не сдвинув костей их, но оставив их на прежнем месте; мученикам воздал честь, освободив их от худого соседства; о народе явил попечение, не попустив ему более совершать молитвы с сомнением.

Посему мы и привели вас сюда, чтобы собрание было торжественнее, зрелище блистательнее, когда собрались не только люди, но и мученики, и не только мученики, но и ангелы. Подлинно, здесь и ангелы присутствуют: сегодня составилось собрание ангелов и мучеников. Если ты хочешь видеть и ангелов и мучеников, то открой очи веры, и увидишь это зрелище; ведь, если воздух наполнен ангелами, то тем более церковь; если церковь, то тем более в настоящий день, когда возносится Владыка их. А что весь воздух наполнен ангелами, послушай, как говорит апостол, увещевая жен иметь покрывало на голове: *посему*

жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов (1 Кор. 11:10). Также Иаков: *ангел, избавляющий меня от всякого зла от юности моей* (Быт. 48:16). И бывшие в доме вместе с апостолами говорили Роде: *ангел его есть* (Деян. 12:15). И еще Иаков: я видел, говорит, полк ангелов (Быт. 32:2). Почему он видел полк и воинство ангелов на земле? Как царь повелевает войскам находиться в каждом городе, дабы неприятель не сделал нападения и не вторгся в город, так точно и Бог, поелику в этом воздухе находятся свирепые и жестокие бесы, всегда воздвигающие войны, и враги мира, противопоставил им воинства ангелов, чтобы они одним появлением своим укрощали бесов, а нам всегда доставляли мир. А чтобы тебе знать, что есть ангелы мира, послушай, как диаконы всегда произносят в молитвах: *ангела мира* просим. Видишь ли, что здесь присутствуют и ангелы и мученики? Посему кто жальче тех, которые сегодня отсутствуют? Кто блаженнее вас, которые пришли и наслаждаемся этим торжеством? Впрочем речь об ангелах мы оставим до другого времени, а теперь поведем речь по поводу настоящего праздника.

2. Какой же ныне праздник? Важный и великий, возлюбленные, превосходящий человеческий ум и достойный щедрости устроившего его Бога. Ныне примирение у Бога с родом человеческим, ныне долговременная вражда прекратилась и продолжительная война окончилась, ныне наступил некоторый дивный мир, никогда не ожидавшийся прежде. И кто мог надеяться, что Бог намерен был помириться с человеком? Это не потому, чтобы Владыка был не человеколюбив, но потому, что слуга нерадив; не потому, чтобы Господь был жесток, но потому, что раб неблагодарен. Хочешь ли знать, как мы оскорбили сего человеколюбивого, кроткого нашего Владыку? Надлежит знать причину прежней нашей вражды, чтобы ты, увидев нас, врагов и неприятелей, удостоенными чести, подивился человеколюбию Почтившего, чтобы ты не думал, будто перемена произошла от собственных наших заслуг, чтобы ты, познав чрезмерность благодати Его, не переставал постоянно благодарить Его за величие даров. Итак хочешь ли знать, как мы оскорбили нашего Владыку, человеколюбивого, кроткого, благого, устрояющего все для нашего спасения? Он имел в мыслях некогда совершенно истребил род наш и так разгневался на нас, что определил погубить нас с женами и детьми, зверями и скотами и со всего землею. Если желаешь, я тебе дам выслушать самое определение: *и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их* (Быт. 6:6,7). А дабы ты знал, что Он не возненавидел естество наше, но отвращался пороков, Он, сказал: *истреблю с лица земли человеков*, говорит человеку: *конец всякой плоти пришел пред лице Мое* (ст. 13). Если бы Он ненавидел человека, то не стал бы беседовать с человеком. А теперь видишь, как Он не только не желал совершить то, что угрожал совершить, но еще оправдывался – Господь пред рабом, беседовал с ним, как с равным Себе другом, и об являл причины предстоявшей гибели, не для того, чтобы человек знал эти причины, но чтобы, сказав о том другим, сделал их более благоразумными. Итак, род наш, как я сказал, так худо вел себя прежде, что находился в опасности – быть истребленным с самой земли. А ныне мы, казавшиеся недостойными земли, вознесены на небеса; мы, недостойные земного владычества, возвысились до горнего царства, взошли выше небес, заняли царский престол, и то же самое естество, от которого херувимы охраняли рай, ныне восседает выше херувимов. Как же совершилось это дивное и великое дело? Как мы оскорблявшие Бога, казавшиеся недостойными земли и потерявшие земное владычество, вознеслись на такую высоту? Как окончена война? Как прекратился гнев? Как удивительно то, что мир произошел таким образом, что не люди, несправедливо враждовавшее против Бога, (просили о мире), но Сам Бог, справедливо гневавшийся, увещевал нас. *От имени Христова просим, говорить апостол, примиритесь с Богом* (2 Кор. 5:20). Что это? Он оскорблен и Сам увещевает? Да; Он – Бог и потому увещевает, как человеколюбивый отец.

И смотри, что происходит: посредником делается Сын увещевающего, а не человек, не ангел, не архангел, и никто из рабов. Что же делает посредник? То, что свойственно посреднику. Как там, где какие-либо два человека отвращаются друг от друга и не хотят примириться, кто-нибудь третий, пришедши и предложив себя в посредники между ними, прекращает взаимную их вражду, так сделал и Христос. Бог гневался на нас, мы отвращались от Бога, человеколюбивого Владыки; Христос же, предложив Себя в посредники, примирил то и другое естество. Как же Он предложил Себя в посредники? Он принял на Себя наказание, которое мы должны были понести от Отца, и претерпел следовавшее затем мучение и здешнее поношение. Хочешь ли знать, как Он принял на Себя то и другое? *Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою*, говорит апостол (Гал. 3:13). Видишь ли, как Он принял наказание, угрожавшее свыше? Посмотри, как претерпел Он и поношения, причиняемые на земле. *Злословия злословящих Тебя, говорит псалмопевец, падают на меня* (Пс. 68:10). Видишь ли, как Он прекратил вражду, как Он не переставал делать и терпеть все и употреблять все меры, пока не привел неприятеля и врага к Самому Богу и не сделал его другом? И основание этих благ – настоящий день, когда Христос, как бы взяв начаток естества нашего, вознес его Владыке. Как бывает с плодоносными полями, когда кто-нибудь, взяв немного колосьев, сделав малый сноп и принеся его Богу, этою малою честью низводит благословения на всю ниву, так поступил и Христос: одною плотью Своею, как начатком, Он низвел благословение на весь род наш. Но почему Он вознес не все естество наше? Потому что не будет начаток, когда кто принесет все; но тогда будет он, когда кто, принеся малое, чрез это малое уготовит благословение на все. Но скажешь, для начатка следовало бы принести первозданного человека, так как начатком называется, то, что первым происходит, первым произрастает. Нет, возлюбленный, это не будет начатком, когда мы принесем первый плод, незрелый и тощий, но – когда принесем плод совершенный. Посему, так как тот плод был подвластен греху, то он и не был принесен, хотя был и первый; а этот плод свободен от греха, и потому он принесен, хотя явился после: это и есть начаток.

3. Дабы тебе убедиться, что начаток есть не первый произрастающий плод, не плод совершенный, прекрасный и достигший надлежащей зрелости, я приведу тебе свидетельство из Писаний: *когда придете, говорил Моисей к народу, в землю, [которую Господь Бог даст вам,] и посадите какое-либо плодовое дерево, то плоды его почитайте за необрезанные: три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их; а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних* (Лев. 19:23,24). Если бы начатком было первое произрастающее, то надлежало бы приносить Господу плод, произраставший в первый год; но здесь говорится: *три года должно почитать их за необрезанные*, – оставь его, потому что дерево слабо, плод его тощ и незрел; *а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних*. И посмотри на мудрость Законодателя: Он не позволил и вкушать этого плода, дабы человек не принимал его прежде Бога, не позволил и приносить его, дабы не был приносим Господу плод незрелый. Оставь это, говорит Он, потому что это – первые плоды, и не приноси их, потому что они недостойны чести Принимающего. Видишь ли, что начаток есть не первое произрастающее, но совершенное? Эго сказано нами о плоти, которую принес Христос. Итак, Он принес Отцу начаток нашего естества; а Отец оказал такое почтение к этому дару, как по достоинству Принесшего, так и по чистоте принесенного, что принял его собственными руками, поместил дар подле Себя и сказал: *сиди одесную Меня* (Пс. 109:1). К какому естеству Бог сказал: *сиди одесную Меня?* К тому, которое выслушало: *ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3:19). Не довольно ли было для него возвыситься над небесами? Не довольно ли было стать вместе с ангелами? Не была ли неизреченною и эта честь? Но оно превзошло ангелов, прошло мимо архангелов, превзошло херувимов, вознеслось выше серафимов, миновало начальства, и остановилось не прежде, как достигло престола Владыки. Видишь ли это пространство от неба до земли? Или – лучше – начнем с низу:

видишь ли, какое расстояние от ада до земли, также от земли до неба, потом от неба до неба горнего, а от этого до ангелов, до архангелов, до вышних сил, до самого престола царского? Выше всего этого расстояния и этой высоты Он вознес наше естество. Смотри, как низко (человек) находился и как высоко вознесен; невозможно было ни сойти ниже того, куда нисшел человек, ни вознестись выше того, куда вознес его Христос. Это выражая, Павел говорил: *нисшедший, Он же есть и восшедший* (Еф. 4:10). Куда Он нисходил? *в преисподние места земли* (ст. 9); а восшел *превыше всех небес*. Заметь, кто восшел, или какое естество, или в каком состоянии оно было прежде. Я с охотою останавливаюсь на ничтожестве нашего рода, чтобы познать чрезвычайную честь, дарованную нам человеколюбием Владыки. Мы были землею и прахом, но это еще не вина, потому что это – немощь природы. Мы сделались несмысленнее бессловесных животных, потому что человек *подобен животным, которые погибают* (Пс. 48:21). А уподобиться животным значит сделаться хуже животных, потому что быть животным по природе и оставаться таким, это – дело естественное, а ниспасть в безумие тем, которые почтены разумом, это – вина воли. Посему, когда ты слышишь: *подобен животным*, то не думай, что псалмопевец сказал это, желая представить людей равными бессмысленным животным: он сказал это, желая показать, что они и хуже животных. Подлинно, мы были хуже и бесчувственнее бессловесных, не потому только, что ниспали так, будучи людьми, но и потому, что дошли до еще большего неразумия. Выражая это, Исаия говорил: *вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает* (Ис. 1:3). Впрочем не будем стыдиться прежнего: *когда умножился грех, стала преизобилывать благодать* (Рим. 5:20). Видишь, как мы были бессмысленнее скотов; хочешь ли видеть, как мы были бессмысленнее и птиц? *И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь; а народ Мой не знает определения Господня* (Иер. 8:7). Вот мы бессмысленнее и ослов, и волов, и птиц, горлицы и ласточки. Хочешь ли узнать и другое бессмыслие наше? Премудрый делает нас учениками муравьев: так мы потеряли естественный смысл! *Иди, говорит он, к муравью и научись от него* (Прит. 6:6). Мы сотворенные по образу Божию, сделались учениками муравьев; но виною этого не Творец, а мы, не сохранившие образа Его. Что я говорю о муравьях? Мы были бесчувственнее камней. Хочешь ли, я приведу свидетельство и на это? *Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим* (Мих. 6:2). Ты судишься с людьми, а призываешь основания земли? Да, говорит Он, потому что люди бесчувственнее оснований земли. Какой же еще станешь ты требовать крайности порока, когда мы бесчувственнее ослов, бессмысленнее волов, неразумнее ласточки и горлицы, глупее муравьев, бесчувственнее камней, и даже оказываемся равными змиям? *Ярость их, сказано, по подобию змеиной* (Пс. 57, 5); *яд аспидов в устах их* (Пс. 139:3). Но нужно ли говорить о бесчувственности бессловесных, когда мы, оказываемся, именуемся чадами самого дьявола? *Ваш отец дьявол* (Ин. 8:44).

4. И однако мы, бесчувственные, неразумные, неосмысленные, бывшие бесчувственнее камней, ниже всех, бесчестные и презреннейшие, – как мне сказать, как выразиться, как произнести это слово? – презренное естество, безумнейшее всех, ныне стало выше всех. Ныне ангелы получили то, чего давно желали; ныне архангелы узрели то, чего давно жаждали: узрели наше естество блистающим на престоле царском, сияющим славою и красотой бессмертною. Да, этого давно желали ангелы, этого давно жаждали архангелы. Хотя наша честь и превзошла их (честь), однако они радуются нашим благам; равно я тогда, когда мы несли наказание, они скорбели; херувимы, хотя охраняли рай, тем не менее скорбели. И как слуга, взяв сослужителя своего под стражу по приказанию господина, хотя и оберегает сослужителя своего, однако, из сострадания к этому сослужителю, скорбит о случившемся с ним, – так и херувимы, хотя и приняли рай для хранения, однако скорбели на этой страже. А чтобы тебе убедиться, что они действительно скорбели, я объясню тебе это примером людей. Когда ты видишь, что люди страдают своим сослужителям, то после

того уже не сомневайся о херувимах, потому что эти силы гораздо любвеобильнее людей. А кто из праведников не скорбел о людях, которые были наказываемы справедливо и после бесчисленных грехов? Удивительно, что они скорбели, зная грехи людей и видя, что они оскорбили Владыку. Так Моисей, после идолослужения евреев, говорил: *прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32:32). Что это? Ты видишь нечестие и скорбишь о наказуемых? Потому я и скорблю, говорит он, что они наказываются и подали причины к справедливому наказанию. А Иезекииль, увидев ангела, поражающего народ, с великим воплем и стенанием возгласил: *о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля, изливая гнев Твой на Иерусалим* (Иез. 9:8)? И Иеремия: *наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем, чтобы не умалить меня* (Иер. 10:24). Если же Моисей, Иезекииль и Иеремия скорбели, то ужели силы небесные нисколько не сострадают нам в наших бедствиях? Может ли это быть? Что они наше считают за свое, вспомни, какую радость из явили они, когда увидели, что Владыка примирился с нами. Если бы они не скорбели прежде, то не возрадовались бы после. А что они радовались, видно из слов Христовых: *так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся* (Лк. 15:7). Если же ангелы, видя одного обращающегося грешника, радуются, то как им не испытывать величайшего удовольствия, видя ныне все естество, в начатке его, вознесенным на небо? Выслушай и еще, как радуются вышние сонмы о нашем примирении (с Богом). Когда Господь наш родился по плоти, то они, увидев, что Он примирился с людьми, – а если бы Он не примирился, то и не снизошел бы настолько, – увидев это, они составили хор на земле и восклицали, говоря: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2:14). Дабы тебе убедиться, что они потому прославляют Бога, что земля получила блага, они присовокупили и причину: *и на земле мир, говорят они, в человеках благоволение, враждебных, неблагодарных*. Видишь, как они прославляют Бога за чужие блага, или – лучше – за свои, потому что наши блага они считают своими. Хочешь ли знать, что и ожидая увидеть Его возносящимся, они радовались и восхищались? Послушай Христа, Который говорит, что они восходили и нисходили непрестанно; а это свойственно желающим видеть дивное зрелище. Откуда же известно, что они восходили и нисходили? Послушай Самого Христа, Который говорит: *отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божских восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому* (Ин. 1:51). Таково свойство любящих: они даже не ожидают времени, но предупреждают срок своею радостью. Посему они нисходят, стремясь увидеть необычайное и дивное то зрелище, – человека, явившегося на небе. Посему всегда являлись ангелы, – и когда Он родился, и когда воскрес, и ныне, когда возносился. *И се, сказано, предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1:10,11).

5. Здесь слушайте меня со вниманием. Для чего ангелы говорят это? Разве, ученики не имели глаз? Разве они не видели события? Не сказал ли евангелист, что *Он поднялся в глазах их* (Деян. 1:9)? Почему же предстали ангелы, научая их, что Христос вознесся на небо? По двум причинам: во-первых, потому что разлука со Христом всегда печалила учеников; а что она печалила их, послушай, что Он говорил им: *никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше* (Ин. 16:5,6). Если мы не можем (равнодушно) переносит разлуку с друзьями и родственниками нашими, то ученики, видя Спасителя, наставника, попечителя, человеколюбивого, кроткого, благого, разлучающимся с ними, могли ли не печалиться, могли ли не скорбеть? Посему и предстал ангел, утешая их в скорби об отшествии Господа вестью о втором Его пришествии: *сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом* (Деян. 1:11). Вы впали в скорбь, говорит он, что Христос вознесся? Не скорбите: Он опять придет. Дабы они не сделали того же, что сделал Елисей, который, увидев учителя своего взятых на небо, *разодрал одежды свои* (4 Цар. 2:12), – так как никто не предстал ему и не говорил, что Илия придет опять, – дабы и они не сделали того же, для этого предстали ангелы, утешая их в

печали. Вот одна причина явления ангелов. Не менее важна и другая причина, по которой ангел и присовокупил: *вознесшийся*. Какая же это причина? Христос вознесся *на небо*. Велико расстояние между землею и небом, и сила зрения не могла следовать за телом, возносившимся до небес, но как птица, летящая в высоту, чем более возвышается, тем более скрывается от нашего взора, так точно и тело Христово, чем более восходило в высоту, тем более скрывалось, так как глаза по слабости своей, не могли следовать за ним на столь великом расстоянии. Посему предстали ангелы, возвещая восшествие Его на небо, дабы ученики не подумали, что Христос восшел *яко на небо*, подобно Илие, но – что Он вознесся на самое небо. Потому и сказано: *вознесшийся от вас на небо*, – и это прибавлено не напрасно. Илия взят был *как на небо*, потому что он был раб; Иисус же вознесся *на небо*, потому что Он – Владыка; тот – на колеснице огненной, а этот – на облаке. Когда нужно было призвать раба, послана была колесница; а когда – Сына, то – престол, царский, и не просто престол царский, но Отеческий. Об Отце говорит Исаия: *вот, Господь восседит на облаке легком* (Ис. 19:1). Посему, так как Отец *восседит на облаке*, то и Сыну Он послал облако. Илия при восхождении ниспустил милость на Елисея; а Иисус, восшедши, ниспослал дары на учеников, делающие не одного пророка, но множество Елисеев, или лучше сказать, гораздо больших и славнейших его. Восстанем же, возлюбленные, и устремим взоры наши ко второму пришествию Христову. Павел говорит: *Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе* (1 Фес. 4:16,17), но не все. А что мы не все будем восхищены, но одни останутся, а другие будут восхищены, об этом послушай, как говорит Христос: *в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой оставится; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится* (Лк. 17:34,35; Мф. 24:40,41). Что значит эта притча? Что значит эта сокровенная тайна? Жернов означает всех, живущих в бедности и скорбях; а одр и успокоение означает всех, наслаждающихся богатством и почестями. Господь, желая показать, что и из бедных спасаются и погибают, сказал, что из мелющих жерновами *одна возьмется, а другая оставится*, и из лежащих на одре, *один возьмется, а другой оставится*. Он выражает то, что грешники оставляются здесь и ожидают наказания, а праведники поднимаются на облака. Как при вшествии царя в город, облеченные саном и властью и имеющие великое дерзновение пред царем выходят из города на встречу к нему, а преступники и осужденные остаются под стражею внутри города, ожидая царского приговора, – так и во время пришествия Господа, имеющие дерзновение пред Ним встретят Его на воздухе, а виновные и сознающие за собою множество грехов будут здесь ожидать Судию. Тогда и мы *восхищены будем*. Сказав: *мы*, я не включаю себя самого в число восхищаемых; я не столь бесчувствен и неразумен, чтобы не сознавать собственных грехов. Если бы я не опасался возмутить радость настоящего праздника, то горько восплакал бы, вспомнив это изречение, потому что вспомнил и о собственных грехах. Но так как я не хочу нарушать веселья настоящего праздника, то здесь окончу речь, оставив в вас живое памятование о том дне, чтобы ни богатый не радовался о богатстве своем, ни бедный не считал себя несчастным по причине бедности своей, но каждый поступал так или иначе, смотря по тому, что сознает он за собою. Ни богатство не делает блаженным, ни бедность – несчастным; но кто удостоится *восхищения* на облаках, тот блажен и преблажен, хотя бы он был беднее всех; равно как и лишившийся того несчастен и пренесчастен, хотя бы он был богаче всех. Говорю это для того, чтобы мы, пребывающие во грехах, оплакивали самих себя, а все, живущие в добрых подвигах, ободрялись, и не только ободрялись, но имели твердую уверенность. Впрочем и первые должны не только плакать, но и исправлять себя так как и порочный может, оставив пороки, обратиться к добродетели и сравниться с теми, которые от качала провозждали добродетельную жизнь: об этом и мы будем стараться. Те, которые сознают себя добродетельными, пусть пребывают в благочестии, постоянно умножая это благое приобретение и увеличивая прежнее дерзновение; а не имеющие дерзновения и сознающие за собою много грехов, будем исправляться, дабы и нам

достигнуть до их дерзновения, и всем вместе и единокорно с подобающею славою встретить Царя ангелов и сподобиться блаженной радости во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О милостыне и о десяти девах

(Эта беседа относится к циклу бесед св. Иоанна Златоуста о покаянии. Всего Иоанном было произнесено девять бесед на эту тему. Беседы были говорены в Антиохии, но в каком году и каком порядке одна за другою – неизвестно.)

1. Знаете ли, откуда у нас началось недавно слово и окончилось, или с какого предмета и до какого доведена прежняя беседа? Вы, думаю, забыли, где у нас остановилось слово; а я знаю и не виню вас в этом и не осуждаю. Каждый из вас имеет жену, печется о детях и о делах домашних; одни заняты службою в войске, другие – ремесленники; словом: каждый из вас озабочен различными нуждами. А мы с этим имеем дело, этим занимаемся, и в этом проводим свое время. Стало быть, вас нельзя порицать за это, но должно хвалить за ревность, – за то, что вы ни в одно воскресенье не покидаете нас, но, оставляя все, придите в церковь. Это-то и составляет величайшее украшение нашего города, – не шум его, не предместья, не позлащенные дома и столовые комнаты, но жители ревностные и бодрые.

И добрую породу дерева мы узнаем не по листьям, но по плодам. Тем-то мы и отличаемся от бессловесных, что животных, что имеем (дар) слова, изъясняемся словом и любим слово. Человек, не любящий слова, гораздо глупее скотов: он не знает, для чего он почтен (даром слова) и откуда получил такую честь. Хорошо сказал пророк: *человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают* (Пс. 48:21). Ты – человек, одаренный словом, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь иметь извинение? Потому из всех вы для меня самые незаменимые, что, как на крыльях, слетаетесь к (слушанию) слова о добродетели и поставляете все ниже божественных речений.

Так вот и мы возьмемся за предмет и продолжим беседу о том, о чем говорили недавно: я должен вам, и охотно плачу долг, потому что это приносит мне не бедность, но доставляет богатство. В делах мирских должники бегают от займодавцев, чтобы не отдать (долга); а я гонюсь (за вами), чтобы отдать – и весьма справедливо, потому что в делах мирских отдача производит бедность, а в слове отдача рождает богатство. Например: я должен кому-нибудь деньги; если возвращу их, они не могут быть и у него и у меня; нет, от меня они ушли, а к нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мне находится, и вы все его имеете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я беден, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я один богат, а если заплачу, то получаю плод вместе со всеми вами.

Итак, отдадим долг. Что же это за долг? Недавно мы рассуждали о покаянии и сказали, что есть многие и различные пути покаяния, чтобы легко было для нас спасение. Если бы Бог дал нам один путь покаяния, мы стали бы отговариваться так: не можем идти этим путем, не можем спастись. Но вот, чтобы отнять у тебя этот предлог, Он дал тебе не один только путь и не два, и не три, но многие и различные, дабы чрез это множество сделать для тебя легким восхождение на небо.

Сказали мы также, что покаяние не трудно, и что нет в нем никакой тяжести. Ты грешник? Войди в церковь, скажи: я согрешил – и загладишь грех. В пример представили мы и Давида, который согрешил и загладил грех. Потом предложили и другой путь, ни сделать что-либо другое подобное, и надобно только поплакать о грехе. Тут привели мы из Писания то, что Бог переменял свое определение об Ахааве, потому что он заплакал и опечалился; и это Сам (Бог) сказал Илии: *видел ли, как ходил Ахав в скорби и печали пред лицем Моим? Не сотворю по гневу моему* (3 Цар. 21:29). Затем указали мы и третий путь покаяния, и представили из Писания фарисея и мытаря, – то есть что фарисей, намеренно похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показав чувство смирения, вышел с плодом праведности и, не употребив никакого труда, сделался праведным, – дал слова, а получил дела.

Теперь пойдем дальше и представим четвертый путь покаяния. Какой же это путь? Это милостыня, Царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей в небесные своды, наилучшая защитница. Великое дело – милостыня; посею и Соломон восклицал: *великая вещь – человек, и драгоценная – муж творящий милость* (Прит. 20:6). Велик полет у милостыни: она рассекает воздух, проходит луну, восходит выше лучей солнечных, достигает до самых небес. Но и там она не останавливается; напротив, проходит и небо, обтекает и сонмы Ангелов, и лики Архангелов, и все Высшие Силы, и предстоит самому престолу Царскому.

Научись этому из самого Писания, которое говорит: *Корнилий! Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10:4). А слова *пред Богом* значат вот что: хотя у тебя много грехов, но, так как милостыня – твоя защитница, то не бойся; ни одна из Высших Сил не останавливает ее; она требует должного, имея в руках собственное рукописание. Это глас Самого Господа, что, кто сотворил *одному из сих братьев Моих меньших, тот Мне сотворил* (Мф. 25:40). Таким образом, сколько бы ни было у тебя других грехов, твоя милостыня перевешивает все.

2. Разве не знаешь в Евангелии притчу о десяти девах, как не имеющие милостыни, хотя и подвизавшиеся в девстве, остались вне брачного чертога? Были, говорит (Писание), десять дев, пять глупых, и пять мудрых; у мудрых был елей, а у глупых не было елея, поэтому их светильники стали гаснуть. Пришедши к мудрым, глупые сказали: дайте нам из ваших сосудов (Мф. 25:1–8). Стыжусь я и краснею, и плачу, когда слышу о деве глупой; краснею, когда слышу, что они названы так после великой добродетели, после подвигов девства, после того, как они взлетели телом на небо и соревновали Высшим Силам, – перенесли жар и одолели пламень сладострастия. После этого они названы глупыми – и справедливо, потому что, сделав великое, побеждены были малым.

И пришли, сказано, глупые, и сказали мудрым: дайте нам елея из сосудов ваших. А эти отвечали: не можем дать вам, *чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас* (ст. 8 и 9). И сделали это они не по жестокости и не по злобе, но по тесным обстоятельствам времени, – потому что ожидали пришествия жениха. Были у глупых светильники, но в светильниках мудрых был елей, а у тех не было. Ведь девство есть огонь, а милостыня – елей. Потому как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни. Дайте нам елея (сказали глупые) из сосудов ваших. А мудрые в ответ им: не можем дать вам. Это сказано не по злобе, а от страха: *чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас* – как бы нам, когда все мы стараемся войти, как бы всем не остаться (вне брачного чертога). Пойдите лучше и купите у продающих. Кто же продавцы этого елея? Бедные, ради милостыни сидящие перед церковью. А за сколько (продается) он? За сколько хочешь: цены не назначаю, чтобы та не ссылался на бедность. Сколько у тебя есть, за столько и купи. Есть у тебя овол? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. *И кто напоит*

одного из малых сих только чашею холодной воды ради Меня, не потеряет награды своей (Мф. 10:42).

Предмет купли и продажи – небо, и мы не заботимся! Дай хлеб и возьми рай; дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми бессмертное; дай тленное и возьми нетленное. Если б была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и в большом количестве съестные припасы, и многое можно бы приобрести за малую цену: не распродали ль бы вы имущества, и, оставив все в стороне, не приняли ль бы участия в том торге? И вот, где тленное, там вы показываете столько ревности, а где идет дело о бессмертном, там вы столько нерадивы и беспечны? Дай бедному, и, – пусть сам ты будешь молчать, – тысячи уст заговорят в защиту тебя, потому что милостыня восстанет и защитит (тебя): милостыня есть выкуп души. Поэтому, как пред дверьми церковными стоят сосуды, наполненные водою, чтобы ты мыл руки, так вне церкви сидят и бедные, чтобы ты омывал руки души. Омыл ты чувственные руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бедность. Вдовица и в крайней бедности ввела в дом свой Илию, и бедность не была (для нее) препятствием, но с великой радостью она приняла его; потому и получила достойные плоды, и собрала жатву милостыни. Но, может быть, слушатель скажет: дай мне Илию. Что ищешь Илию? Господа Илию даю тебе, и не питаешь Его: как же ты принял бы Илию, если б нашел его? Христос, Господь всяческих, сказал: кто сотворил *одному из сих братьев моих меньших*, – Мне сотворил (Мф. 25:40). Если бы Царь позвал кого-нибудь на вечерю, и, когда бы предстали слуги, сказал к ним: возблагодарите его много за меня; он пропитал и принял меня в дом свой, когда я был в бедности, он оказал мне много благодеяний во время нужды, – не каждый ли употребил и потратил все свои деньги для того, кому Царь изъявил благодарность? Не каждый ли бы постарался сблизиться и подружиться с ним?

3. Видели вы силу слова (царского)? Если же у Царя – человека оно имеет такую честь, то представь себе, что Христос в тот день взывает пред Ангелами и всеми Силами, и говорит: этот человек на земле ввел Меня в дом свой; он оказал Мне множество благодеяний; он принял Меня – странника. Затем представь себе дерзновение (этого человека) среди Ангелов, радость среди Чинов Небесных. О ком Христос свидетельствует, тому как не иметь дерзновения пред Ангелами? Итак, братия, великое дело – милостыня. Возлюбим ее, – ей нет ничего равного, она может и загладить грехи, и избавить от суда. Ты молчишь, – а она стоит и защищает; или лучше, тогда как ты молчишь, тысячи уст благодарят за тебя. Столько–то благ от милостыни, а мы не радим и не заботимся? Дай, по возможности, хлеба. Нет у тебя хлеба? Дай овол. Нет овола? Дай чашу холодной воды. Нет и этого? Поплачь с несчастным, и получишь награду, – награду не за вынужденное, но за свободное дело. Но вот, беседуя об этом, мы забыли о девах; возвратимся же к предмету. Дайте нам, говорят, елея из сосудов ваших. Не можем дать вам, *чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас*; пойдите лучше и купите у продающих. *Когда же пошли они покупать, пришел жених, и те, у которых были светлые лампы, вошли с ними на брачный пир, и двери затворились.* Пришли и пять глупых, и начали стучать в двери чертога, восклицая: *отвори нам*; а в ответ им глас жениха изнутри: *отойдите от Меня, не знаю вас* (Мф. 25:8–12). Итак, после столь великих трудов, Что они услышали? *Не знаю вас*. Это значит, как я сказал, что они напрасно и без пользы приобрели себе великое достояние девства. Подумай, они отвержены после столь великих трудов, после того, как обуздали невоздержание, после того, как имели состязание с Небесными Силами, после того, как посмеялись над житейскими делами, перенесли великий зной, переступили через преграды, после того, как взлетели от земли на небо, не разломили печати тела, приобрели великую красоту девства, вошли в состязание с Ангелами, попрали требования плоти, забыли природу, в теле совершили свойственное бестелесным; после того, как приобрели великое и необоримое

Не подумай, будто я считаю маловажным достоинство девства: девство таково, что никто из древних не мог сохранить его. Потому—то и велика благодать, что страшное для пророков и для древних ныне стало весьма доступно. Что, в самом деле, было всего тяжелее и невыносимее? Девство и презрение смерти. Но их не страшатся ныне и слабые девы. В самом деле, соблюдение девства было так тяжело, что никто из древних не мог сохранить его. Ной был праведен и имел свидетельство от Бога, но жил с женою. Равным образом Авраам и Исаак, сонаследники ему в обетовании, жили с женами. Целомудренный Иосиф отказался сделать великий грех прелюбодеяния, но и жил с женою, потому что тяжело было состояние девства. Девство утвердилось с тех пор, как вырос Цвет Девства. Итак, никто из древних не мог хранить девство, потому что великое дело — обуздать тело. Изобрази словом вид девства, и познай величие этой добродетели. У ней каждый день брань, которая никогда не может умолкнуть; эта брань хуже войны с варварами. На войне с варварами бывает время отдыха, — когда ведут переговоры; там иногда сражаются, а иногда нет; там наблюдается порядок и время. А на войне, которая ведется против девства, нет отдыха, потому что воюет диавол, который не знает определенного времени к нападению, не ожидает условного знака к сражению, но всегда стоит и старается найти деву безоружную, чтобы нанести ей смертельную рану; и дева никогда не может отдохнуть от этой брани, но всегда носит в себе самой тревогу и воителя. И осужденные не так бедствуют, хотя и видят начальника только по временам; а дева, куда не пойдет, везде имеет при себе судию и носит с собою врага. Этот враг не дает ей покоя ни вечером, ни ночью, ни утром, ни в полдень, но воюет непрестанно, представляя ей наслаждение, указывая на брак, чтобы исторгнуть из ней добродетель и породить в ней порок, чтобы изгнать из нее целомудрие и всеять в нее блуд: каждый час разгорается приятно поджигаемая печь сладострастия. Подумай, как труден этот подвиг: а они (глупые девы) после всего этого услышали: отойдите от Меня, *не знаю вас*.

Смотри, какое великое дело девство: когда оно имеет у себя сестру — милостыню, тогда никакие бедствия не одолевают его, но оно становится выше всего. Они потому не вошли (в брачный чертог), что при девстве не имели милостыни. Стыдно сказать: поборовши сладострастие, ты не презрела денег, но, будучи девою, отрешившеюся от жизни, и распявши себя, любишь деньги! Если бы ты возжелала мужа, и тогда была бы вина не столь велика, потому что ты возжелала бы предмета одинакового (с тобою) по существу, но теперь вина гораздо больше, потому что ты возжелала чуждого (тебе) предмета.

Вот, замужние злобно выказывают бесчеловечие, ссылаясь на детей; если скажешь им: дай мне милостыню, — у меня дети, — говорят они, — не могу. Бог дал тебе детей, ты получила плод чрева для того, чтобы тебе быть человеколюбивою, а не бесчеловечною; повода к человеколюбию не превращай в предлог к бесчеловечию. Хочешь оставить доброе наследство твоим детям? Оставь милостыню, чтобы все стали хвалить тебя, и память твоя осталась славною. Но ты не имеющая детей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

4. Но у нас живо (в уме) слово о пути покаяния и о милостыне. Сказали мы, что милостыня есть великое приобретение; затем перешли к морю девства. Итак, великий (путь) покаяния ты имеешь в милостыне, которая может освободить (тебя) из уз греховных, но есть для тебя и другой путь покаяния, также весьма удобный, чрез который можешь освободиться от грехов. Молись каждый час, не изнемогай в молитве и неленостно умоляй человеколюбие Божие, а Бог не отвратится от непрестанно молящегося, но простит тебе грехи твои и исполнит прошения твои. Если ты молясь, будешь услышан, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодарение; если же не будешь услышан, пребывай в молитве, чтобы быть тебе услышанным. И не говори: много я молился и не услышан, — потому что и это часто бывает для твоей же пользы. Бог знает, что ты ленив и беспечен и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не станешь молиться; и вот, самую нуждою заставляет тебя

чаще беседовать с Богом и упражняться в молитве. Если ты, в такой нужде и имея надобность, ленишься и не продолжаешь молитвы, что бы было, если б ты ни в чем не нуждался? Стало быть, и это Он делает для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлял молитвы. Итак, пребывай в молитве, возлюбленный, и не ленись, потому что молитва может совершить многое; и не приступай к молитве как к маловажному делу. А что молитва доставляет прощение грехов, это можешь узнать из божественного Евангелия. Что же оно говорит? Подобно царствие небесное человеку, который запер двери свои и лег спать с детьми своими. Между тем, вечером, пришел некто взять у него хлебов и стучит, говоря: отвори мне, мне нужны хлебы. А он ему: не могу дать тебе теперь, потому что легли спать и мы, и дети наши. Но тот и после этого продолжал стучать и не отходить, пока домохозяин не сказал: встаньте, дайте ему, и пусть он отойдет (Лук. 11:5 и след.). Итак, (Писание) учит тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, как не получишь (просимого), пребывать (в молитве), пока не получишь. Много и других путей покаяния найдешь в Писании. Покаяние, и прежде пришествия Христова, проповедовалось Иеремиею, который говорил: *разве падающий не встает, или соvrащающийся не обратится?* (Иер. 8:4). И опять: после того как она (дочь Израилева) прелюбодействовала, сказал ей: *обратись ко Мне* (3:7). Много и других различных путей покаяния (Бог) дал нам для того, чтобы отнять у нас всякий предлог к нерадению. Если бы у нас был только один путь, мы бы не могли пойти по нему. От этого оружия всегда убегает диавол. Согрешил ты? Войди в церковь и загладь свой грех. Сколько бы ты не падал на площади, – всякий раз встаешь: так же точно сколько раз не согрешишь, – покаяйся во грехе, не отчаивайся; согрешишь в другой раз, в другой раз покаяйся, чтобы по нерадению совсем не потерять тебе надежды на обещанные блага. Ты в глубокой старости – и согрешил? Войди (в церковь), покаяйся; здесь не истязают, но дают прощение в грехах. Одному Богу скажу грех твой: *Тебе единому согрешил и лукавое пред Тобою сотворил* (Пс. 50:6), – и отпустится тебе грех.

Есть у тебя и иной путь покаяния, не трудный, а самый легкий. Какой же это путь? Поплачь о грехе своем. Об этом ты узнаешь из божественного Евангелия. Петр, верховный из апостолов, первый в Церкви, друг Христов, получивший откровение не от человек, но от Отца, как свидетельствует о нем Господь, говоря: *блажен ты, Симон сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Суущий на Небесах* (Мф. 16:17), – этот Петр (когда называю Петра, разумею камень несокрушимый, скалу неподвижную, великого апостола, первого из учеников, первозванного и первого последовавшего на зов), он-то сделал не какое-либо маловажное преступление, но очень великое, – отрекся от Самого Господа. Это говорю не в обвинение праведника, но чтобы дать тебе побуждение к покаянию. Так он отвергся Самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всех.

Но расскажем этот случай сначала. Спаситель знал, что во время Его предания некоторые отойдут (от Него), и говорит Петру: не хочешь ли и ты отойти? Но Петр отвечал: *хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя* (Мф. 26:35; см. Ин. 6:67). Что говоришь, Петр? Бог определил, а ты противодействуешь? Но, хотя воля (Петра) и выказала свое (желание), однако ж слабость природы (его) изобличилась.

Когда же это? В ночь, в которую предан был Христос. Тогда, сказано, стоял Петр у горящих дров и грелся; и вот, подошла к нему одна служанка и говорит: вчера и ты был с этим человеком, а он в ответ: не знаю сего человека. Потом (отрекся) и в другой, и в третий раз – и исполнилось определение (Божие). Засим Христос взглянул на Петра, и этим взглядом подал голос; не заговорил с ним устами, чтобы не обнаружить его пред иудеями и не пристыдить своего ученика, но взглядом сказал ему: вот, Петр, сбилось то, о чем Я говорил. Тогда и Петр пришел в чувство и начал плакать, но заплакал не просто, а горько, и из слез очей сделал второе крещение. Но, заплакав так горько, он загладил свой грех, и после этого ему вверены ключи небесные. Если же плач Петра загладил столь великий грех, то как

тебе не загладить греха, если будешь плакать? Отречься от своего Господа – было преступление не малое, но великое и весьма важное, – и однако ж слезы загладили грех. Плач же и ты о грехе своем, только плач не просто и не для вида, но горько, как (плакал) Петр; изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умиловшись, простил тебе прегрешение. Человеколюбив Господь, Он Сам сказал: *не хочу смерти грешника, но хочу, чтобы обратился, покаялся, и жив был* (Иез. 33:11). От тебя хочет небольшого труда, а Сам дает великое; от тебя ожидает повода, чтобы дать тебе сокровище спасения. Предложи слезы, а Он тебе даст прощение; принеси покаяние, а Он дарует тебе отпущение грехов. Ты представь хоть малый предлог, чтобы иметь благовидное оправдание, потому что (в деле спасения) одно зависит от Него, а другое от нас. Если мы представим, что зависит от нас, то и Он дарует, что зависит от Него. Но вот, Он уже даровал, что зависело от Него, – утвердил солнце, луну и разнообразный ход звезд, разлил воздух, распростер землю, оградил море; дал горы, долины, холмы, источники, озера, реки, бесчисленные роды растений, сады и все прочее. Принеси же и ты немного, чтобы таким образом Он даровал тебе и высшие блага.

Итак, не будем беззаботны о самих себе, и не отступимся от своего спасения, имея такую бездну человеколюбия Господа всех, Который даже кается о наших грехах. Предлагается царство небесное и рай, и блага, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9), – и мы не будем всячески стараться привнести что-нибудь со своей стороны, чтобы не лишиться этих благ? Разве не знаешь, что говорит Павел, который много потрудился и одержал бесчисленные победы над диаволом, – который в теле прошел вселенную, обтек землю, и море, и воздух, и, как бы на крыльях, облетел вселенную, – который был забросан камнями, побит, потерпел побои, все перенес ради имени Божия, призван был свыше небесным голосом? Смотри, что говорит он, какое произнес слово: мы получили, говорит, благодать от Бога, но и я потрудился сделать свое; *и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился* и сделал свое (1 Кор. 15:10).

Знаем, – говорит, – знаем великость благодати, которую мы получили; но не праздным она нашла и меня: известны дела мои. Так и мы приучим руки к милостыни, чтобы привнести со своей стороны нечто малое; станем плакать о грехе, стенать о беззаконии, чтобы видно было, что и мы привносим хоть что-нибудь малое, между тем как то, что имеет быть даровано нам, велико и превышает наши силы. Это рай и царство небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О покаянии и о тех, кто оставляют собрания

(Эта беседа является завершающей в цикле бесед св. Иоанна Златоуста о покаянии)

1. Как сеятелям нет никакой пользы, когда они бросают семена при дороге, так и нам нет никакой пользы от того, что именуемся христианами, если не оправдываем наименования соответствующими делами. Если желаете, представлю вам достоверного свидетеля (этому), брата Божия, Иакова, который говорит: *вера без дел мертва* (Иак. 2:20). Итак, всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может принести нам пользы: И не удивляйся. Скажи мне, в самом деле, какая польза воину от того, что он состоит на военной службе, когда он не достоин ее, и, будучи питаем на счет царя, не сражается за него? Может быть, – хотя и ужасно слово мое, – лучше было бы ему не вступать вовсе в военную службу, чем вступивши не радеть о царской чести. Как может не подвергнуться наказанию тот, кто живет на счет царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душе. Но как, скажешь, живя в мире, среди беспокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человек? Хочешь, я кратко укажу тебе, что не место спасает, а образ жизни и произволение? Адам в раю, как бы в пристани, потерпел крушение, а Лот, живя среди содомлян, как бы в море, спасся. Иов заслужил оправдание, будучи на гноище, а Саул, пребывая в чертогах, лишился и здешнего царства, и будущего. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить в мире, среди беспокойства, и спастись. Откуда берется такое оправдание? От того, что вы не часто приходите, одни – на молитву, другие – на божественные собрания. Разве вы не видите, как стараются те, кто желает получить почести от земного царя, и как они склоняют к ходатайству (за них) других, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тех, кто оставляет освященные собрания и в час страшной и таинственной трапезы занимается беседами и пустыми разговорами. Что делаешь ты, человек? Не обещался ли ты священнику, и на его слова: *горе имеем ум наш и сердца*, не сказал ли: *к Господу*? Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецом в самый страшный час? Удивительно! Когда уготована таинственная трапеза, когда закаляется за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник, когда духовный огонь истекает от пречистой трапезы, предстанут херувимы, летают серафимы, шестикрылые закрывают свои лица, все бестелесные силы молят за тебя вместе с иереем, духовный огонь снисходит с неба, от пречистого ребра изливается в чашу кровь в твое очищение, – ты не боишься, не стыдишься в этот страшный час оказаться лжецом? Из ста шестидесяти восьми часов в неделе один лишь единственный час отделил Себе Бог: неужели ты и тот потратишь на дела житейские, на смех и разговоры? С какою, после этого, дерзостью приступишь ты к таинствам? С какою оскверненною совестью? Неужели ты, с пометом в руках, осмелился бы коснуться края одежды земного царя? Ни в каком случае.

2. Не полагай, что (это) хлеб, и не думай, что вино, потому что они не выходят из человека, как прочие роды пищи. Нет; не рассуждай так! Но подобно тому как воск, соприкасаясь с огнем, ничего из себя не теряет, и ничего же получает, так точно думай и здесь, что тайны сорастворяются с сущностью тела. Поэтому и приступая, не думайте, будто, вы принимаете божественное тело от человека, а представляйте, что вы принимаете божественное тело как бы огонь из клещей самих серафимов, которых видел Исаия (Ис. 6),

спасительную же кровь станем принимать как бы касаясь устами божественного и пречистого ребра. Не будем поэтому, братия, оставлять собраний, равно как и в них предаваться праздным разговорам: будем стоять со страхом и трепетом, опустив взор долу, а душу имея горе, и с воздыханиями будем восклицать не голосами, а сердцем. Не видите ли, как предстоящие видимому, тленному, временному и земному царю бывают недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждают взором в разные стороны, а стоят потупившись, смиренно и со страхом? Возьми их в образец себе, человек. Так стойте пред Богом, прошу вас, как если бы вы явились пред лицо земного царя. Пред небесным Царем должно стоять и гораздо с большим страхом. Не перестану повторять, что часто и раньше говорил, пока не увяжу вас исправившимися. Входя в церковь, войдем как пристойно пред Богом, не питая в душе злобы, чтобы при молитве нам не молиться против самих себя, говоря: *прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6:12). Страшно слово это, и кто произносит его, как бы так взывает к Богу: я оставил, Владыка, оставь и Ты; я отпустил, отпусти и Ты; простил, прости и Ты; сам я не простил, не прощай и Ты; если я не отпустил ближнему, и Ты не отпускай моих согрешений. Какою мерою мерил я, пусть отмерится и мне.

3. Зная это и помышляя о том страшном дне и представляя тот огонь и страшные наказания, обратимся наконец от пути, по которому блуждали. Настанет час, когда прекратится зрелище этого мира и не будет уже времени для подвигов. Нельзя по окончании жизни заниматься делами, нельзя по прекращении зрелища стяжать венки. Настоящее время – время покаяния, будущее – время суда, теперь – время подвигов, тогда – время венцов; теперь – пора труда, тогда – время отрады; теперь – время изнурения; тогда – время воздаяния. Воспряньте, молю, воспряньте и с усердием выслушаем то, что говорят нам. Мы жили по плоти, станем же теперь жить по духу; мы жили в плотских удовольствиях, будем теперь жить в добродетелях; жили в небрежении (о грехах), проживем же в покаянии. *Что гордится земля и пепел* (Сир. 10:9)? Что надмеваешься, человек? Что слишком хвалишься? На какую мирскую славу и богатство ты надеешься? Пойдем, прошу тебя, ко гробам и увидим совершающиеся там таинства, увидим разрушившееся естество, изъеденные кости, сгнившие тела. Если ты мудр, поразмысли, и если разумен, скажи мне: кто тут царь и кто простолудин, кто благородный и кто раб, кто мудрый и кто неразумный?.. Где тут красота юности, где привлекательнейший взгляд, где миловидные очи, где прекрасный нос, где розовые уста, где цвет ланит, где блестящее чело? Не все ли прах? Не все ли пепел? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоние? Не все ли тление? Имея все это в уме и помышляя о нашем последнем дне, обратимся, братия, пока есть у нас время, с нашего пути, по которому мы блуждали. Честною кровью искуплены мы (1 Пет. 1:9). Для того Бог на земле явился; для тебя, человек, Бог на земле явился; не имея, *где голову преклонить* (Лк. 9:58). О, чудо! Судия ради осужденных приходит на суд; Жизнь вкушает смерти; Создатель терпит заушение от создания; Невидимый серафимами рабом оплевывается, укуса и желчи вкушает, копьем прободается и во гроб полагается. И ты, человек, скажи мне, нерадишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами). Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнил своего долга, потому что иная кровь владычная и иная кровь рабская? Предупреди покаянием и исправлением исход души, чтобы, когда придет смерть, не оказалось уже бессильным всякое врачевство покаяния, потому что только на земле имеет силу покаяние, а в аду оно уже бессильно. Взыщем Господа, пока есть у нас время. Будем делать добро, чтобы нам избавиться и от будущей бесконечной геенны и удостоиться царства небесного благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

9

Слово о проклятии

(Предлагаемое Слово составлено св. Иоанном Златоустом по поводу образовавшихся в Антиохии отдельных обществ, из которых одно состояло из преданных епископу Мелетию (мелетиян), другое – из признававших своим епископом Павлина (павлиниан), третье – из ариан с епископом Евзовием, и четвертое – из приверженцев неправославного Аполлинария Лаодикийского. Так как во взаимных пререканиях иногда одни из них позволяли себе проклинать других, то для прекращения соблазна в местной церкви святитель Иоанн вскоре по рукоположении своем во пресвитера в 386 году и произнес это Слово, которого полное заглавие следующее: «о том, что не должно проклинать ни живых ни умерших».)

1. Прежде беседуя с вами о познании непостижимого Бога и предложив много собеседований об этом, я доказывал как словами Писания, так и рассуждениями естественного разума, что совершенное познание Божества недоступно и для самых невидимых сил, – для тех сил, которые ведут невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущие во всегдашней беспечности и рассеянности и преданные всяким порокам, (напрасно) усиливаемся постигнуть то, что неведомо и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в таких рассуждениях соображениями собственного разума и суетною славою пред слушателями, не определяя благоразумием границ своей природы и не следуя божественному Писанию и отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего предубеждения. Теперь же, предложив вам надлежащую беседу о проклятии и показав важность этого зла, считаемого ничтожным, я чрез это загражу необузданные уста и открою вам недуг тех, которые употребляют проклятие, как случится. У нас дошло дело до такого бедственного состояния, что, находясь в крайней опасности, мы не сознаем этого, и не преодолеваем гнуснейших из страстей, так что на нас исполнилось пророческое изречение: *неочищенные и необязанные и не смягченные елеем* (Ис. 1:6). С чего же я начну говорить об этом зле? С постановлений ли заповедей Господних, или с вашей неразумной невнимательности и бесчувственности? Но, когда буду говорить об этом, не станут ли некоторые смеяться надо мною, и не покажусь ли я испуганным? Не возопиют ли против меня, что я намереваюсь беседовать о таком прискорбном и достойном слез предмете? Что же мне делать? Я скорблю и сокрушаюсь душою и терзаюсь внутренне, видя такую бесчувственность, когда наши дела превзошли преступления иудеев и нечестие язычников. Я встречаю на дороге людей, не имеющих ума, научившегося божественному Писанию, и даже вовсе ничего не знающих из Писания, и с великим стыдом молчу, видя, как они беснуются и пустословят, *не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают* (1 Тим. 1:7), невежественно дерзают преподавать одно только свое учение и проклинать то, чего не знают, так что и чуждые нашей вере смеются над нами, – людей не заботящихся о доброй жизни, ни научившихся делать добрые дела.

2. Увы, какие бедствия! Увы мне! Сколько праведников и пророков *желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали* (Мф. 13:17); а мы обращаем это в шутку! Вникните в эти слова, увещаю вас, дабы нам не погибнуть. Ибо, если чрез ангелов возвещенное учение было твердым, и всякое преступление и преслушание получало справедливое наказание, то как мы избежим его, нерадея о таком спасении? Какая,

скажи, цель Евангелия благодати? Для чего совершилось явление Сына Божия во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снедали друг друга? Заповеди Христовы, которые во всем совершеннее повелений закона, особенно требуют от нас любви. В законе говорится: *возлюби ближнего своего, как самого себя* (Лев. 19:18); а в новом завете повелевается и умирать за ближнего. Послушай, что говорит сам Христос: *некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же* (Лк. 10:30-37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т. е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова Сына Божия; то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предвидение благостью, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть. *Хлеб, говорит Он есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (Ин. 6:51). И Павел говорит в послании: *будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его* (Рим. 5:10); также и в послании к Евреям говорит, что Он *за всех вкусил смерти* (Евр. 2:9). Если же сам Он так поступал, и Церковь следует этому образцу, каждый день совершая молитвы за всех, то как ты осмеливаешься говорить свое? Ибо, скажи мне, что значит то, что ты называешь проклятием? Вникни в это слово, рассуди, что ты говоришь; понимаешь ли ты силу его? В богодухновенном Писании найдешь это слово произнесенным об Иерихоне: *и будет град сей проклят Господу сил* (Иис. Н. 6:16). И у нас до настоящего дня господствует всеобщий обычай говорить: такой-то, совершив это, сделал приношение такому-то месту. Итак, что значит слово: анафема? Оно говорится и о каком-либо добром деле, означая посвящение Богу. А изрекаемое тобою «анафема» не то ли значит, чтобы такой-то был предан диаволу, не имел участия во спасении, был отвержен от Христа?

3. Но кто ты, присвояющий себе такую власть и великую силу? *Тогда сядет Сын Божий, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов -- по левую* (Мф. 25:31-33). Почему же ты присваиваешь себе такую честь, которой удостоен только сонм апостолов и истинные и во всем точные их преемники, исполненные благодати и силы? И они, строго соблюдая заповедь, отлучали еретика от церкви, как бы исторгая этим у себя правый глаз, чем доказывалось их великое сострадание и соболезнование, как бы при отнятии поврежденного члена. Посему и Христос назвал это исторгением правого глаза (Мф. 5:29), выражая сожаление отлучающих. Поэтому они, будучи строго исполнительными как во всем другом, так и в этом деле, обличали и отвергали ереси, но никого из еретиков не подвергали проклятию. И апостол, как видно, по нужде в двух только местах употребил это слово, впрочем не относя его к известному лицу; именно в послании к Коринфянам он сказал: *Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа* (1 Кор. 16:22); и еще: *кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема* (Гал. 1:9). Почему же, тогда как никто из получивших власть не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это, поступая вопреки (цели) смерти Господней, и предупреждаешь суд Царя? Хотите ли знать, что сказал один святой муж, бывший прежде нас преемником апостолов и удостоившийся мученичества? Объясняя тяжесть этого слова,

он употребил такое сравнение: как облекший себя в царскую багряницу простолоудин – и сам и его сообщники предаются смерти, как тираны; так, говорит он, и злоупотребляющие определением Господним и предающие человека церковной анафеме подвергают себя совершенной гибели, присваивая себе достоинство Сына Божия. Или вы считаете маловажным – прежде времени и Судии произнести на кого-нибудь такое осуждение? Ибо анафема совершенно отлучает от Христа. Но что говорят люди, способные на всякое зло? Он еретик, говорят они, имеет в себе диавола, произносит хулу на Бога и своими убеждениями и суетною лестью ввергает многих в бездну гибели; посему он отвержен отцами, особенно учитель его, произведший разделение в церкви, – разумея Павлина или Аполлинария. Различия между тем и другим они но большей части не касаются, ловко избегая нового разделения и служа доказательством того, что заблуждение усилилось в недрах грубейшего предубеждения. Но ты поучай, *с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю* (2 Тим. 2:25,26). Простри сеть любви, не для того, чтобы хромающий погиб, но лучше, чтобы он исцелился; покажи, что ты по великому добродушию хочешь собственное благо сделать общим; закинь приятную уду сострадания, и таким образом, раскрыв сокровенное, извлеки из бездны гибели погрязшего в ней умом. Научи, что принимаемое по пристрастию или по неведению за хорошее – несогласно с преданием апостольским, и если человек заблуждающийся примет это наставление, то, по изречению пророка, он *жизнью проживет, и ты избавиши душу твою* (Иез. 3:21); если же он не захочет и останется упорным, то, дабы тебе не оказаться виновным, засвидетельствуй только об этом с долготерпением и кротостью, чтобы Судия не взыскал души его от руки твоей, – без ненависти, без отвращения, без преследования, но оказывая искреннюю и истинную любовь к нему. Ее ты приобретай и, хотя бы ты не получил никакой другой пользы, это – великая польза, это – великое приобретение, чтобы любить и доказать, что ты – ученик Христов. *По тому, говорит Господь, узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35), а без нее ни познание тайн Божиих, ни вера, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесут пользы, как объявил апостол: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я -- медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, -- то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13:1-7).

4. Никто из вас, возлюбленные, не показал такой любви ко Христу, как эта святая душа (Павла); никто из людей, кроме его, не осмелился произнести таких слов. Сама душа его горела, когда он говорил: *восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых* (Кол. 1:24); и еще: *я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти* (Рим. 9:3); и еще: *кто изнемогает, и я не изнемогаю* (2 Кор. 11:29)? И однако, имея такую любовь ко Христу, он никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме: иначе он не привлек бы к Богу столько народов и целых городов; но, подвергаясь сам унижению, бичеванию, заушению, посмеянию от всех, он делал все это, оказывая снисхождение, убеждая, умоляя. Так, прибыв к афинянам и нашедши всех их преданными идолопоклонству, он не стал укорять их и говорить: безбожники вы и совершенные нечестивцы; не сказал: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всех. Но что? *Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам* (Деян. 17:23). О дивное дело! О отеческое сердце! Он назвал богочтительными эллинов – идолопоклонников, нечестивых. Почему? Потому, что они, подобно благочестивым,

совершали свое богослужение, думая, что они чтут Бога, быв сами уверены в этом. Подражать этому увещеваю всех вас, а вместе с вами и самого себя. Если Господь, предвидящий расположение каждого и знающий, каков будет каждый из нас, сотворил этот (мир) для того, чтобы вполне показать дары и щедрость Свою, и, хотя сотворил не для злых, но удостоил и их общих благ, желая, чтобы все подражали Ему; то как ты делаешь противное, ты, который приходишь в церковь и приносишь жертву Сына Божия? Разве вы не знаете, что Он *трости сокрушенной не надломил и льна курящего не угасил* (Ис. 42:3)? Что это значит? Послушай: Иуду и подобных ему падших Он не отверг, доколе каждый не увлек сам себя, предавшись заблуждению. Не за неведение ли народа мы приносим моления? Не за врагов ли, ненавидящих и гонящих, нам заповедано молиться? Вот мы и совершаем это служение, и увещеваем вас: рукоположение не к властолюбию ведет, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет; все мы получили одного и того же Духа, все признаны к усыновлению: кого Отец избрал, тех Он сподобил со властью служить братьям своим. Итак, исполняя это служение, мы увещеваем вас и закликаем отстать от такого зла. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живет и существует еще в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределенном состоянии и может обратиться от зла к добру: а если он умер, то – тем более. Почему? Потому, что он *своему Господу стоит или падает* (Рим. 16:4), не находясь более под властью человеческою. Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто у Судии веков, который один знает и меру ведения и степень веры. Почему мы знаем, скажи мне, прошу тебя, за какие слова он подпадет обвинению или как оправдает себя в тот день, когда Бог будет судить сокровенные дела людей. Поистине *бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его* (Рим. 11:33-35; Ис. 40:13)! Неужели никто из нас, возлюбленные, не думает, что мы сподобились крещения, и никто не знает, что будет некогда суд? Что я говорю: суд? О самой смерти и исходе из тела мы не помышляем от ослепившей нас привязанности к предметам житейским. Отстаньте, увещеваю вас, от такого зла. Вот я говорю и свидетельствую пред Богом и избранными ангелами, что в день суда оно будет причиною великого бедствия и невыносимого огня. Если в притче о девах людей, имевших светлую веру и чистую жизнь, Господь всех, видевший дела их, отверг от чертога за недостаток милосердия (Мф. 25:11); то как мы, живущие в совершенной беспечности и немилосердно поступающие с единоплеменниками своими, удостоимся спасения? Посему увещеваю вас, не оставляйте без внимания этих слов. Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении. О, если бы все мы, питая любовь к Богу и ближнему и исполняя заповеди Господни, удостоились встретить небесного Жениха с елеем и горящими светильниками в день воскресения, и представить Ему многих, обязанных славою нашему состраданию, благодатью и человеколюбием Единородного Сына Божия, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки. Аминь.

Беседа

о воскресении мертвых

---

1. Прежде мы беседовали с вами о догматах и о славе Единородного Сына Божия, заграждая уста унижающих Его достоинство и отчуждающих Его от Родителя. Сегодня хочу заняться учением преимущественно нравственным и предложить поучение вообще о жизни и поведении; вернее сказать, и эта беседа будет не только нравственная, но и догматическая, так как я намерен изложить учение о воскресении. Этот предмет многосторонен; он и в догматах служит руководством для нас, благоустраивает и жизнь нашу, освобождает и Промысл Божий от всякого обвинения. Как неверование в него расстраивает нашу жизнь, наполняет ее бесчисленными бедствиями и ниспровергает все, так верование убеждает нас в бытии Промысла, располагает тщательно заботиться о добродетели и с великою ревностью избегать порока и наполняет все спокойствием и миром. В самом деле, кто не ожидает воскресение и не верит, что он отдаст отчет за свои здешние дела, а думает, что все наше ограничивается настоящею жизнью и за нею нет больше ничего, тот не будет заботиться о добродетели, – да и как он будет заботиться, когда не ожидает никакого воздаяния за труды? – не отстанет и от зла, не ожидая себе никакого наказания за злые дела свои; но, предавшись постыдным страстям, впадет в пороки всякого рода. А кто убежден в будущем суде и имеет пред очами то страшное судилище, неизбежный отчет в делах и неподкупный приговор, тот всячески будет стараться соблюдать и целомудрие и кротость и другие добродетели, а невоздержание и дерзости и всякого другого порока избегать; чрез это он будет в состоянии без всякого затруднение и заградить уста обвиняющим Промысл Божий.

В самом деле, некоторые, видя, что люди кроткие, целомудренные и живущие по правде терпят бедность, бывают притесняемы, подвергаются клеветам, едва имеют необходимое пропитание, часто страдают и продолжительною болезнью, и тяжкими недугами, и не получают никакой помощи, а обманщики, нечестивцы и преданные разным порокам избилуют богатством, роскошествуют, одеваются в блестящие одежды, сопровождаются огромной толпою слуг, служат предметом удивления, пользуются властью, имеют великое дерзновение пред самим царем, – видя это, некоторые обвиняют Промысл Божий и говорят: где же тут Промысл? Где же праведный суд? Целомудренный и кроткий бедствует, а невоздержный и развратный благоденствует; тому удивляются, а этого презирают; тот наслаждается великою роскошью, а этот – в бедности и крайнем затруднении. Сомневающийся в будущей жизни замолчит и решительно ничего не скажет, а умеющий мудрствовать о воскресении легко остановить хулу и негодующим на это скажет: перестаньте изошрять язык свой против сотворившего вас Бога; дела наши не ограничиваются настоящею жизнью, но мы стремимся к другой жизни, гораздо более продолжительной, или – лучше – не имеющей конца; и там этот бедняк, живущий добродетельно, непременно получить воздаяние за труды свои, а развратник и обманщик подвергнутся наказанию за свое нечестие и несправедные удовольствия. Итак, не будем судить о Промысле Божиим только по настоящему, а станем судить и по будущему. Настоящая жизнь есть борьба, подвиг, поприще, а будущая – воздаяние, венец, награда. Как ратоборцу в борьбе нужно сражаться в поту, в пыли, в зное, в трудах и страданиях, так и праведнику здесь нужно много терпеть и все переносить великодушно, если он хочет получить там светлые венцы. А если кого смущает благоденствие нечестивых, тот пусть еще

представит, что, как разбойники, и расхитители гробниц, и человекоубийцы, и морские пираты, прежде, нежели они попадут в судилище, наслаждаются изобилием, приобретая свое благополучие чужими несчастиями, собирая несправедливое богатство и всякий день пьянствуя, когда же подвергнутся приговору судии, то за все это получают наказание, – так и те, которые покупают блудниц, устраивают сибаритские пиршества, гордо поднимают брови, величаются на торжище и притесняют бедных; и они в то время, когда придет Единородный Сын Божий с ангелами Своими, сядет на престоле и поставит пред Собою всю вселенную, будучи приведены нагими и без всякой пышности, не имея ни в ком ни защитника, ни покровителя, без всякой пощады будут свержены в огненные реки. Посему не ублажай их за здешние их наслаждения, но плачь о предстоящем им наказании, равно я праведного не называй несчастным за здешнюю его бедность, но ублажай за будущее богатство благ, и вкорени в душе своей учение о воскресении, дабы тебе, если ты благочестив и подвергаешься искушениям, сделаться более терпеливым, почерпая более ревности в надеждах на будущее, а если – нечестив, отступить от нечестия, соблюдая себя целомудреннейшим по страху будущего наказания.

2. Поэтому и Павел непрестанно повторяет нам учение о воскресении, как и сегодня вы слышали такие слова его: *ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5:1). Впрочем обратимся к тому, что сказано выше, и посмотрим, как он перешел к учению о воскресении. Не спроста и не случайно выдвигает он постоянно это учение, а с намерением научить будущему и вместе с тем желая укрепить подвижников благочестия. Ныне, правда, по благодати Божией, мы наслаждаемся полным миром, так как и цари живут в благочестии, и начальники узнали истину, и простолюдины и города и народы, освободившись от заблуждения, все поклоняются Христу; но тогда, в начале проповеди, когда семена благочестия только что посеивались, была война сильная, разнородная. На верных восставали и начальники, и цари, и домашние, и родные, и все; даже вопреки самой природы велась эта война, часто отец предавал сына, мать – дочь, господин – раба. И не только одни города, не только страны, а часто и дома восставали друг на друга, и тогдашнее смятение было тяжелее всякой междоусобной войны, так как и имущество расхищалось, и свобода отнималась, и самой жизни грозила опасность, и не потому, что нападали и притесняли варвары, а потому, что сами те, которые считались повелителями и начальниками, были настроены к подчиненным хуже всяких неприятелей. И Павел, указывая на это, говорил: *вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служба зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имущества вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее* (Евр. 10:32-34). И галатам он говорит: *столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы* (3:4); и фессалоникийцам и филиппийцам, и всем вообще, кому посылает письма, он свидетельствует о многом подобном. И не то только было тяжело, что отвне была воздвигаема жестокая и постоянная война, но и то, что между самими верующими возникали некоторые соблазны, споры, состязания, несогласия; выражая это самое, Павел говорил: *отвне – нападения, внутри – страхи* (2 Кор. 7:5). И эта война была гораздо тяжелее внешней и для учеников, и для учителей. Поэтому-то и Павел не так боялся козней врагов, как внутренних падений и преступлений между своими. Так, когда впал в блуд некто у коринфян, – он проводил все время в сетовании о преступнике, терзаясь сердцем и горько рыдая.

Было еще и третье обстоятельство, которое не меньше вышесказанных тяготило верующих, именно – самое свойство дела, требовавшего многих усилий и трудов. Не легок, в самом деле, и не удобен был путь, по которому вели их апостолы, но трудный и неудобопроходимый, для которого нужна душа любомудрая, неусыпная и во всех

отношениях безукоризненная. Поэтому и Христос назвал этот путь узким и тесным. Им нельзя было жить без страха, как язычникам, в делах постыдных, пьянстве, объедении, роскоши и пышности, им нужно было и обуздывать гнев, и укрощать непристойные пожелания, и презирать богатство, и пренебрегать славою, и быть выше зависти к клеветы. А каких трудов требуют такие подвиги, это знают те, которые ежедневно борются со страстями. Что, скажи мне, свирепее нечистой похоти, которая, подобно бешеному псу, непрестанно бросается на нас, всякий день беспокоит нас и требует души, постоянно бодрствующей? Что мучительнее гнева? Приятно отомстить обидевшему, но это не позволялось. И что я говорю: не позволялось мстить обидевшему? Должно было благодетельствовать обижающим, благословлять злословящих, не произносить даже ни одного оскорбительного слова. Целомудрие же требовалось обнаруживать не в делах только, но и в самых помышлениях; нужно было удерживаться не только от нечистого дела, но и от (нечистого) взгляда, и даже не взирать с услаждением на лица благообразных женщин, так как и за такой взгляд можно подвергнуться крайнему наказанию. Так велика была война отвне, велик страх внутри, много трудов в совершении дел добродетельных. К этому присоединилось и четвертое обстоятельство – неопытность тех, которые имели подвизаться столь великим подвигом. Апостолы приняли таких людей, которые не наследовали от предков благочестие, но были воспитаны в неге, роскоши, пьянстве, распутстве и невоздержании. А это не мало затрудняло подвиги, то есть, что они не издревле и не от предков научились такому любомудрию, а только теперь приступили к этим подвигам.

3. Итак, когда подвижникам представлялось столько затруднений, апостол, желая ободрить их в труде, часто говорил о воскресении. И не этим только он увещевает и укрепляет ратоборцев, но и повествованием о собственных страданиях. Поэтому, прежде чем завести речь о воскресении, он излагает свои страдания, говоря так: *мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.* (2 Кор. 4:8,9), указывая этим на ежедневные смерти, т. е. что подвижники были как бы живыми мертвецами, ежедневно предаваемыми на смерть. Внушив им это, он потом ведет речь о воскресении. *Ибо веруем, говорят, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами: посему мы не унываем* (ст. 14,16), имея величайшим утешением в подвигах надежду на будущие блага. И не сказал им: посему не унывайте; но что? *Посему мы не унываем*, – выражая, что и сам он непрестанно в подвигах. На олимпийских состязаниях ратоборец подвизается внутри, распорядитель же, сидя вдали, подаст помощь словами, и настолько лишь помогает ратоборцу, насколько может кричать и восклицать; а подойти ближе и подать помощь руками не позволяет ему никакой закон. А в подвигах благочестие бывает не так; но здесь один и тот же бывает и распорядителем борьбы и вместе ратоборцем. Поэтому он сидит не вне поприща, но вступает в самые состязание и укрепляет тех, которые борются вместе с ним, говоря: *посему мы не унываем.* Не сказал: *не унываю*, но: *мы не унываем*, желая ободрить их похвалами. *Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (ст. 16). Посмотри на мудрость апостольскую: сперва он ободрил их самыми страданиями их, сказав: *Посему мы не унываем*; ободрил и воскресением Иисуса, сказав: *Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас.*

Потом употребляет и другой способ утешения. Так как многие из людей, малодушные, слабые и жалкие, хотя и верят в воскресение, но обращают на него мало внимания, за отдаленностью времени, колеблются и падают, то он прежде воскресения указывает им на другую награду и воздаяние. В чем же именно это последнее? *Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.* Внешним человеком называет он тело, внутренним человеком именуется душу. Смысл слов его следующий: еще прежде воскресение и наслаждение будущую славою, мы уже получаем не малое воздаяние за труды в том, что от самых скорбей душа наша обновляется, становится более мудрою и благоговейною,

приобретает большее терпение, становится твердейшею и сильнейшею. Как те, которые совершают телесные подвиги, еще прежде венцов и наград получают великую награду в самом упражнении и борьбе, делая чрез упражнение свои тела более здоровыми и крепкими и избегая всякой болезни, так точно и в подвигах добродетели, еще прежде, чем отверзнется небо, прежде чем придет Сын Божий, прежде чем мы получим воздаяние, великую награду мы получаем от них уже в том, что душа наша становится более любомудрою. Как те, которые много плавали по морям, испытали множество волнений, боролись с многими зверями, выдержали много бурь, еще прежде выгод самой торговли получают не малую пользу от такого продолжительного путешествия в том, что приобретают смелость и отважность на море, и бесстрашно и с удовольствием совершают морские странствования, – так точно и в настоящей жизни тот, кто перенес много скорбей для Христа, кто потерпел много бедствий, еще прежде царства небесного получает великое воздаяние в том, что приобретает уже дерзновение пред Богом и делает душу свою более возвышенною, так что наконец посмеивается над всеми бедствиями.

А чтобы сказанное стало очевиднее, я хочу пояснить это на примере. Сам именно Павел, испытавший множество бедствий, не малое получал воздаяние уже и в том, что посмеивался над мучителями, противостоял неистовому народу, презирал всякое мучение, оставался непреклонным и пред зверями, и пред железом, и пред морями, и пред пропастями, и пред возмущениями, и пред кознями, и пред всеми бедствиями; а с этим что может сравниться? В самом деле, человека неопытного и не переносившего никакой беды обыкновенно смущают и маловажные дела, или – лучше – не только самые дела, но и одно лишь ожидание их; что я говорю: одно ожидание? – даже тени пугают и устрашают такого человека. Напротив, кто приступает к подвигам, испытав все и претерпев бесчисленные бедствия, тот бывает выше всех их и посмеивается над угрожающими, как над каркающими воронами. Не мал этот венец, не маловажна эта награда, когда ничто человеческое не может опечалить его, когда страшное для других делается для него не стоящим внимания, когда над тем, чего другие страшатся и трепещут, он может посмеиваться, силою своего терпения достигнув любомудрие сил ангельских. Подлинно, если мы ублажаем тело, которое может без боли переносить и холод, и зной, и голод, и недостаток, и путешествие, и другие труды, то гораздо больше должно ублажать душу, которая может мужественно и неустрашимо переносить все удары бедствий, и во всех обстоятельствах сохранять свой ум свободным от рабства. Такой человек царственнее самих царей, потому что царю могут много вредить своими замыслами и злодеяниями и оруженосцы, и друзья, и враги, а тому, у кого такая душа, как я теперь сказал, не может повредить ни царь, ни оруженосец, ни слуга, ни друг, ни враг, ни сам диавол: да и как это было бы возможно, когда он научился не признавать бедствием ничего, что другими считается бедствием?

4. Таков был блаженный Павел; поэтому он и говорил: *кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8:35-37). То же самое выразил он и там, сказав: *но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4:16). Слабее, – как бы так говорит он, – становится тело, но душа делается сильнее и крепче и более окрыляется. Подобно тому, как воин, носящий тяжелое оружие, как бы он ни был мужествен и храбр, не может быть страшен для неприятелей, потому что тяжесть оружие препятствует быстроте ног и воинской ловкости, а если возьмет оружие легкое и удобоносимое, то налетает на противников, подобно птице, так и тот, кто не утучняет своей плоти ни пьянством, ни негою, ни роскошью, но постами, молитвами и великим терпением в скорбях делает ее более легкою и тонкою, как птица, несущаяся сверху, с великою стремительностью нападает на полки бесов, легко низлагает супротивные силы и покоряет их себе. Так и Павел, приняв много побоев, попав в темницу и быв закован в

колоду, имел тело уже изнуренное трудами, но душу крепкую и сильную, и столь силен был в узах, что одним голосом потряс основание темницы, свободного от уз темничного стража привел узником к ногам своим и отверз запертые двери. Итак, Павел доставил нам не малое утешение еще прежде воскресение тем, что от искушений мы делаемся лучше и любомудреннее. Поэтому он и говорит: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. 5:3-5). И другой некто говорит: *кто не имел опытов, тот мало знает; а кто странствовал, тот умножил знание* (Сир. 34:10). Таким образом от скорби мы получаем не мало пользы еще прежде воскресение тем, что душа наша становится испытаннее, мудрее и разумнее, и избавляется от всякой робости. Посему он и говорит: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется*. Как, скажи, он обновляется? Так, что изгоняется всякое малодушие, подавляются непристойные пожелания, сребролюбие, тщеславие, истребляются и прочие все вообще растленные помыслы. Как душа, преданная бездействию и беспечности, легко овладевается этими страстями, так душа, непрестанно занятая подвигами благочестия, не имеет даже и досуга подумать когда-нибудь о них, потому что заботливость о подвигах отвлекает ее от всех страстей. Посему он и сказал: *со дня на день обновляется*. Потом, желая еще утешить души, скорбящие среди приключаящихся бедствий и не умеющие любомудрствовать, он ободряет их надеждою на будущее, говоря так: *ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно*. (2 Кор. 4:17,18). Смысл слов его следующий: скорбь много пользы приносит нам и здесь, делая нашу душу более разумною и любомудрою, но после она доставит нам и бесчисленные блага в будущем, блага неравноценные трудам, но далеко превосходящие подвиги и в количестве и в качестве. Объясняя, говорю, то и другое, Павел делает сравнение важности опасностей с важностью наград, и кратковременному противопоставляет вечное, легкому – тяжелое, скорби – славу. Скорбь, говорит, временна и легка, а успокоение, – впрочем он не сказал: успокоение, а *слава*, что гораздо больше успокоения, – вечно, постоянно и велико. *Тяготою* же здесь он выразил не обременительность и трудность, а многоценность и важность, но обычаю тех многих, которые обыкновенно называют многоценное и веским. Итак, когда он говорит: *тяготу славы*, он понимает великость славы. Не о том только думай, – как бы так говорит он, – что тебя мучат и преследуют, но и о венцах и наградах, которые гораздо больше и блистательнее настоящих благ, и не имеют ни конца, ни предела. Но эти блага, скажешь, на опыте, а те в надежде; эти явны, а те не видны, отдаленны и высоки. Но хотя они и не видны, однако явственнее видимых. Что я говорю: явственнее? – их ты можешь видеть лучше, нежели эти; потому что эти проходят, а те всегда пребывают. Поэтому он и присовокупил: *когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно*.

5. Если же ты скажешь: как могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое? – то я постараюсь привести тебя к вере в это посредством дел житейских. И тленными вещами, находящимися в мире, не скоро стал бы заниматься кто-нибудь, если бы прежде видимого не взирал на невидимое. Например: торговец переносит много бурь, волнений, кораблекрушений и разных затруднений, но становится богатым после бурь, когда сложит товары и долго будет производить торговлю. Таким образом бури прежде, а товары после; моря и волны уже являются ему, когда он выходит из пристани, а прибыли еще не видно, – она еще пока в надежде. И однако, если бы он наперед не видел этой неявной и неприсущей, находящейся не в руках, а только в надежде, прибыли, то не дотронулся бы и до (этого) присущего и видимого. Так и земледелец запрягает волов, влачит плуг, проводит глубокую борозду, бросает семена, тратит все, что имеет, переносит и мороз, и иней, и дожди, и много других неприятностей, а после этого труда ожидает увидеть богатую жатву и полное хлеба гумно. Видишь ли, как и здесь наперед труд, а потом награда, и притом награда неизвестна, а

труд известен и очевиден, та еще в надежде, а этот на опыте? Однако и он, если бы наперед не смотрел на неизвестную, неявную и невидимую телесными глазами награду, то не только не запрягал бы волов, не влачил плуга, не бросал семян, но и не вышел бы никогда из дома для такой работы. Итак, не безрассудно ли – в делах житейских прежде явного смотреть на неявное, прежде наград переносить труды, прежде терпеть все неудобства, а потом ожидать от того пользы, и побуждаясь надеждою на невидимое приниматься за видимое, а в делах Божиих колебаться и недоумевать, требовать воздаяния прежде трудов, являться малодушнее и земледельцев и мореплавателей? И не потому только мы оказываемся хуже их, что не доверяем будущему, но не меньше того и по другой причине. Почему же именно? Потому, что те, даже вовсе не имея уверенности в благополучном окончании своих дел, не оставляют трудов, а ты, имея достоверного поручителя за венцы, не смотря даже и на это, не подражаешь их терпению. В самом деле, земледелец, посеяв семена, обработав землю и увидев богатые нивы, часто теряет плоды трудов своих от града, или от зловредной росы, или от саранчи, или от какой-нибудь другой подобной беды, и после многих усилий возвращается домой с пустыми руками. Также и торговец, проплыв широкое море с наполненным товарами судном, часто при самом входе в пристань, подвергшись нападению ветров, ударяется о какую-нибудь скалу, едва спасши лишь тело, нагим выходит (на берег). И вообще во всех житейских делах при конце нередко случается много подобных бедствий. А в твоих подвигах этого не бывает; но кто подвизался, кто сеял благочестие и перенес много трудов, тот непременно достигает конца, потому что награды за эти труды Бог вверил не переменчивости воздуха и не стремлению ветров, а положил их на небесах, в недоступных сокровищницах. Посему и Павел сказал: *от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5:3-5). Итак, не говори, что будущее не явно, потому что если ты захочешь тщательно исследовать, то оно гораздо виднее того, что в руках. Это самое и показывает нам Павел, когда называет одни блага вечными, а другие временными, под *временностью* разумея тленность их. И в самом деле, они лишь только явятся, как и улетают; лишь только придут, как и убегают; смены их быстры, обладание ими неверно. Это случается (как вы можете видеть) и с богатством, и славой, и властью, и благообразием тел, и силой, и вообще со всем житейским. Поэтому и пророк, обличая роскошествующих и неистово пристрастившихся к богатству и всем другим пустым вещам, говорит: *поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид* (Ам. 6:5); как нельзя удержать тень, так и житейские предметы, – одни из них разрушаются при смерти, а другие еще прежде смерти уплывают быстрее всякого потока. Будущее же не таково; оно не знает перемены, не допускает переворота, не испытывает старости, не терпит никакого изменения, но постоянно цветет и пребывает в одном и том же благолепии. Таким образом, если надобно назвать что-нибудь неявным, неизвестным и неверным, то следует назвать так блага настоящие, которые не остаются у приобретших их, но сменяют владельцев и каждый день переходят от одного к другому, а от другого к третьему. Объяснив нам все это и потому настоящее назвав временным, а будущее вечным, Павел начинает речь о воскресении и говорит так: *ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный* (2 Кор. 5:1).

6. Посмотри опять и здесь, какие точные он употребляет выражения, самыми названиями обнаруживая силу мыслей. В самом деле, не просто назвал он тело обиталищем души, но указывает нам на временность настоящей жизни и объявляет о перемене на лучшее, как бы так говоря: зачем ты воздыхаешь и плачешь, возлюбленный, что тебя бьют, гонят и заключают в темницу? Зачем ты оплакиваешь эти частные бедствия, когда тебе надобно подвергнуться всецелому разрушению тела, или – лучше – не просто тела, но тления, находящегося в теле? А чтобы доказать, что эти частные бедствие не только не должны печалить нас, но еще радовать, он заявляет, что всеобщее и последнее разрушение составляет для нас предмет желаний, называя так разрушение чрез смерть. И далее: *оттого мы и*

воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище (2 Кор. 5:2). Двумя словами: *храмина тела* – он или называет самое тело, или под храминою тела понимает дома, в которых мы обитаем, города, внешний вид настоящей жизни. И не просто сказал: *я*, но: *мы*, ссылаясь и на ведение слушателей; я беседую, как бы так говорит он, не о сомнительных и неизвестных предметах, но о том, что вы уже приняли верою, уверовав в воскресение Господа. Посему мы и называем тела умерших храминами. Посмотри еще, какое точное он употребил выражение; не сказал: *истребится и уничтожится*, но: *разорится*, показывая, что оно – тело разрушается, чтобы восстать более блистательным и светлым. Затем подобно тому как он сравнивал труды с наградами по качеству, продолжительности и количеству, так точно поступает он и здесь, называя разрушающееся тело *обиталищем*, а восстающее *жилищем*, и не просто жилищем, но *вечным*, и не просто вечным, но *небесным*, показывая превосходство его и по продолжительности и по месту; то земное, а это небесное; то временное, а это вечное. Теперь мы, по немощи плотской, имеем нужду и в теле и в жилище; а тогда одно и то же будет и телом и жилищем, не имея нужды ни в кровле, ни в каких-нибудь покровках, потому что для него нетление будет достаточно вместо всего. Далее, показывая превосходство соблюдаемых для нас благ, он говорит: *ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем* (2 Кор. 5:4). Не сказал: *воздыхаю*, но обобщает эту мысль. *Ибо в сем*, говорит, *воздыхаем*, желая привлечь и слушателей к своему любомудрию и сделать их сообщниками своего суждения. *Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем*. Не сказал просто: *воздыхаем*, но дополнил: *под бременем*, и прибавил: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5:3). Эти слова кажутся неясными; но они становятся ясными из следующего за ними прибавления: *ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься*.

Видишь, как он не забывает своих слов, и не называет этого тела жилищем, но опять – обиталищем: *потому что не хотим совлечься, но облечься*. Здесь он наносит смертельный удар тем, которые унижают телесное естество и порицают нашу плоть. Когда он сказал, что мы *воздыхаем* и не желаем *совлечься*, то, чтобы ты не подумал, будто он убегает от тела, как от зла, причины нечестия, врага и неприятеля, послушай, как он предостерегает от этого мнения, во-первых, словами: *воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься*, потому что облакающий надевает на действительное еще нечто другое; потом словами: *воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься*. Смысл слов его следующий: Не плоть, как бы так говорит он, хотим сложить с себя, а тление; не тело, а смерть. Иное – тело и иное – смерть; иное – тело и иное тление; ни тело – ни тление; ни тление – не тело; тело, правда, тленно, однако тело не есть тление; тело смертно, тем не менее тело не есть смерть; но тело было делом Божиим, а тление и смерть введены грехом. Итак, я хочу, говорит, снять с себя чуждое, не свое; а чуждое – не тело, но тление; поэтому он и говорит: *не хотим совлечься*, то есть, тела, *но облечься* в теле нетлением. Тело есть среднее между тлением и нетлением. Оно снимает с себя тление и облакается в нетление; свергает с себя то, что получило от греха, и приобретает то, что даровала благодать Божия. И чтобы ты убедился, что он относит слово: *совлечься* не к телу, а к тлению и смерти, выслушай прибавленное непосредственно вслед за тем. Сказав: *не хотим совлечься, но облечься*, он не сказал: *чтобы тело поглощено было бестелесностью, но чтобы смертное поглощено было жизнью*, то есть, чтобы оно уничтожилось, чтобы оно истребилось, так что, следовательно, он говорит об истреблении не тела, но смерти и тления. Грядущая жизнь уничтожает и истребляет не тело, а приставшее к нему тление и смерть. Итак, воздыхание бывает не ради тела, но ради присущего ему тления. Тело и на самом деле тягостно, обременительно и грубо, не по собственному естеству, а от приставшей к нему позднее смертности; само же тело не есть тленно, но нетленно. Его благородство таково, что и в самом тлении оно показывает свое достоинство. Тень, например, апостолов прогоняла бестелесные силы; их прах и пепел побеждал бесов; и одежды, находившиеся на их телах, уничтожали болезни и возвращали здоровье.

7. Не говори мне о мокроте, желчи, поте, нечистоте и о прочем, на что указывают порицающие тело, потому что это принадлежало не естеству тела, а пришедшей после тленности. Если ты хочешь убедиться в достоинстве, то вникни в расположение всех частей его, их внешний вид, действие и взаимное согласие, и ты увидишь, что отношение этих членов друг к другу правильнее, чем в любом городе, который управляется хорошими законами и где все граждане – люди мудрые. Если же ты, оставив это без внимания, станешь указывать только на его тленность и смертность, то и здесь мы не затруднимся представить оправдание. Что отсюда не только не происходит никакого вреда, но и великая польза для рода человеческого, очевидно из следующего: все святые, находясь в этом теле, явили ангельскую жизнь, и не было от него для них никакого вреда на пути добродетели; а склонные к нечестию в тленности тела имели не малое препятствие к продолжению своего беззакония. Уж если многие из людей, быв облечены в это тленное и страстное тело, возмечтали о своем равенстве с Богом и для приобретения себе такой славы делали много усилий, то, если бы они не имели страстного и тленного тела, обличителя их слабости, кого из неразумных не обольстили бы они? Итак, когда тело является препятствием и нечестию, которое есть последний предел зла, и святым доставляет повод оказывать душевное мужество, то какое извинение могут иметь те, которые его порицают и злословят? И не только это мы можем сказать о нем, но и то еще, что ОЕО содействует вам в богопознании. Если в самом веке *невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1:20), и *вера от слушания* (Рим. 10:17), то очевидно, что душа посредством глаз и ушей руководится к познанию создавшего ее Бога. Поэтому-то самому и Павел любит его и восклицает, говоря, что *не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью* (2 Кор. 5:4).

И не говори мне: как тело может опять восстать и сделаться нетленным? Когда действует сила Божия, то *как* не должно иметь места. Но что я говорю о Боге? Он устроил, что сам ты совершаешь воскресение, то в семенах, то в искусствах, то в металлических веществах. Так семена, если наперед не умрут, не сгниют и не истлеют, то не произрастают колоса. Таким образом как там, смотря на гниющее и разлагающееся зерно, ты не сомневаешься в его восстании, но считаешь это яснейшим для себя доказательством, – потому что если бы оно не сделалось гниющим и тлеющим, то никогда не восстало бы, – так рассуждай и о своем теле: когда видишь тление, тогда особенно и любомудрствуй о воскресении. Смерть, действительно, есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его. Тоже можно видеть и на металлических веществах. Опытные в этих делах берут золотоносную землю и, бросив ее в горнило, выработывают золото; также из смеси песку и других веществ делают чистое стекло. Теперь, скажи мне, неужели благодать Божие не в состоянии будет сделать того, что делает сила огня? Кто из имеющих сколько-нибудь ума может сказать это? Помысли, как Бог сотворил тебя вначале, и не сомневайся в Воскресении. Не землю ли Он взял тогда и образовал? Что труднее, – сотворить ли из земли плоть, жилы, кожу, кости, нервы, веки, артерии, органические и простые тела, глаза, уши, ноздри, ноги, руки, и каждому из этих членов сообщить и особенную и общую деятельность, или подвергшееся тлению сделать бессмертным? Не видишь ли, как земля однообразна, а тело разнородно и многообразно и по действиям, и по цвету, и по сложению, и по свойствам, и по всему другому? Как же, скажи мне, ты сомневаешься в будущем? Но какая нужда говорить о телах? Как, скажи мне, Бог сотворил бесчисленные силы и сонмы ангелов, архангелов и высшие чины их? Я не в состоянии указать иного способа кроме того, что для Него достаточно было только захотеть. Неужели же сотворивший столько бестелесных воинств не может опять обновить истлевшее тело человеческое и даровать ему высшее достоинство? Кто так безрассуден, чтобы сомневаться в этом и отвергать воскресение? Подлинно, если не воскреснет тело, то не воскреснет человек, потому что человек есть не только душа, но душа и тело. Поэтому, если

воскреснет только душа, то существо воскреснет на половину, а не всецело; притом же в отношении к душе собственно нельзя и говорить о воскресении, так как воскресение свойственно умершему и разложившемуся, а разлагается не душа, но тело. Что же значит изречение; *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5:3)? Здесь предлагается нам великая и неизреченная тайна. Какая же именно? Та, о которой апостол говорит в послании к Коринфянам: *так во Христе все оживут, каждый в своем порядке* (1 Кор. 15:22,23). Что же значат эти слова? То, что и эллин, и иудей, и еретик, и всякий человек, пришедший в этот мир, воскреснет в тот день. Указывая на это самое, он говорил: *не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе* (1 Кор. 15:51,52).

8. Так как воскресение будет для всех вообще, для благочестивых и нечестивых, злых и добрых людей, то чтобы в виду этого ты не подумал, будто произойдет несправедливый суд, и не сказал себе: что это такое: воскресну я, с усердием столько трудившийся и бедствовавший, воскреснет также и язычник, и нечестовавший, и поклонявшийся идолам и не знавший Христа, и насладится такою же честью? – дабы ты, говоря это, не смутился, то послушай, что изрекает апостол: *только бы нам и одетым не оказаться нагими* (2 Кор. 5:3). Но как, скажешь, можно облекшемуся в нетление и бессмертие оказаться нагим? Как? Когда мы будем чужды славы и лишимся дерзновение пред Богом. Тела грешников действительно восстанут нетленными и бессмертными; но эта честь будет для них средством к наказанию и мучению: они восстанут нетленными для того, чтобы постоянно гореть, потому что, если тот огонь неугасим, то для него нужны и тела, никогда не уничтожаемые. Поэтому он говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими*. Не то только, на самом деле, желательно, чтобы мы воскресли и облеклись в бессмертие, но чтобы, воскресши и облекшись в бессмертие, не явились лишенными славы и дерзновение пред Богом, чтобы нас не предали огню. Поэтому он и говорит: *только бы нам и одетым не оказаться нагими*. Далее, желая сделать учение о воскресении достовернейшим и сказав, что *смертное поглощено было жизнью*, он присовокупил: *на сие самое и создал нас Бог* (2 Кор. 5:4,5). Смысл слов его следующий: вначале Бог сотворил человека не для того, чтобы он погиб, но чтобы шествовал к нетлению, так что и тогда, когда Он допустил смерть, допустил ее с тою мыслию, чтобы ты вразумлялся этим наказанием и, сделавшись лучшим, мог опять достигать бессмертия. Такова была воля и мысль Божие издревле и от начала, и с таким определением Он создал первого человека; это показал Он нам тотчас в самом начале. В самом деле, если бы Он не хотел вначале открыть нам дверей воскресения, то не попустил бы Авелю, украшавшемуся всеми добродетелями и бывшему любезным Ему, претерпеть то, что он претерпел; теперь же, показывая нам, что мы идем к другой жизни и существует некоторый другой век праведных, в котором приготовлены награды и венцы, Он попустил первому праведнику отойти отсюда, не получив здесь наград за труды свои, чтобы он страданиями своими взывал и говорил всем, что после здешней жизни есть некоторое воздаяние, награда и возмездие, Потому Он и Еноха переселил и Илию восхитил, чтобы внушить нам учение о воскресении. Таким образом для удостоверения в этом достаточно могущества Творца; но если кто-нибудь из немощнейших желает получить другое доказательство и залог будущего воскресения, то и это Бог даровал с великою щедростью, ниспослав в великом изобилии благодать Духа. Поэтому и Павел, подтвердив учение о воскресении Христовым воскресением и тем, что Виновник его Бог, присовокупил следующее изречение: *и дал нам залог (залог), не денег, не золота и серебра, но залог Духа* (2 Кор. 5:5); а залог есть часть всего и ручательство за все. Как в договорах тот, кто получил залог, не сомневается и уверен во всем прочем, так и ты, получив залог, то есть, дары Духа, уже не сомневайся в уготованных благах. Если ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, изгоняешь бесов, очищаешь прокаженных, врачуешь болезни, разрушаешь смерть, можешь совершать столь много и таких дел в слабом и смертном теле, то как получишь ты прощение, сомневаясь в воскресении? Если теперь, когда еще не настало время воздаяния, но еще продолжают подвиги, Бог наградил нас такими венцами, то представь, какие блага даст Он тебе во время воздаяния. Если же кто-

нибудь скажет: мы не видим теперь таких знамений и не имеем такой силы, то я замечу, что нет никакого различия, теперь ли, или прежде совершалось это. А что это совершаемо было прежде – при апостолах, о том свидетельствуют церкви по всей вселенной, народы, города и племена, притекшие к простым людям и рыбакам. Не покорили бы, в самом деле, вселенной люди неученые, бедные, неимущие и уничиженные, если бы они не имели помощи в знамениях. Впрочем, и ты не остался чуждым благодати Духа, но еще и ныне много знамений этого дара, которые гораздо важнее и удивительнее даже вышеисчисленных, потому что не одно и то же – воскресить умершее тело, или избавить от гибели душу умерщвленную грехами, что совершается чрез крещение; не одно и то же – отогнать болезни плоти, или сложить бремя грехов; не одно и то же – исправить поврежденный глаз, или озарить светом помраченную душу. Так, если бы не было залога Духа и ныне, то не существовало бы крещения, не было бы ни отпущение грехов, ни оправдание и освящения, не получали бы мы усыновления, не были бы причастниками таинств, – потому что без благодати Духа не могло бы быть таинственного тела и крови; не имели бы мы и священников, потому что без Его наитие не может быть рукоположений. Можно было бы указать и много других знамений благодати Духа. Таким образом и ты имеешь залог Духа, слагаешь мертвенность души и неправость помыслов и оставляешь нечистую жизнь. Ни будем же сомневаться в будущем, получив такие залого; всесторонне усвоив учение о воскресении, покажем и жизнь, достойную этого учения, чтобы достигнуть не изменяющихся благ, превосходящих всякое слово и ум человеческий, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

О священстве

(Слова о Священстве написаны св. Иоанном Златоустым по следующим обстоятельствам: в 374 году по Р.Х., когда он жил вместе с другом и сверстником своим Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих епископами, о чем молва дошла и до них; св. Иоанн, представляя высокую важность пресвитерского и епископского служения и считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой церкви, скрылся тайно от всех и даже от своего сожителя, который и был возведен в сан епископа (вероятно, Рафаны Сирийской, близ Антиохии); но вскоре затем, увидевшись с св. Иоанном, высказал ему свои дружеские упреки за уклонение от священного сана, на которые и служат блистательным ответом предлагаемые шесть слов о Священстве. Таким образом, написание этих слов должно быть отнесено к годам после 374-го, но не позже 386 года, в котором св. Иоанн уже был рукоположен в пресвитера.)

Слово первое

1. Много было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне и столько успел в этом опередить их, сколько они – людей равнодушных ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковою охотою и ревностью занимались красноречием и одинаковые имели желанья, проистекавшие от одних и тех же занятий. И не только в то время, когда мы ходили к учителям, но и по выходе из училища, когда надлежало совещаться, какой нам лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными в своих мыслях.

2. Кроме этих и другие причины сохранили единомудушие наше неразрывным и твердым; ибо мы не могли превозноситься один пред другим знаменитостью отечества; не было и того, чтобы я изобиловал богатством, а он жил в крайней бедности, но мера нашего имущества столь же была равна, как и наши чувствования. И происхождение было у нас равночестное, и все содействовало нашему согласию.

3. Но когда надлежало ему, блаженному приступить к монашеской жизни и к истинному любомудрию, тогда у нас нарушилось равновесие; его чаша, как более легкая, возвысилась, а я, еще связанный мирскими стремлениями, унизил свою чашу и склонил вниз, отяготив ее юношескими мечтами. Хотя при этом дружба наша и оставалась столь же крепкою, как и прежде, но общежитие расторглось; потому что не возможно было жить вместе занимающимся не одним и тем же. Когда же и я несколько освободился от житейской бури, то он принял меня к себе с распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежнего равенства; опередив меня и временем и оказав великую ревность, он опять стоял выше меня и достигал великой высоты.

4. Впрочем, как человек добрый и дорого ценивший нашу дружбу, он, отказавшись от всех других, разделял со мною все время, чего и прежде желал, но встречал препятствие к тому в моей беспечности. Кто был привязан к судилищу и гонялся за сценическими увеселениями, тот не мог часто проводить время с человеком, который был привязан к

книгам и никогда не выходил на площадь. Но когда, после прежних препятствий, он привлек меня к одинаковой с ним жизни, тогда и выразил желание, которое давно хранил в себе, и уже не оставлял меня ни на малейшую часть дня, не переставая убеждать, чтобы каждый из нас оставил свой дом и мы оба имели одно общее жилище, в чем и убедил меня, и это даже уже было близко к исполнению.

5. Но непрестанные увещания матери воспрепятствовали мне доставить ему это удовольствие, или лучше, принять от него этот дар. Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самых слез. Рыдая, она говорила мне так: «сын мой, я сподобилась не долго наслаждаться сожительством с добродетельным отцом твоим; так угодно было Богу. Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне преждевременное вдовство и горести вдовства, которые могут хорошо знать только испытавшие их. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которым подвергается девица, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах и вдруг пораженная невыносимую скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие и возраст и природу ее. Она, конечно, должна исправлять нерадение слуг, замечать их проступки, разрушать козни родственников, мужественно переносить притеснения собирающих общественные повинности и строгие требования их при взносе податей. Если еще после смерти супруг оставит дитя, то, хотя бы это была дочь, и она причинит много забот матери, впрочем не соединенных с издержками и страхом, а сын подвергает ее бесчисленным опасениям каждый день и еще большим заботам. Я не говорю о тех денежных издержках, которые она должна употребить, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако же ничто из всего этого не заставило меня вступить во второй брак, и ввести другого супруга в дом отца твоего; но среди смятений и беспокойств я терпела и не убежала из жестокой печи вдовства; меня, во-первых, подкрепляла вышняя помощь, а затем немалое утешение в этих горестях мне доставляло то, что я постоянно взирала на твое лицо и видела в нем живой и вернейший образ умершего. Поэтому, быв еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты приносил мне много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, как потерпели, я знаю, многие несчастные сироты. Я сохранила в целости все это имущество и вместе не жалела издержек, требовавшихся для наилучшего твоего воспитания, употребляя на это собственные деньги, с которыми я вышла из отеческого дома. Не подумай, что я говорю теперь это в укоризну тебе; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся не воспламеняй снова; подожди моей кончины. Может быть, спустя немного времени, я умру. Молодые надеются достигнуть глубокой старости, а мы состарившиеся ничего другого не ожидаем, кроме смерти. Когда предашь меня земле и присоедилишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия и переплывай моря, какие хочешь; тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожительство со мною; не прогневай Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла. Если ты можешь обвинять меня в том, что я вовлекаю тебя в житейские заботы и заставляю пекшися о твоих делах, то беги от меня как от недоброжелателей и врагов, не стыдясь ни законов природы, ни воспитания, ни привычки, и ничего другого; если же я делаю все, чтобы доставить тебе полное спокойствие в течение жизни, то, если не что другое, по крайней мере эти узы пусть удержат тебя при мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не доставит тебе такого спокойствия; потому что нет никого, кто бы заботился о твоём благополучии столько, сколько – я».

6. Это и еще больше этого говорила мне мать, а я передал благородному другу; но он не только не убедился этими словами, а еще с большим усилием убеждал меня исполнить

прежнее намерение. Когда мы были в таком состоянии, и часто он упрашивал, а я не соглашался, вдруг возникшая молва возмутила обоих нас; пронесся слух, будто намереваются возвести нас в сан епископства. Как скоро я услышал эту весть, страх и недоумение объяли меня: страх того, чтобы не взяли меня против моей воли; недоумение потому, что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположение обо мне, и углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести. А благородный (друг мой), пришедши ко мне и наедине сообщив эту весть мне, как бы не слышавшему ее, просил меня и в настоящем случае, как и прежде, действовать и мыслить одинаково, уверяя, что он с своей стороны готов следовать за мною, какой бы я ни избрал путь, убежать ли, или быть избранным. Тогда я, увидев готовность его и думая, что я нанесу вред всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши прекрасного и способного к предстоятельству над народом, не открыл ему своего мнения об этом, хотя прежде никогда не скрывал от него ни одной моей мысли; но сказав, что совещание об этом должно отложить до другого времени, так как теперь нет необходимости спешить, скоро убедил его не заботиться об этом и твердо надеяться на меня, как единогодушного с ним, если действительно случится с нами что-нибудь такое. По прошествии некоторого времени, когда прибыл тот, кто имел рукоположить нас, а я между тем скрылся, друг мой, не знавший ничего этого, отводится под некоторым другим предлогом и принимает это иго, надеясь по моим ему обещаниям, что и я непременно последую за ним, или лучше, думая, что он следует за мною. Некоторые из присутствовавших там, видя его сетующим на то, что взяли его, усилили недоумение, взывая: «несправедливо будет, когда тот, кого все считали человеком более смелым, – разумея меня, – с великим смирением покорился суду отцов, этот более благоразумный и скромный станет противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противоречить». Он послушался этих слов; когда же услышал, что я убежал, то пришел ко мне с великою скорбью, сел возле меня и хотел что-то сказать, но от душевного волнения не могши выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался; потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст. Видя его в слезах и в сильном смущении, и зная тому причину, я выражал смехом свое великое удовольствие и, взяв его руку, спешил облобызать его, и славил Бога, что моя хитрость достигла конца благого и такого, какого я всегда желал. Он же, видя мое удовольствие и восхищение и узнав, что еще прежде с моей стороны была употреблена с ним эта хитрость, еще более смущался и горевал.

7. Когда волнение души его немного утихло, он сказал: если уже ты презрел меня, и не обращаешь на меня никакого внимания, – не знаю, впрочем, за что, – по крайней мере тебе надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открыл всем уста; все говорят, что ты из тщеславия отказался от этого служения, и нет никого, кто бы защитил тебя от такого обвинения. А мне нельзя даже выйти на площадь: столь многие подходят ко мне и укоряют каждый день. Знакомые, увидев меня где-нибудь в городе, отводят в сторону и большею частью осыпают меня укоризнами. «Ты, говорят они, зная его мысли, – ибо он не таил от тебя ничего, что до него касалось, – не должен бы скрывать их, а сообщил бы нам, и конечно мы приняли бы меры к его уловлению». Но я краснею и стыжусь сказать им, что мне неизвестно было твое давнее намерение, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемерною. Если это так, – как и на самом деле так, от чего и ты не отречешься после настоящего твоего поступка со мною, – то от посторонних людей сколько-нибудь знающих нас, нужно скрыть наше недоброе отношение. Сказать им правду, как было дело между нами, я не решаюсь; поэтому принужден молчать, потуплять глаза свои в землю, уклоняться и избегать встречных. Если даже я избегну первого нареkania (в неискренности дружбы), то непременно будут укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся поверить мне в том, чтобы ты и Василия сравнил с другими, которым не следует знать твои тайны. Впрочем я и не забочусь много об этом: так тебе было угодно; но как перенесем позор других обвинений? Одни приписывают тебе гордость, другие – честолюбие; а те из обвинителей, которые еще

безжалостнее, осуждают нас за то и другое вместе и прибавляют, что мы оскорбили самих избирателей, о которых говорят: «справедливо они потерпели это, хотя бы и большему подверглись бесчестию от нас, за то, что оставив столь многих и столь почтенных мужей, избрали юношей, которые, так сказать, вчера еще были погружены в житейские заботы и на короткое время приняли степенный вид, надели серое платье и притворились смиренными, и вдруг возвели их в такое достоинство, о котором они и во сне не мечтали. Те, которые от самого первого возраста до глубокой старости продолжают свое подвижничество, остаются в числе подчиненных; а ими управляют их дети, даже не слышавшие о тех законах, которыми должно руководствоваться в управлении». С такими и еще большими укоризнами они постоянно пристают ко мне, а я не знаю, чем мне защищаться против этого; прошу тебя, скажи мне. Думаю, что ты не просто и не без причины обратился в бегство и открыто объявил вражду столь великим мужам, но конечно решился на это с какою-нибудь обдуманною и определенною целью, из этого я заключаю, что у тебя готова речь и для оправдания. Скажи же, какую справедливую причину мы можем представить нашим обвинителям. А что ты несправедливо поступил со мною, за это я не виню тебя, ни за твой обман, ни за твою измену, ни за то расположение, которым ты пользовался от меня во все прежнее время. Я душу свою, так сказать, принес и отдал в твои руки, а ты так хитро поступил со мною, как будто тебе надлежало остерегаться каких-нибудь неприятностей. Если ты признавал полезным это намерение (избрания в епископа), то тебе не следовало лишать себя пользы от него; а если вредным, то следовало предохранить от вреда и меня, которого, по твоим словам, ты всегда предпочитал всем. А ты сделал все, чтобы я попался, и не опустил никакого коварства и лицемерия против того, кто привык говорить и поступать с тобою просто и без коварства. Впрочем я, как уже сказал, нисколько не виню тебя за это, и не укоряю за одиночество, в котором ты меня оставил, прервав те совещания, от которых мы часто получали и удовольствие и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переношу молчаливо и кротко, не потому впрочем, чтобы поступок твой со мной был кроток, но потому, что с того самого дня, когда вступил в дружбу с тобою, я поставил себе правилом – никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться в том, чем ты захотел бы огорчить меня. Что ты нанес мне не малый вред, это знаешь и сам ты, если помнишь, что всегда говорили посторонние о нас и мы сами о себе, именно, что весьма полезно для нас быть единомышленными и ограждать себя взаимною любовью. Прочие все даже говорили, что наше единомыслие принесет немалую пользу и многим другим, хотя я с своей стороны никогда не думал, чтобы мог доставить пользу другим, но говорил, что от этого по крайней мере мы получим ту немалую пользу, что будем неприступными для желающих нападать на нас. Об этом я никогда не переставал напоминать тебе. Теперь трудное время; зложелателей много; искренняя любовь исчезла; место ее заступила пагубная ненависть; мы ходим *посреди сетей и по зубцам городских стен проходим* (Сирах. 9:18); людей, готовых радоваться постигающим нас несчастиям, много; они отовсюду окружают нас; а соболезнующих – нет никого, или очень мало. Смотри, чтобы нам, разлучившись, когда-нибудь не навлечь на себя великого осмеяния и еще большего вреда. *Озlobившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка* (Прит. 18:20). Не разрывай же этого единения, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорил тебе это и больше того, ничего не подозревая и считая тебя совершенно здравым в отношении ко мне, и только от избытка чувств желая предложить врачевание здравствующему; но я не знал, как оказывается, что давал лекарство больному; и таким образом я несчастный ничего не достиг, и не произошло для меня никакой пользы от такой заботливости. Ты вдруг отверг все это и не подумал, что пустил меня, как ненагруженный корабль, в беспредельное море, и не представил себе тех свирепых волн, с которыми должно мне бороться. Если случится, что откуда-нибудь нападет на меня клевета или осмеяние или другая какая обида и неприязнь (а это нередко должно случаться), то к кому я тогда прибегну? Кому сообщу свое уныние? Кто захочет помочь мне, отразить оскорбителей и заставить их не оскорблять более, а меня утешит и подкрепит переносить непристойности других? Нет никого, так как ты стал далеко от этой жестокой борьбы и не

можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сделал ты зло? Признаешь ли, по крайней мере после поражения, какой смертельный удар ты нанес мне? Но оставим это; сделанного же невозможно исправить, и из безвыходного положения – найти выход. Но что мы скажем посторонним? Чем будем защищаться против их обвинений?

8. *Златоуст*. Будь спокоен, – отвечал я, – не только в этом я готов дать отчет, но и в том, в чем ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, с этого прежде всего начну свою защиту. Я был бы весьма безрассуден и не благодарен, если бы, заботясь о мнении людей посторонних и принимая все меры к прекращению их укоров, не мог уверить в невинности моей того, кто для меня любезнее всех, и кто столько щадит меня, что не желает обвинять даже за то, в чем, по его словам, я виновен пред ним, и не заботясь о себе, еще продолжает пещись о мне, – если бы показал более невнимания в отношении к такому человеку, нежели сколько он показал заботливости о мне. Итак, чем я оскорбил тебя? Отсюда я намерен пуститься в море защиты. Тем ли, что употребил хитрость пред тобою и скрыл мое намерение? Но это служило к пользе и твоей, когда ты обманулся, и тех, которым посредством укрывательства я выдал тебя. Если укрывательство во всех отношениях есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готов принять наказание, какое тебе угодно, или лучше, так как ты никогда не согласишься наказать меня, я сам себя накажу так, как наказывают судии преступников, обличенных обвинителями. Если же оно не всегда бывает вредно, но делается худым или хорошим по намерению действующих, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будет доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающие быть признательными даже хвалили употребившего хитрость. Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большею частью были следствием хитрости, и такие более прославляются, чем те, которые побеждали открытою силою. Последние одерживают верх с великою тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют несколько не меньше побежденных и от истребления войска и от истощения казнохранилища; притом они не могут наслаждаться вполне и славою победы, ибо не малая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятелей не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь – относительно благоразумия не так, но трофей всецело принадлежит победителям и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их; а благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (1 Цар. гл. 19 и 20).

Василий сказал: все это не относится ко мне; я не враг и неприятель и не из числа желающих причинить обиду, но совершенно напротив; поверяя всегда твоему усмотрению все мои мысли, я поступал так, как ты приказывал.

9. *Златоуст*. Но, почтеннейший и добрейший, для того я и сказал предварительно что не только на войне и против врагов, но и во время мира и в отношении к любезнейшим полезно употреблять хитрость. Что действительно это бывает полезно не только употребляющим хитрость, но и тем, в отношении к которым она употребляется, для этого подойди к кому-нибудь из врачей и спроси, как они излечивают больных, и ты услышишь от них, что они не всегда довольствуются одним искусством своим, но иногда употребляют и хитрость и при ее помощи восстанавливают здоровье больных. Когда упрямство больных и жестокость самой болезни делают недействительными советы врачей; тогда, по необходимости, врачи прибегают к хитрости, чтобы, как на сцене, можно было скрыть истину. Если хочешь, я расскажу тебе одну хитрость из многих, которые, как я слышал, устраивают врачи. К одному человеку пристала вдруг сильная горячка и жар увеличивался; все средства, которые могли бы утушить огонь, больной отвергал, а желал и сильно настаивал, умоляя всех проходящих к нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствие, тот не только усилил бы горячку, но и привел бы несчастного в умопомешательство. Тогда, когда искусство было бессильно и не имело более средств, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, как тотчас услышишь от меня. Врач берет глиняной сосуд, лишь только вынутый из печи, погружает его в вино, и потом, вынув его пустым, наполняет его водою; комнату, в которой лежал больной, приказывает сделать темною посредством многих занавесок, дабы свет не изобличил хитрости, и дает больному пить из сосуда, как бы наполненного вином. Тот, прежде нежели взял сосуд в руки, вдруг обольщенный запахом вина, не хотел и разбирать того, что было дано ему; но, уверяемый обонянием, обманываемый темнотою и побуждаемый сильным желанием, выпил данное ему с великою охотою; и, насытившись, тотчас получил облегчение от жара и избег угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять все хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующие тела, но и пекущиеся об исцелении душевных болезней, часто пользуются таким врачевством. Так блаженный (Павел) привел ко Христу многие тысячи иудеев (Деян. 21:20-26). С этим намерением он обрезал Тимофея, тогда как к Галатам писал, что *если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа* (Деян. 16:3; Гал. 5:2). Для того он был под законом, хотя считал *тщетою* оправдание от закона при вере во Христа (Флп. 3:7-9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не с злонамеренною целью; или лучше сказать, ее должно называть не хитростью, но некоторою предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующим находить много выходов в безвыходных положениях и исправлять душевные недостатки. Так я не назову Финееса убийцею, хотя он одним ударом пронзил двух человек (Числ. 25:8); также и Илию – за сто (убитых) воинов с их военачальниками, и за обильный поток крови, пролитой им при убиении жрецов демонских (4 Цар. 1; 3 Цар. 18). Если же мы опустим это из виду, и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинить в злодеянии и коварстве; потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт. 27. Исх. 12:35,36). Но нет, нет; не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их за это; потому что сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так с здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения.

Слово второе

1. Что позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторую похвальною предусмотрительностью, об этом можно было бы говорить еще больше; но так как для доказательства достаточно сказанного, то было бы обременительно и скучно без нужды распространять речь об этом. Остается тебе самому подтвердить: действительно ли послужил к твоей пользе совершенный мною поступок?

Василий сказал: какая же произошла для меня польза из этой предусмотрительности, или благоразумия, или как иначе угодно тебе назвать это, по которой я убедился бы, что я не обманут тобою?

Иоанн. А может ли что быть, сказал я, важнее той пользы, как оказаться исполняющим то, что служит доказательством любви ко Христу, по словам самого Христа? Обращаясь к верховному из апостолов Он говорит: *Петр, любишь ли Меня?*, и когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет: если любишь Меня, *паси овец Моих* (Ин. 21:15.16). Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им, не для того, чтобы Самому узнать это (ибо может ли не знать Испытующий сердца всех?), но чтобы научить нас, как Он печется о пасении этого стада. Если же это очевидно, то будет также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тот труд, который дорого ценится Христом. Если и мы, видя людей, пекущихся о наших слугах или стадах, принимаем такое попечение их за знак их любви к нам, хотя все это приобретается за деньги, то Стяжавший себе это стадо не деньгами и не другим чем, но собственною смертью, и вместо цены давший за него кровь Свою, каким даром вознаградит пасущих его? Посему, когда ученик отвечал: *Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя*, и призвал самого Любимого в свидетели своей любви, то Спаситель не остановился на этом, но указал и самый знак любви. Ибо Он хотел показать тогда не то, сколько Петр любил Его, – это уже из многого было известно нам, – но сколько Он сам любит Церковь свою, и благоволил научить и Петра и всех нас, чтобы и мы прилагали великое о ней попечение. Для чего Бог не пощадил и Единородного Сына своего, но предал Его (Рим. 8:32; Ин. 16)? Для того, чтобы примирить с Собою людей, находившихся с Ним во вражде, и сделать их *народом избранным* (Тит. 2:14). Для чего (Сын Божий) пролил кровь свою? Для того, чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам. Не без причины Христос говорил: *кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими* (Мф. 24:45)? Опять слова имеют вид недоумения, но Произносивший их не имел недоумения; как спрашивая Петра, любим ли Он им, Он спрашивал не потому, чтобы имел нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмерность Своей любви; так и здесь слова: *кто верный раб и мудрый*, Он сказал не потому, что не знал верного и мудрого раба, но желая показать, как редки такие рабы и как важно это управление. Смотри, какова и награда: *над всем имением своим поставит его* (ст. 47).

2. Еще ли будешь подозревать меня в том, будто употреблена недобрая хитрость с тобою, имеющим блюсти все достояние Божие и совершать то, за исполнение чего, как сказал Христос, Петр мог превзойти прочих апостолов? Петр, говорит Христос, *любишь ли Меня больше, чем они? Паси овец Моих*. Он мог бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй непрестанно, защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери их вместо мужа; но теперь, оставив все это, что говорит Он? *Паси овец Моих*. То, что выше я сказал, легко могли бы исполнить многие и из пасомых, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоятельством в Церкви и взять на себя попечение о столь многих душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниваться от этого великого дела, а выступить те, которые много превосходят всех и столько превышают

прочих душевною добродетелью, сколько Саул (превосходил) весь народ еврейский высотой тела (1 Цар. 10:23), или еще гораздо более; ибо здесь не мера только телесной величины должна приниматься во внимание, но сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем, и пасомыми, даже можно сказать и более, так как находится в опасности гораздо важнейшее. Кто погубит овец, которых или волки расхитят, или разбойники разграбят, зараза или другой какой несчастный случай истребит, тот, может быть, получит себе некоторую пощаду от господина стада; если же и потребуется от него отчет, то ущерб будет только в деньгах; но кому вверены люди, это разумное стадо Христово, тот во-первых погибелью таких овец наносит ущерб не имуществу, а душе своей; а затем и подвиг предстоит ему гораздо важнейший и труднейший. Он борется не с волками, страшится не разбойников и заботится не о том, чтобы отвратить заразу от стада, но с кем у него война и с кем борьба? Послушай блаженного Павла, который говорит: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6:12). Видишь ли страшное множество врагов и свирепые полчища, вооруженные не железом, но имеющие достаточную силу в самом существе своем вместо всякого оружия? Хочешь ли видеть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападает на это стадо? Можешь увидеть и его с той же самой высоты (св. Писания). Тот же, кто сказал нам о первых, указывает нам и этих врагов в следующих словах: *дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство* (Гал. 5:19,20; 2 Кор. 12:20), и другие многочисленнейшие; ибо не все он исчислил, но предоставил по этому заключать и о прочем. Притом у пастыря бессловесных намеревающиеся разграбить стадо, когда увидят, что страж обратился в бегство, оставляют борьбу с ним и довольствуются расхищением стада; а здесь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстают от пастыря, но сильнее наступают и более свирепствуют, и не прежде прекращают борьбу, пока или его одолеют, или сами будут побеждены. Кроме того, болезни у овец бывают явны, голод ли то, зараза ли, рана или что другое, причиняющее вред; а это не мало способствует к излечению болезни. Есть нечто и другое важнейшее, что ускоряет здесь исцеление от болезни. Что же именно? Пасущие овец могут с полною властью заставить их принять врачевство, если они добровольно не хотят этого; когда нужно прижечь и отсечь, то легко могут и связать их и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вместо другой, и удерживать от питья, и все прочее, что только найдут полезным для здоровья животных, они могут употребить с великим удобством.

3. Но болезни человеческие, во-первых, не легко видеть человеку; *ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем* (1 Кор. 2:11). Как же можно употребить лекарство против болезни, не зная его свойства, а часто не зная и того, болен ли кто, или нет? Если же болезнь открыта, тогда врачу еще более предстоит трудности; потому что он не может с такою же властью лечить всех людей, с какою пастух овцу. И здесь бывает нужно связывать и удерживать от пищи, прижигать и отсекают; но чтобы принято было врачевание, в этом властен не тот, кто предлагает врачевство, а кто страдает болезнью. Зная это, и тот дивный муж (Павел) говорил Коринфянам: *не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей* (2 Кор. 1:24). Христианам преимущественно пред всеми запрещается – насилием исправлять впадающих во грехи. Внешние (языческие) судьи, подвергая преступников суду по законам, показывают большую власть над ними, и против воли удерживают их от их навыков; а здесь должно исправлять грешника не насилием, а убеждением. И законами нам не дана такая власть к удержанию грешников; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этою силою, так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Посему требуется много искусства для того,

чтобы страждущие убедились добровольно подвергнуться врачеванию от священников, и даже чтобы благодарили их за врачевание. Если связанный освободит себя от уз (ибо он властен на это), то увеличит свое бедствие; и если презрит слова, рассекающие подобно железу, то этим пренебрежением прибавит себе новую рану, и средство врачевания сделается причиною тягчайшей болезни; ибо с принуждением и против желания больного никто не может лечить его.

4. Что же делать? Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильном врачевании, и не глубоко разрезать рану тому, кто имеет нужду в этом, то рану частью уврачуешь, а частью нет; если же без пощады произведешь надлежащее рассечение, то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг отвергнуть все, и лекарство и перевязку, и устремиться в пропасть, сбросив иго и разорвав узы. Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но соображаясь с расположением грешников, чтобы, зашивая разрыв, не сделать большей прорехи, и стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немощные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало помалу, могут хотя и не совершенно, то по крайней мере отчасти освободиться от обладающих ими пороков; а если кто вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хотя раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность, и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, который порицая пророк говорил: *но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд* (Иер. 3:3). Посему пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше. Итак, долг священника – ничего такого не оставлять без испытания, но, по строгом исследовании всего, употреблять соответственные меры с своей стороны, чтобы усердие его не осталось тщетным. И не в этом только можно видеть трудность его деятельности, но и в присоединении к церкви отделившихся от нее членов. Стадо идет в след своего пастыря, куда он поведет его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись от хорошей пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее, чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совратится с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силою влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему нужна душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить и говорить: *не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола* (2 Тим. 2:25,26). Посему и Господь, беседуя с учениками, сказал: *кто же верный и благоразумный раб* (Мф. 24:45)? Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся, или каким-либо другим образом помогающий притесняемым, приносит некоторую пользу ближним, но на столько меньше священника, на сколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему самому.

Василий. А ты разве не любишь Христа?

Златоуст. Люблю, и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимого мною.

Василий сказал: может ли что быть темнее этой загадки? Христос повелел любящему Его пасти овец Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелевшего это.

Златоуст. Никакой нет загадки в словах моих, – сказал я, – напротив они весьма ясны и просты. Если бы я, имея возможность исполнять эту должность так, как хотел Христос, уклонялся от нее, то следовало бы недоумевать при словах моих; но если душевная немощь делает меня бесполезным для этого служения, то требуют ли пояснения слова мои? Я боюсь, чтобы, приняв стадо Христово здоровым и крепким и потом по невнимательности причинив ему вред, мне не прогневать против себя Бога, Который так возлюбил его, что для искупления и спасения его предал Самого Себя.

Василий сказал: это говоришь ты в шутку; а если не в шутку, то я не знаю, чем другим ты лучше мог бы доказать, что я справедливо скорблю, как не этими словами, которыми ты старался рассеять мое уныние. Я и прежде сознавал, что ты хитрил и выдавал меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться от обвинений, я еще более уверился в том и ясно вижу, до каких бед ты довел меня. Если ты устранил себя от этого служения по сознанию, что душа твоя не достаточно сильна для тяжести этого дела, то наперед нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился к тому, тем более, что я сообщил тебе все мои намерения касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себе, забыл меня, – и о, если бы только забыл, и это было бы вожделенно; – но ты нарочито устроил, чтобы искавшие удобнее могли взять меня. Ты не можешь прибегнуть и к тому оправданию, будто людское мнение увлекло тебя и расположило подозревать во мне нечто великое и дивное. Я не принадлежу к людям, приобретшим удивление и славу, а если бы это и было так, и тогда не следовало бы людскую молву предпочитать истине. Если бы мы с тобою никогда не жили в близком общении друг с другом, то ты имел бы некоторую благовидную причину судить о мне по людской молве; если же никто так не знал меня, как ты, и душа моя была известна тебе более, нежели самим родителям и воспитателям моим, то какие убедительные слова могут уверить кого-нибудь в том, что ты не с намерением ввергнул меня в такую опасность? Но оставим теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться в этом; скажи, что мы будем отвечать обвинителям?

Златоуст. Я не приступлю к этому до тех пор, – сказал я, – пока не оправдаюсь пред тобою, хотя бы ты сам тысячекратно извинял меня. Ты сказал, что если бы я, не зная тебя, довел тебя до настоящего положения, то неведение доставило бы мне оправдание, освободив меня от всякого обвинения; а так как я предал тебя не по неведению, но совершенно зная тебя, поэтому нет у меня никакой благовидной и справедливой причины к моему оправданию. Но я говорю совсем противное; потому что в этих делах требуется строгое испытание, и тот, кто намерен представить способного к священству, не должен довольствоваться только людскою молвою, но вместе с тем более всех и прежде всех сам должен удостовериться в его способностях. Блаженный Павел, сказав: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних* (1 Тим. 3:7), этим не отвергает нужды в строгом и верном испытании и не поставяет этого свидетельства главнейшим признаком достоинства таких лиц. Предварительно сказав о многом, он после присовокупил и это, показывая тем, что в избрании не должно довольствоваться этим одним признаком, но вместе с другими принимать во внимание и этот. Молва людская часто бывает обманчива; а после предварительного строгого испытания нельзя от нее опасаться никакой опасности. Посему, после прочего он упоминает и о свидетельстве *от внешних*. Он не просто сказал: *надлежит ему также иметь доброе свидетельство*, но прибавил: *и от внешних*, желая изъяснить, что свидетельству внешних должно предшествовать строгое испытание. А так как я сам знал тебя лучше родителей твоих, как ты засвидетельствовал, то, по справедливости, я могу быть свободным от всякой вины.

Василий сказал: по этой самой причине ты и не мог бы оправдаться, если бы кто захотел обвинять тебя. Или не помнишь того, о чем и я многократно говорил тебе и что ты видел на самом деле, как немощна душа моя? Не потому ли ты постоянно смеялся над моим малодушием, что при малейших заботах я скоро падал духом?

5. *Златоуст*. Помню, – сказал я, – что часто слышал от тебя такие слова, и не отрекусь. Если же я когда-нибудь смеялся, то делал это в шутку, а не по правде. Впрочем, теперь я не буду спорить об этом; не прошу и тебя быть искренним предо мною, когда я стану припоминать о некоторых из присущих тебе добродетелей. Если ты вздумаешь обличать меня в неправде, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь более по скромности, чем по справедливости, и приведу во свидетельство истины слов моих не что другое, а твои же слова и дела. Во-первых, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая о всех чудесах, которые имели быть совершены апостолами, сказал: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35); а Павел говорит, что любовь есть *исполнение закона* (Рим. 13:10), и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (1 Кор. 13:1,2). Это-то превосходное сокровище, отличительное свойство учеников Христовых, превышающее дарования, я видел крепко насажденным в душе твоей и приносящим обильные плоды.

Василий сказал: сознаюсь, что я много забочусь об этом и очень стараюсь соблюдать эту заповедь; но что еще и в половину не исполнил ее, это и сам ты засвидетельствуешь, если, оставив лесть, захочешь говорить истину.

Златоуст. Итак я обращаюсь к доказательствам, – сказал я, – и чем угрожал, то теперь и сделаю, именно докажу, что ты хочешь быть более скромным, чем справедливым. Расскажу одно событие, недавно случившееся, не упоминая о прежнем, дабы кто не подумал, что я стараюсь давностью времени затемнить истину; здесь самая близость времени не позволит мне прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

6. Когда один из наших друзей, оклеветанный в проступках дерзости и гордости, подвергся крайней опасности, и тогда, как никто не призывал тебя и сам обвиняемый не просил, ты сам себя ввергнул в опасности. Так было дело; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобою. Когда такую ревность твою одни порицали, другие хвалили и превозносили, ты сказал порицателям: «что делать? – иначе не умею любить, как жертвуя душою моею, когда нужно спасти кого-либо из друзей, находящегося в опасности», повторив, хотя другими словами, но в том же смысле, слова Христовы, которые Он сказал ученикам, определяя совершенную любовь: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15:13). Таким образом, если нет высшей степени любви, ты успел дойти до конца: и делами и словами своими достиг самой вершины ее. Посему я и предал тебя, посему и придумал такую хитрость. Теперь убедил ли я тебя, что не из зложелательства и не с намерением ввергнуть в опасность, но предвидя пользу, я привлек тебя на это поприще?

Василий сказал: итак ты думаешь, что для исправления ближних достаточно силы любви?

Златоуст. Большею частью, – сказал я, – она весьма может содействовать этой цели; если же ты желаешь, чтобы я привел доказательства и твоего благоразумия, то приступлю и к этому, и докажу, что ты благоразумен более, нежели сколько любвеобилен.

Василий, при этом покраснев от стыда, сказал: касающееся меня оставим теперь; я и вначале не требовал от тебя речи об этом; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для *внешних*, то я с удовольствием буду слушать. Посему, оставив этот пустой спор, скажи, чем мы оправдаемся пред прочими, как удостоившими тебя чести, так и пред теми, которые с сожалением смотрят на них, как бы на оскорбленных?

7. *Златоуст*. Я и сам, – сказал я, – спешу перейти к этому. Так как с тобою я кончил речь, то обращаюсь и к этой части защиты. Какое же их обвинение, и какая вина? Говорят, будто избиратели оскорблены и унижены тем, что я не принял чести, которою они хотели почтить меня. Но во-первых скажу, что не должно думать об оскорблении, наносимом людям, когда уважением к ним мы поставляемся в необходимость оскорбить Бога. И для самих огорченных оскорбляться этим, я полагаю, не только не безопасно, но и весьма вредно. Людям, посвятившим себя Богу и взирающим на Него одного, по моему мнению, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорблением, хотя бы им тысячу раз пришлось испытать это огорчение. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мне и на мысль, это видно из следующего. Если бы я дошел до этого по гордости и честолюбию, – как некоторые клеветают, о чем ты неоднократно говорил, – и тем подтвердил бы мнение обвинителей, то я был бы весьма несправедлив, презрев людей достоуважаемых и великих и притом благодетелей моих. Если оскорбление, нанесенное тем, которые не сделали никакой несправедливости, достойно наказания, то люди, добровольно желавшие оказать почесть, какого не заслуживают почтения? Никто не может сказать и того, будто они, получив от меня малое или великое добро, сделали воздаяние за эти благодеяния. Какого же заслуживало бы наказания воздаяние противным тому? Если же это никогда и на ум мне не приходило, но с другим намерением я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою? Я так мало был расположен оскорблять этих мужей, что и самым отказом, думаю, почтил их. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню их.

8. Если бы я был рукоположен, тогда, если не все, то считающие за удовольствие разносить худую молву могли бы подозревать и говорить многое и о мне и об избравших меня; например: что избиратели смотрят на богатство, что предпочитают знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть и даже не знаю, не стал ли бы кто-нибудь подозревать, что они подкуплены от меня деньгами; сказали бы, что Христос призывал на эту должность рыбаков, делателей шатров и мытарей; а они отвергают людей, питающихся от дневной работы, а того, кто занимается мирскими науками и проводит праздную жизнь, принимают и превозносят; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся в делах церкви, а того, кто никогда и не прикасался к этим трудам, но всю жизнь свою истратил на суетное занятие мирскими науками, вдруг возвели на такую почесть? Так и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принял эту должность. Но теперь нет; всякий предлог к злословию отнят; ни меня в ласкательстве, ни избирателей в издоимстве не могут обвинять, разве кто захотел бы просто безумствовать. Как может употребляющий лесть и истрачивающий деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другим, когда следовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись над землею, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены вином, после многих трудов и больших издержек, когда нужно пожинать плоды и собирать виноград, предоставил другим воспользоваться этим плодородием. Видишь ли, что хотя бы такие слова были и далеки от истины, однако желающие имели бы предлог клеветать на избирателей и говорить, что они сделали избрание не по здравому рассуждению? А теперь мы не позволим им и слова сказать, и даже просто уст открыть. Это, и еще больше того было бы говорено вначале. А после, по вступлении в самое служение, у меня не достало бы сил каждый день оправдываться пред обвинителями, хотя бы все поступки мои были безукоризненны, разве пришлось бы в чем-нибудь погрешить по неопытности и по

незрелому возрасту. Теперь я избавил избирателей и от этого обвинения, а тогда подверг бы их бесчисленным укоризнам. Чего не сказали бы? Неосмысленным детям они поручили столь досточтимые и великие дела, погубили стадо Божие, забавою и посмешищем сделали христианство. Но теперь *всякое нечестие заграждает уста свои* (Пс. 106:42). Хотя тоже могут сказать и о тебе, но ты делами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразумии по возрасту, и отличать старца по седине, и не всякого юного отстранять от этого служения, но юного по вере (новокрещенного); между тем и другим – большая разность.

Слово третье

1. Что я уклонился от чести (епископства) не для оскорбления желавших почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть их стыду, в доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступил так не по внушению гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебе по силам моим. Если бы мне предстояло избрание в начальника войска или страны, и если бы я отнесся к этому с таким же расположением, то иной справедливо мог бы подозревать во мне гордость, или никто не стал бы винить меня и в гордости, а все назвали бы безрассудным; но когда предстояло священство, которое столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходит плоти, тогда кто осмелится обвинять меня в гордости? И не странно ли – отказывающихся от маловажного обвинять в неразумии, а уклоняющихся от превосходнейшего освобождать от обвинения в неразумии, но обвинять в надменности? Это подобно тому, как если бы кто пренебрежительно относящегося к стаду волов и не желающего быть пастухом стал обвинять не в надменности, но в безрассудстве, а того, кто отказывается от владычества над всею вселенною и от начальствования над всемирным войском, назвал бы не безумным, а гордым. Нет, нет, не меня, а скорее самих себя обвиняют говорящие это. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее. Если бы они не считали его маловажным и обыкновенным, то им не пришлось бы и на ум такое подозрение. Почему никто никогда не осмелился подумать что-нибудь подобное о достоинстве ангелов, и сказать, что есть такая душа человеческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельского естества? Это потому, что мы имеем высокое понятие о силах небесных, и оно не позволяет нам верить, чтобы человек мог представить себе что-нибудь выше этого достоинства. Таким образом справедливее было бы обвинять в гордости самих тех, которые меня обвиняют в этом. Они никогда не стали бы подозревать в этом других, если бы наперед сами не признали этого предмета ничтожным. Если же они говорят, что я поступил так из честолюбия, то они окажутся противоречащими и явно сражающимися с самими собою; ибо, я не знаю, какие другие кроме этих они придумали бы речи, если бы освободили меня от обвинений в тщеславии.

2. Если бы во мне было это тщеславие, то мне нужно бы скорее принять (избрание), чем бежать. Почему? Потому что оно принесло бы мне великую славу. Находящемуся в таком возрасте и недавно отставшему от житейских забот, вдруг оказаться для всех столь дивным, что быть предпочтенным пред людьми, проведшими всю жизнь в таких трудах, и получить избирательных голосов больше всех их – это внушило бы всем удивительные и великие мысли о мне и сделало бы меня почтенным и знаменитым. А теперь, кроме немногих, большая часть церкви не знает меня и по имени; даже не всем будет известно, что я отказался (от призвания), а только некоторым немногим, из которых, я думаю, не все знают об этом точным образом, а вероятно многие и из них думают, что я или вовсе не был избран, или по избрании был отвергнут, как оказавшийся неспособным, а не сам убежал добровольно.

3. *Василий*. Но знающие истину будут удивляться.

Златоуст. А ты же сказал, что они обвиняют меня в тщеславии и надменности. От кого же ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них превратно понято мое дело. Для того ты теперь и пришел сюда, чтобы узнать, чем можно оправдаться пред ними. Но для чего об этом теперь распространять речь? Хотя бы все знали истину, и тогда не следовало бы обвинять меня в гордости или честолюбии; потерпи немного, и ты ясно увидишь это. При этом еще узнаешь и то, что немалая угрожает опасность не только тем, которые с таким дерзновением осмеливаются (принимать священство), если только есть такие люди, – чему я не верю, – но и тем, которые подозревают в этом других.

4. Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Посему священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности (богослужения) и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, золотая дщица, Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх. гл. 38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны (в сравнении с последними), и здесь признает истинным сказанное о законе: *ибо если служение осуждения славно, то тем паче изобилует славою служение оправдания* (2 Кор. 3:10). Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этою драгоценною кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлую душою и чистым умом не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человеколюбие Божие! Сидящий горе с Отцом в этот час объемеряется руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры. Ужели все это тебе кажется достойным презрения, или таким, над чем кто-нибудь мог бы выказать свое высокомерие? Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь пред очами своими Илию, и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и за тем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (3 Цар. 18:30-38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила чрез нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно иступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее таинство? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

5. Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распорядиться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: *что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф. 18:18).

Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? *Им же* говорит (Господь), *кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20:23). Какая власть может быть больше этой? Отец *весь суд отдал Сыну* (Ин. 5:22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит; а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, сколько небо превосходит землю и души тел, некоторые думают, что он получает мало важную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в царствие небесное, *кто не родится от воды и от Духа* (Ин. 3:5), и не ядущий *плоти* Господа и не пьющий *крови Его* лишается вечной жизни (6:53), а все это совершается ни кем иным, как только этими священными руками, т. е. руками священника, то как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геенского огня, или получить уготованные венцы.

6. Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением; чрез них мы одеваемся во Христа, и погребаемся вместе с Сыном Божиим и соделаваемся членами этой блаженной Главы. Посему справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих; эти родили нас *от крови и от похоти людской* (Ин. 1:13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного *от века*, истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (Лев. гл. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, – не проказу телесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников, и достойны большего наказания; потому что эти домогались не принадлежащей им власти (Числ. гл. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его – значит отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести, и презирать такие блага; последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собою презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказаний, но и для благодеяний; те и другие столько различаются между собою, сколько жизнь настоящая от будущей. Одни рожают для настоящей жизни, другие для будущей; те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале, не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас (крещением), но имеют власть разрешать и от последующих грехов: *болел ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5:14-15). Кроме того плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и не с царями, но с самим Богом, разгневанным

ими. Кто после этого осмелится обвинять меня в гордости? Напротив я думаю, что сказанное мною возбудит в душах слушателей такое благоговение, что они будут обвинять в гордости и дерзости не убегающих, но тех, которые сами приходят и стараются приобрести себе это достоинство. Если начальники городов, когда они не очень благоразумны и деятельны, подвергая города разорению, губят и себя самих, то обязавшейся украшать Невесту Христову, сколько, думаешь ты, должен иметь силы и собственной и свыше ниспосылаемой, чтобы не погрешить?

7. Никто не любил Христа более Павла, никто более его не показал ревности, никто не был удостоен большей благодати; но и при таких преимуществах он еще боится и трепещет как за свою власть, так и за подвластных ему. *Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе* (2 Кор. 11:3; 1 Кор. 2:3), говорит человек, восхищенный до третьего неба, соделавшийся причастником тайн Божиих, претерпевший столько смертей, сколько по уверовании жил дней, и не желавший пользоваться данною ему от Христа властью, чтобы кто из верующих не соблазнился (1 Кор. гл. 10). Если он, исполнивший более того, что повелено Богом, и искавший во всем не своей пользы, но пользы подвластных ему, всегда был исполнен такого страха, взирая на величие этой власти, то что будем чувствовать мы, часто ищущие своей пользы, не только не исполняющие более того, что заповедано Христом, но большею частью преступающие Его заповеди? *Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11:29)? Таков должен быть священник, или лучше, не только таков; это мало и незначительно в сравнении с тем, что я намереваюсь сказать. Что же это? *Я желал бы сам, говорит он, быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти* (Рим. 9:3). Кто может произнести такие слова, чья душа возвысилась до такого желания, тот справедливо может быть осуждаем, когда убегает (священства), а кто так чужд этой добродетели, как я, тот заслуживает порицания не тогда, когда убегает, но когда принимает его. Если бы при избрании в достоинство военачальника имеющие власть дать это достоинство, представив медника, или кожевника, или кого-нибудь из подобных ремесленников, поручали ему войско, то я не похвалил бы того несчастного, который не убежал бы и не сделал всего, чтобы не ввергнуть себя в предстоящую гибель. Если бы достаточно было только называться пастырем и исполнять это дело, как случится, и от этого не было никакой опасности, то всякий желающий пусть обвиняет меня в тщеславии; если же принимающему на себя такую заботу должно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божию, правоту нравов, чистоту жизни, и добродетель более нежели человеческую, то не отказывай мне в прощении, что я не хотел погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручал мне кормило его, и приказывал переплыть Эгейское или Тирренское море, то я при первых словах его обратился бы в бегство; и если бы кто спросил, почему? – я отвечал бы: чтобы мне не потопить корабля. Если же тогда, когда ущерб состоит в деньгах, и опасность простирается до смерти телесной, никто не будет осуждать людей за предусмотрительность, то здесь, где потерпевшим кораблекрушение предстоит впасть не в это море, а в бездну огненную, и ожидает их смерть, не душу от тела отделяющая, но душу с телом отправляющая на вечное мучение, почему вы будете гневаться и негодовать, что я легкомысленно не вверг себя в такое бедствие?

8. Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения, и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море.

9. И во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы; многие могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет

меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? – Гнев, уныние, зависть, вражда, клеветы, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания, или лучше сказать, пред незначительными людьми – чрезмерные, а пред сильными – безмолвные. Столько и еще больше чудовищ вмещает в себе эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все чрез других, и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица: «кверху дном» сбывается здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но – те, которым не позволено и *учить* (1 Тим. 2:12). Что говорю *учить*? – которым блаженный Павел запретил и *говорить* в церкви (1 Кор. 14:34). Я слышал от одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они даже делают выговоры предстоятелям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господа с своими слугами.

10. Пусть никто не думает, что обвинения мои относятся ко всем; есть, много есть таких (священников), которые избегли этих сетей, и их гораздо более, чем уловленных. И самое священство я не виню в этих бедствиях; не желаю дойти до такого безумия. Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают употребляющих во зло дары Божии. Так само священство справедливо осудит нас, распорядившихся им неправильно. Не оно причиною изложенных мною зол, а мы сами черним его, сколько можем, без разбора вверяя его таким людям, которые, не узнав наперед собственных душ и не посмотрев на трудность этого дела, охотно принимают предлагаемое, а когда приступят к делу, тогда по неопытности сами пребывают во мраке и на вверенный им народ навлекают множество зол. Это самое едва не случилось и со мною, если бы Бог скоро не избавил меня от этих опасностей, охраняя свою церковь и щадя мою душу. Отчего, скажи мне, по твоему мнению, происходят такие смятения в церквях? Я думаю, ни от чего иного, как от того, что избрания и назначения предстоятелей совершаются без разбора и как случится. Глава должна быть крепкою, чтобы она могла располагать и приводить в надлежащее состояние вредные испарения, поднимающиеся из прочих частей тела; а когда она сама по себе слаба и не может отклонять болезненных влияний, то и сама делается еще слабее и вместе с собою губит все тело. Чтобы не случилось того же и теперь, Бог оставил меня в положении ног (церковного тела), в котором я и был с самого начала. Кроме сказанного много есть, Василий, иного другого, что нужно иметь священнику, и чего я не имею; и прежде всего у него душа должна быть совершенно чистою от стремления к этому делу; если он будет иметь пристрастное расположение к нему, то по получении его загорится сильнейшим пламенем, и если будет взят насильно, то для утверждения его за собою потерпит множество бед, когда нужно будет льстить, или допустить что-нибудь неблагородное и недостойное, или тратить много денег. Что некоторые, домогаясь этой власти, даже заполняли церкви убийствами и производили возмущения в городах, об этом я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумал, что говорю невероятное. По моему мнению, должно с таким благоговением относиться к этому делу, чтобы убегать от тяжести этой власти, а по получения ее не ожидать суждений от других,

когда случится совершить грех, заслуживающий низвержение, но ранее самому отречься от этой власти. Таким образом еще возможно будет получить помилование от Бога; удерживать же себя в этом достоинстве вопреки благопристойности – значит лишать себя всякого прощения и еще более воспламенить гнев Божий, прилагая к одному другое тягчайшее преступление.

11. Но никто не осмелится на это; потому что бедственно, поистине бедственно домогаться этой чести. Говорю это, не противореча блаженному Павлу, но совершенно согласно с его словами. Что же он говорит? *Кто епископства желает, доброго дела желает* (1 Тим. 3:1). И я назвал бедственным желание не самого дела, а первенства и власти. Это желание, по моему мнению, должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этою властью, тот не боится и лишиться ее; а не боясь этого может делать все со свойственною христианам свободою; напротив, опасующиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное с многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей и Бога. Не таково должно быть настроение души; но как на сражениях мы видим доблестных воинов и сражающимися усердно и падающими мужественно, так и вступающие в это служение должны и священствовать и принимать низвержение с этой власти так, как надлежит христианским мужам, знающим, что такое низвержение доставляет не меньший венец, как и самая власть. Кто подвергается ему, не сделав ничего непристойного и противного этому достоинству, тот уготовляет несправедливо низложившим его наказание, а себе большую награду: *Блаженны вы, говорит (Господь), когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5:11-12). Это бывает тогда, когда кто-нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или из угождения другим, или по вражде, или по какой-либо другой несправедливой причине; когда же случится кому потерпеть это от врагов, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую пользу они доставляют ему своею злобою. Итак, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлеющая искра такого желания. Счастливы те, которые с самого начала были чисты от этой страсти и могли избежать ее по достижении власти. Если же кто еще прежде достижения этой чести питает в себе этого страшного и лютого зверя, то нельзя и выразить, в какую печь ввергает он себя по достижении власти. У меня также (не подумай, что я из скромности хочу сказать тебе нечто ложное) есть это желание в сильной степени, но оно не менее всего другого и устрасило меня и обратило в бегство. Как страдающие плотскою любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удалятся как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждою погашают и желание.

12. Не маловажна и одна эта причина; если бы она была единственною, то сама по себе была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня от этого достоинства; но теперь к ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священник должен быть бодрствующим и осмотрительным, и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей (1 Тим. 3:2). А я небрежен и слаб, и едва могу пещись о собственном спасении, как ты и сам согласишься, хотя и стараешься, из любви ко мне, более всех скрывать мои слабости. Не говори мне здесь ни о посте, ни о ночном бодрствовании, ни о возлежании на земле, ни о других телесных изнурениях; ты знаешь, как я еще не совершен и в этом. Если бы даже я со всею строгостью исполнял это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мне никакой пользы в предстоятельстве. Это может быть весьма полезно человеку, заключившемуся в какой-нибудь келии, и заботящемуся только о своих делах; а кто разделяется на такое множество народа, и имеет особенные заботы о

каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу это может принести для их преспеяния, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?

13. Не удивляйся, если вместе с этою строгостью жизни я требую еще опытов душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых, и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманные и обдуманные, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. Таких особенно нужно удалять от обители священства. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним. Не соблюдающим первого Бог ничем не угрожает, а гневающимся напрасно – угрожает геенною и огнем геенским (Мф. 5:22). Как преданный тщеславию, получив власть над народом, доставляет больше пищи огню (этой страсти), так и тот, живя уединенно и обращаясь с немногими, не мог удерживать гнева, но легко воспалялся, когда получит в управление целый народ, подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему подвергает бесчисленным бедствиям.

14. Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великою силою. *Гнев губит и мудрых*, говорит Премудрый (Прит. 15:1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково и, хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе; ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие, и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душою, извращая все ее здоровое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться с своими силами, чтобы противостать ее стремлению.

Василий сказал: но я не потерплю более, чтобы ты притворялся; кто не знает, как ты далек от этого недуга?

Златоуст. Что же, почтеннейший, – сказал я, – ты хочешь поставить меня близ костра, раздражить покоящегося зверя? Или ты не знаешь, что я и сдерживал эту страсть не силою воли, но любовью к спокойствию? А кто так настроен, тот может избежать этого пламени, оставаясь с самим собою или имея общение не более, как с одним или двумя друзьями, но не повергаясь в бездну таких забот? В противном случае он не себя одного, но и других многих увлекает вместе с собою в бездну погибели, и делает их более беспечными в соблюдении скромности. Подчиненный народ большею частью привык смотреть на поведение своих начальников, как на некоторый образец и подражать им. Как же может укротить надменность других тот, кто сам надмевается. Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Нельзя, нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим; но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недейтельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружить для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к сорежнованию, так и

проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов. Посему душа священника должна со всех сторон блистать красотой, дабы она могла и радовать и просвещать души взирающих на него. Грехи людей незначительных, совершаемые как бы во мраке, губят одних только согрешающих; а грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивыми о добрых подвигах, а внимательных к себе располагая к гордости. Кроме того, проступки простолюдинов, хотя бы и обнаружались, никому не наносят значительной беды; а (проступки) стоящих на высоте священнического достоинства, во-первых, у всех на виду; затем, хотя бы они сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великою, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего. Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как бы каким адамантовым оружием, тщательною бдительностью и постоянным бодрствованием над своею жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашел открытого и не оберегаемого места и не нанес смертельного удара; ибо все окружающие готовы уязвлять и поражать его, – не только враги и неприятели, но многие и из тех, которые притворяются друзьями. Итак (для священства) должны быть избираемы такие души, какими по благодати Божией оказались некогда тела святых отроков в печи вавилонской (Дан. 3:22-46). Здесь не хворост, смола и лен служат пищею огню, но нечто гораздо опаснейшее, так как здесь и огонь не вещественный, но всепожирающий пламень зависти окружает священников, поднимаясь со всех сторон, устремляясь на них, и проникая в жизнь их упорнее, чем тогда огонь в тела отроков. Если он найдет хотя малые следы соломы, тотчас пристает к ней, и сжегши эту гнилую часть, и все прочие части, хотя бы они были светлее солнечных лучей, опалает и очерняет дымом. Пока жизнь священника хорошо устроена во всех отношениях, дотоле он остается неприступным для наветов; но если он не досмотрит чего-нибудь малого, как свойственно человеку, и притом переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочие добрые дела его нисколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее. Все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле непричастном никаким слабостям. Как тирана, пока он властвует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают переменяться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти; так тоже самое бывает и с священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него, и стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослужащих более всех; потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они; находясь близ него, они прежде других узнают случившееся с ним, и легко могут встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: *посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12:26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? Если Бог открыл, покажи Его определение, и я повинуюсь; если же не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Относительно нашего состояния должно верить более нам самим, нежели другим; потому что *кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем* (1 Кор. 2:11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого и избирателей, и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь. Не зависть только, но что гораздо сильнее и зависти, желание этой власти обыкновенно вооружает многих против того, кто имеет ее. Как корыстолюбивые дети

тяготятся старостью родителей, так некоторые и из этих людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвление такого священника считая делом незаконным, спешат лишить его власти, желая все поступить на его место и каждый надеясь, что эта власть достанется ему самому.

15. Хочешь ли, я покажу тебе и другой вид этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народные празднества, где большею частью и положено производить избрание на церковные должности, и ты увидишь, что на священника сыплется так много порицаний, как велико число подчиненных. Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части, и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собою, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой – потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий – потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой – родственника, а иной – даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. Я же так далек от того, чтобы упомянутые причины считать достаточными свидетельствами достоинства священников, что даже и того, кто отличался бы великим благочестием, не мало полезным для этой власти, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие. Я знаю многих из прошедших всю жизнь свою в затворничестве и изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, были угодны Богу и каждый день более и более преуспевали в этом любомудрии, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя по нужде и продолжали служение, но, оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред самим себе и не принесли никакой пользы другим. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служения и достиг глубокой старости, и того я не возвел бы на высшую степень по уважению к одному только возрасту его. Что будет, если он и в таком возрасте окажется неспособным? Говорю это теперь, не желая унижить седины или узаконить, чтобы принадлежащие к лику монашествующих вовсе были устранимы от этого предстоятельства, – ибо случилось, что многие и из числа их прославлялись на этой должности, – но стараюсь доказать, что если ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства, то тем менее сделали бы это вышесказанные причины. Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения, так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предалась на сторону противников, другие – за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть незаконнее этого, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их, и за что не следовало бы позволять им переступить порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли мы будем искать, скажи мне, причины гнева Божия, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные? Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда церковь становится несколько не отличною от Еврипа. Прежде я смеялся над морскими начальниками за то, что при раздаянии почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела. Удивительно ли, что так погрешают люди мирские, ищущие славы от народа, и делающие все для денег, когда и выдающие себя за отрекшихся от всего поступают несколько не лучше тех и, препираясь о небесном, как бы совещаюсь о десятинах земли или о

чем другом подобном, берут ничтожных людей и поставляют их над теми делами, для которых Единородный Сын Божий не отрекся уничтожить славу Свою, сделаться человеком, принять образ раба, претерпеть заплевания и заушения, и умереть по плоти позорною смертью (Флп. 2:7. Мф. 26:67)? И на этот одном они не останавливаются, а прибавляют и другое более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость церкви, или как будто недостаточно одной причины к воспламенению гнева Божия, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдавать людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. Не достойно ли это тысячи молний и геенны ужаснейшей, нежели та, которая угрожает нам? Однако переносит и терпит такие злые дела *не хочет смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33:11). Кто не удивится человеколюбию Его? Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именем Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают на недоступное дерзновенно, оскорбляют святыню, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайнею свободою порочные извращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы с прежними; потому что корень и, так сказать, мать их одна – зависть; но они имеют не один вид, а различаются между собою. Говорят: этот должен быть отвергнут потому, что молод; другой потому, что не умеет льстить; третий потому, что поссорился с таким-то; четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятый потому, что добр и скромн; шестой потому, что слишком страшен для согрешающих; седьмой – по другой подобной причине. Вообще, не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят; если же не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало помалу, и другие причины могут найти, какие захотят. Теперь я желал бы спросить: что должно делать епископу в борьбе с такими ветрами? Как ему устоять против таких волн? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают все вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их или не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плователям постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископ предпочтет угождение этим людям собственному спасению, приняв тех кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим – Бога; что может быть ужаснее этого? И положение его в отношении к ним будет труднее, чем прежде, так как все они, содействуя друг другу, чрез то самое более усиливаются. Как от сильных ветров, встретившихся с противных сторон, дотоле спокойное море вдруг начинает свирепствовать, воздымает волны и губит плователей, так и церковная тишина, по принятии вредных людей, возмущается и претерпевает много кораблекрушений.

16. Представь же, каким должен быть тот, кому предстоит выдерживать такую бурю и отвращать такие препятствия общему благу? Он должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и нераболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям; он должен с полною властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такою же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду только одно благосостояние церкви и ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь. Итак, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался от этого

служения? Впрочем, я не все еще изъяснил тебе; есть и другое, о чем могу сказать, а ты не отяготись выслушать искреннего друга, желающего оправдаться пред тобою в том, за что укоряешь его; это не только будет полезно тебе для защиты меня пред другими, но, может быть, принесет не малую пользу для самого распоряжения этим делом. Необходимо, чтобы намеревающийся вступить на этот путь жизни, наперед хорошо разведать все, относящееся к этому служению, и потом приступал к нему. Почему? Если не по чему другому, то по крайней мере потому, что, хорошо зная все, он не будет приходить в смущение от новости предметов, когда они представляются. Желает ли, чтобы я начал речь с призрения вдовиц, или с попечения о девственницах, или с трудностей судебного дела? Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами и еще больше забот – со страхом. И во-первых, – начнем с того, которое кажется легче других, – призрение вдовиц, по-видимому, представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками (1 Тим. 5:16); но бывает не так: требуется тщательное исследование и тогда, когда нужно принимать их, так как включение их в список просто и без разбора причиняло множество бед. Они и расстраивали дома, и расторгали браки, и часто были уличаемы в краже, нетрезвости и других подобных поступках. Содержание таких вдовиц на счет церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово? Поэтому нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы не только такие вдовицы, но и те, которые в состоянии сами себя пропитывать, не истребляли трапезы беднейших. За этим разбором следует другая не малая забота о том, чтобы жизненные припасы для них притекали обильно, как бы из источников, и никогда не оскудевали. Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предложением к осуждению. Народ как скоро увидит кого-нибудь непристрастного к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушия, но, хотя оно прежде всего необходимо, так как без этого он будет более губителем, нежели покровителем, и волком, а не пастырем; но вместе с тем нужно ему иметь и другое качество. Это – терпение, причина всех благ для людей; оно приводит и вселяет душу как бы в какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бедности и по возрасту и по свойству своего пола позволяют себе некоторую неумеренную дерзость, так сказать; они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуется на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Этот пол должно щадить в несчастии, а не оскорблять; так как быть безжалостным к их несчастиям и прибавлять к скорби от бедности еще скорбь от обиды было бы крайне жестоко. Посему один премудрый муж, видя своекорыстие и надменность человеческой природы, и зная свойство бедности, которая способна унижить и доблестнейшую душу и часто располагать к бесстыдному повторению одних и тех же просьб, в наставление, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения на непрестанную их настойчивость не сделался вместо помощника гонителем, увещевает его быть снисходительным и доступным для нуждающегося: *приклони, говорит он, ухо твое к нищему без огорчения, отвечай ему мирно и в кротости* (Сир. 9:8). Оставив человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), он обращается к тому, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подаяния ободрять его кротким взором и ласковым словом. Если кто хотя и не берет себе достояния вдовиц, но осыпает их множеством укоризн и оскорбляет их и раздражается против них, тот не только не облегчает их уныния от бедности подаянием, а еще увеличивает ее тяжесть своими порицаниями. Хотя по требованию чрева они и бывают принуждены забывать стыд, однако они сетуют на это принуждение. Таким образом, когда нужда от голода заставляет их просить, и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их

нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, что потерпел обиду, при большом избытии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово, и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. *Сын мой! при благотворениях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами. Роса не охлаждает ли зноя? так слово – лучше, нежели даяние. Поэтому не выше ли доброго даяния слово? а у человека доброжелательного и то и другое* (Сир. 18:15-17). Попечитель их должен быть не только кротким и незлобивым, но не менее того и бережливым; в противном случае, имущество бедных подвергается одинаковому ущербу. Так некто, приняв на себя это служение и собрав много золота, хотя не издержал его на себя, но не раздавал и бедным, кроме малой части, а большую часть зарыв в землю, хранил до тех пор, как наставшее тяжелое время предало это имущество в руки врагов. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмерности, ни доводить до оскудения церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бедным, из добровольных же приношений народа собирать церковные сокровища. Также для принятия странных и врачевания больных сколько, думаешь ты, требуется денежных издержек, сколько старания и благоразумия попечителей? Здесь нужны расходы несколько не меньшие упомянутых, а часто и большие, и попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь опущения, чтобы причинить великое зло больному.

17. При попечении же о девственницах бывает тем более страха, чем это сокровище драгоценнее и чем этот сонм выше других; потому что и в лик этих святых вторглись многие, исполненные множества зол и произвели здесь большое горе. Как не все равно, свободная ли дева согрешит, или ее служанка, так нельзя (в этом отношении сравнивать) девственницу со вдовицею. Для вдовиц празднословить, ссориться между собою, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным; а девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этою плотью уподобиться бесплотным силам. Ей не следует излишне и часто отлучаться из дома и не позволяется вести пустые и бесполезные разговоры, а злословий и ласкательств она не должна знать и по названию. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи. Враг святости непрестанно и наиболее восстает на девственниц и осаждает своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабеет и падет; также (действуют против нее) и многие злонамеренные люди, и вместе со всеми ими неистовство природы человеческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу с неприятелями, извне нападающими, и врагом, внутри ее воюющим. Поэтому попечителю ее предстоит много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будет! Если *дочь для отца – тайная постоянная забота, и попечение о ней отгоняет сон* (Сир. 42:9), если отец так боится, чтобы дочь его не осталась бесплодною, или не вышла из цветущего возраста, или не была ненавидима мужем, то что перенесет пекущийся не об этом, но о другом гораздо более важном? Здесь отвращается не муж, но Сам Христос; неплодство подвергается не поношениям только, но оканчивается погибелью души: *всякое дерево, говорит (Господь), не приносящее плода, срубают и бросают в огонь* (Лк. 3:9); и ненавидимой Женихом не достаточно взять разводное письмо и отойти, но за гнев Его она наказывается вечным мучением. Плотской отец имеет много удобств для хранения своей дочери: и мать, и

воспитательница, и множество служанок и безопасность жилища способствуют родителю к сбережению девицы. Он не позволяет ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходит, не имеет нужды показываться кому-нибудь из встречающихся; и вечерний мрак не менее стен дома скрывает не желающую показываться. Кроме того никакие причины не заставляют ее являться когда-нибудь пред взорами мужчин; ни забота о домашних потребностях, ни притеснения обижающих, и ни что другое подобное не поставляет ее в необходимость такой встречи, так как о всем этом печется ее отец. Сама же она имеет только одну заботу о том, чтобы не делать и не говорить ничего непристойного свойственной ей скромности. А здесь отечески пекущемуся многое делает трудным и даже невозможным надзор за девственницею; он не может иметь ее в своем доме, потому что не пристойно и не безопасно такое сожительство. Хотя бы от этого и не происходило для них никакого вреда, и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенную, но они дадут ответ за души, которых подвергли соблазну, не меньший, как если бы они согрешили между собою. Так как сожительство невозможно, то нет способа наблюдать за движениями души и беспорядочные обуздывать, а правильные и стройные поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ее из дома. Бедность и одиночество ее не позволяют попечителю строго следить за свойственной ей благотворительностью. Так как она принуждена во всем служить сама себе, то, если захочет жить своевольно, может найти много предлогов к отлучкам. Кто стал бы заставлять ее всегда оставаться дома, тому нужно бы устранить и эти предлоги, доставить ей довольство в необходимом и для услуг приставить к ней служанку; следовало бы удерживать ее и от похорон и панихид. Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и чрез добрые дела посеять яд свой! Девственница должна быть ограждена отовсюду и выходить из дома немного раз в продолжение целого года, когда понуждают неотложные и необходимые причины. Если же кто скажет, что нет надобности поручать эти дела епископу, тот пусть знает, что заботы и причины случающегося с каждою из них имеют отношение к нему. А для него гораздо полезнее заведовать всем самому и избавиться от обвинений, которым он необходимо подвергается за погрешности других, нежели отказаться от этого служения и страшиться ответственности за дела других. Притом делающий это сам собою исполняет все с великим удобством; а принужденный делать это с участием мнения других, не столько имеет отдыха вследствие освобождения от собственной деятельности, сколько хлопот и неприятностей от людей недовольных и противящихся его суждениям. Но я не в состоянии исчислить всех забот о девственницах. Даже когда нужно ввести их в список, и тогда немалые затруднения они причиняют тому, на кого возложена эта обязанность.

Судебная часть (служения епископа также) сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и такими трудностями, каких не переносят и мирские судьи; не легко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенною. Здесь не только хлопоты и трудности, но бывает и опасность немалая. Некоторые из более слабых, подвергшись суду и не нашедши защиты, отпали от веры. Многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи, не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности священнической власти, и ничего другого подобного, но являются неумолимыми судьями, принимая в оправдание только одно – освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Упомянув о защите, я открою тебе и другой повод к укоризнам. Если епископ не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия; ибо не только больные, но и здоровые желают посещения его, – не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага церкви, чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. Но что я говорю о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд;

самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мною мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидою для себя. Кто же, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись – оправдаться? Нужно или вовсе не иметь обвинителей, или, если это невозможно, опровергать их обвинения; если же и это не удобно – есть, люди находящие удовольствие в том, чтобы обвинять без причины и напрасно, – то нужно мужественно переносить неприятность этих укоризн. Справедливо обвиняемый легко может перенести обвинение; потому что нет обвинителя жесточе совести и оттого, испытав наперед упреки этого жесточайшего обвинителя, мы легко переносим внешние обвинения, как более кроткие. Но если не сознающий за собою ничего худого обвиняется напрасно, то он скоро воспламеняется гневом и легко впадает в уныние, если прежде не научился переносить невежество народа. Нет, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовал никакой скорби от такой несправедливости. А что сказать о тех скорбях, которые (пастыри) чувствуют тогда, когда должно отлучить кого-нибудь от церковного общества? И о, если бы это бедствие ограничивалось только скорбью! Но здесь предстоит и не малая беда. Опасно, чтобы наказанный сверх меры не потерпел того, что сказано блаженным Павлом: *дабы он не был поглощен чрезмерною печалью* (2 Кор. 2:7). Посему и здесь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что делается для пользы, не причинило ему большого вреда; ибо за каждый из тех грехов, которые он совершит после такого врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? Если мы, помышляя об отчете за собственные прегрешения, трепещем, не надеясь избежать вечного огня; то какое мучительное ожидание должно быть у того, кто будет отвечать за столь многих? А что это справедливо, послушай блаженного Павла, или лучше говорящего в нем Христа: *повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая* (Евр. 13:17). Разве мал ужас такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочем, всего этого достаточно для убеждения самых недоверчивых и суровых людей в том, что я не по гордости и честолюбию, но единственно усташась за себя и представив трудность дела (пастырского), обратился в бегство.

Слово четвертое

1. Василий, выслушав это и немного помедлив, сказал: если бы ты сам старался приобрести эту власть, то страх твой был бы основателен. Кто своим домогательством получить ее признал себя способным к исполнению этого дела, тому, по получении ее, нельзя прибегать к неопытности для оправдания своих погрешностей. Он заранее сам лишил себя этого оправдания тем, что стремился и похитил это служение и, как добровольно и по собственному желанию приступивший к нему, уже не может сказать: я невольно погрешил в том-то и невольно погубил такого-то. Тот, кто тогда будет судить его за это, скажет ему: «почему же ты, сознавая в себе такую неопытность и не имея достаточно ума для безошибочного исполнения этой обязанности, стремился и осмелился принять на себя дела, превышающие твои силы? Кто принуждал? Кто насильно влек тебя, если ты уклонялся и убегал»? Но ты никогда не услышишь ничего такого; ты и сам не можешь упрекать себя в чем-либо подобном; и всем известно, что ты нисколько не домогался этой чести, но все сделано другими; и то, что лишает других прощения за погрешности, тебе доставляет важное основание к оправданию.

Златоуст. После этого я, покачав головою и немного улыбнувшись, подивился его простодушью и сказал ему: я и сам желал бы, чтобы дело было так, как ты сказал, добрейший из всех, не для того впрочем, чтобы я мог принять то, отчего убежал. Хотя бы мне не предстояло никакого наказания за мое небрежное и неопытное попечение о стаде Христовом, но если бы мне вверены были такие великие дела, для меня тяжелее всякого наказания было бы то, что я оказался столь недостойным пред лицом вверившего их мне. Для чего же я стал бы желать, чтобы мнение твое не было тщетным? Для того разве, чтобы этим жалким и несчастным (так должно назвать тех, которые не умели хорошо управлять этим делом, хотя бы ты тысячекратно говорил, что они были привлечены насильно и грешили по неведению) можно было избежать огня неугасимого, тьмы кромешной, червя не умирающего, рассечения и гибели вместе с лицемерами. Что же сказать тебе? Нет, это не так. И если хочешь, я представлю тебе доказательства верности слов моих, начав с царствования, за которое ответственность пред Богом не такова, какова за священство. Саул, сын Кисов, не по собственному домогательству сделался царем; он пошел искать ослиц и пришел спросить об них пророка, а тот стал говорить ему о царстве; и хотя он слышал об этом от пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказав: *кто я есть и какой дом отца моего* (1 Цар. 9:20,21)? И что же? Так как он злоупотреблял данною ему от Бога честью, то мог ли он этими словами своими избавиться от гнева Воцарившего его? Между тем он мог бы сказать обвинявшему его Самуилу: разве я сам стремился к царствованию? Разве я искал этой власти? Я желал вести жизнь частных людей, безмятежную и спокойную, а ты привлек меня к этому достоинству: оставаясь в уничиженном состоянии, я легко мог бы уклониться от преткновений; находясь в числе простых и незнатных людей, я не был бы послан на такое дело и Бог не поручил бы мне войны с амаликитянами; а без этого поручения я не совершил бы такого греха. Но все это слабо для оправдания и не только слабо, но и опасно и еще более воспламеняет гнев Божий. Кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божие должен обращать в побуждение к большему преуспеянию в добре. Получивший высокое достоинство, и поэтому считающий дозволительным для себя грешить, делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божие причиною грехов своих, что говорить всегда свойственно людям нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою. Мы же не должны так думать и впадать в одинаковое с ними безумие, но во всем стараться по силам своим исполнять зависящее от нас самих и иметь и язык и ум благоговейный. И Илий (от царствования мы перейдем теперь к священству, о котором идет у нас речь) также не старался приобрести эту власть. А какую пользу он получил от этого, что согрешил? Но что я говорю: не старался? Он даже не мог, хотя бы и желал, избежать ее по требованию закона, потому что он происходит из колена Левиина и должен был принять эту власть, нисходящую по родовому преемству. Однако и он потерпел немалое наказание за своеволие детей своих (1 Цар, гл. 4). Так и бывший первым священником иудейским, о котором так много говорил Бог Моисею, за то, что не мог один противостать безумию такого множества народа, не был ли почти у самой гибели, если бы предстательство брата не удержало гнева Божия (Исх. 32)? Так как я упомянул о Моисее, то благовременно подтвердить истину моих слов и случившимися с ним событиями. Сам блаженный Моисей так далек был от того, чтобы домогаться начальства над иудеями, что даже отказывался от предлагаемого, не соглашался на повеление Божие и разгневал Повелевавшего (Исх. 4:13). И не только тогда, но и после, уже по принятии власти, он охотно желал умереть, чтобы освободиться от нее: *убей меня*, говорил он, *когда Ты так поступаешь со мною* (Числ. 11:15). И что же? Так как он согрешил при изведении воды (Числ. 20:12), то непрестанные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога к дарованию ему прощения? Не за другое ли что-нибудь он был лишен обетованной земли? Не за другое что, как известно всех нам, а именно за этот грех такой дивный муж не мог достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но после многих подвигов и изнурений, после такого

необычайного странствования, после сражений и побед, умер вне той земли, для которой подъял столько трудов и, претерпев бедствия мореплавания, не наслаждался благами пристани. Видишь, что не только похищающие (священство), но и те, которые получают его по старанию других, не могут ничем оправдываться в своих проступках. Если те, которые многократно отказывались, когда Сам Бог избирал их, подверглись такому наказанию, и ничто не могло избавить от этой опасности ни Аарона, ни Илия, ни того блаженного мужа, святого, пророка, дивного, *кротчайшего из всех людей на земле* (Числ. 12:8), который беседовал с Богом как друг (Исх. 33:11), то нам, которые столь далеки от его совершенства, едва ли послужит к достаточному оправданию наше сознание, что мы несколько не искали себе этой власти, особенно когда многие из этих избраний бывают не по божественной благодати, но по старанию людей. Бог избрал Иуду, и включил его в святой лик учеников Христовых и даровал ему вместе с прочими апостольское достоинство и даже предоставил ему нечто большее пред другими – распоряжение деньгами. И что же? Когда он и тем и другим злоупотребил, – Того, Кого должен был проповедовать, предал, и из того, чем поручено ему распоряжаться ко благу, сделал худое употребление, то избежал ли наказания? Этим самым он еще увеличил для себя наказание, и весьма справедливо, потому что даруемые Богом преимущества должно употреблять не на оскорбление Бога, но на большее Ему угождение. Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие пред другими почести, поступает подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев, услышав слова Христовы: *если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем*; также: *если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха* (Ин. 15:22,24), стал обвинять Спасителя и Благодетеля, и говорить: для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас? Но это – слова неистовства и крайнего безумия. Врач пришел не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней, а так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них; если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания. Итак, если это оправдание слабо, как доказано нами, и если оно не только не спасает прибегающих к нему, но еще большей подвергает опасности, то нам надобно искать другой защиты.

Василий сказал: Какой же? Я теперь даже сам себя не чувствую: в такой страх и ужас ты привел меня этими словами.

Златоуст. Нет, – сказал я, – прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас немощных – никогда не вступать (в эту должность), а для вас крепких – по получении благодати Божией полагать надежды спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего. Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти собственными усилиями, будут худо исполнять это служение или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности. Но за это не будет прощения и тем, которые не домогались власти; и они не имеют никакого оправдания. По моему мнению, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на них смотреть, но наперед испытывать свою душу и исследовать все тщательно, и потом уступать принуждающим. Если построить дом не обещается никто из незнающих строительного искусства, и к лечению больных телом не приступит никто из незнающих врачебного искусства, и хотя бы многие насильно влекли их, они откажутся и не будут стыдиться своего незнания, то неужели тот, кому имеет быть вверено попечение о столь многих душах, не

испытает наперед самого себя, но, хотя бы он был неопытнейшим из всех, примет это служение потому, что такой-то приказывает, такой-то принуждает и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергает ли он себя вместе с ними в явную беду? Тогда как ему можно было спасти самого себя, он губит с собою и других. Откуда же можно ожидать спасения? Откуда получить прощение? Кто будет защищать нас тогда (на будущем суде)? Может быть те, которые теперь принуждают и влекут силою? Но кто спасет их самих в то время? Они сами будут нуждаться в других, чтобы избежать огня. А что я теперь говорю это не с тем, чтобы утратить тебя, но чтобы показать истинное положение дела, послушай, что говорит блаженный Павел ученику своему Тимофею, истинному и возлюбленному сыну: *рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах* (1 Тим. 5:22). Видишь ли, от какого не только осуждения, но и наказания я с своей стороны избавил тех, которые намеревались возвести меня в это достоинство?

2. Как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного: но поэтому самому вина и становится большею, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. Если желающие купить невольника показывают его врачам и требуют поручителя за продаваемого, и расспрашивают соседей и после всего этого не решаются купить, но требуют еще долгого времени для испытания, то не безрассудно ли, что намеревающиеся назначить кого-нибудь на такое служение свидетельствуют и присуждают просто и как случится, как покажется кому-нибудь, в угождение, или по вражде к другим, не делая никакого другого испытания? Кто будет защищать нас тогда, когда и те, которые должны бы защищать, сами будут нуждаться в защитниках? Итак, и намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше – избираемый. Хотя избиратели вместе с ним подвергаются наказанию за его погрешности, однако и он, не освобождаясь от наказания, даже подвергается еще большему, если только избиратели по какому-либо человеческому побуждению не поступили вопреки требованию справедливости. Если же они будут обличены в том, что по какому-нибудь предлогу заведомо приняли недостойного, то они подвергнутся равному с ним наказанию, избравшие неспособного – может быть и большему. Кто вручит власть человеку вредному для церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это, обманувшись ложным мнением; а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем он тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен придти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такою осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать осторожность в делах духовных гораздо более, чем плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности. Скажи мне: если бы мы, считая какого-нибудь человека знающим строительное искусство, тогда как он в самом деле не знает его, пригласили бы на эту работу, и он согласился бы и потом, взяв приготовленный для строения материал, растратил бы и дерева и камни, и построил такой

дом, который тотчас разрушился бы, неужели достаточно было бы к оправданию его то, что он не сам вызвался строить, а другие принудили его? Нет; и весьма основательно и справедливо. Ему следовало отказаться, когда и другие приглашали его. Если же растратившему дерева и камни не будет никакой возможности избежать наказания, то губящий души и назидаящий их беспечно как может думать, что принуждение от других поможет ему избежать наказания? Не крайне ли это безрассудно? Я еще не прибавляю того, что никто не может принудить кого-нибудь против воли. Но положим, что кто-нибудь подвергся тысячи насилий и многоразличным хитростям, так что принужден будет уступить, и это избавит ли его от наказания? Нет. Увещаю, не будем столько обольщать себя, и притворяться незнающими того, что ясно и для малолетних детей, тем более, что при отчете в делах такое притворное незнание не может принести нам пользы. Ты сам не домогался приобрести эту власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. С таким же сознанием следовало отказаться и тогда, когда другие приглашали. Или тогда, когда никто не приглашал, ты был немощен и неспособен; а как скоро нашлись люди, вознамерившиеся предоставить тебе эту честь, ты вдруг сделался сильным? Это смешно, и лживо, и достойно крайнего наказания. Посему и Господь увещевает желающего построить башню не полагать основания прежде, нежели он сообразит свою состоятельность, чтобы не подать присутствующим тысячи поводов к осмеянию его (Лк. 14:28-29). Но для него беда ограничивается смехом, а здесь наказанием будет огонь неугасимый, червь не умирающий, скрежет зубов, тьма крошечная, рассечение и погибель вместе с лицемерами (Ис. 26:24; Мф. 25:30). Обвинители же мои не хотят знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочет погибнуть напрасно. Настоящее наше рассуждение касается не распоряжения пшеницею или житом, волами и овцами, или чем-либо другим подобным, но самого тела Христова. Ибо церковь Христова, по словам блаженного Павла, есть тело Христово (Кол. 1:18); и тот, кому оно вверено, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь *скверна, или порок, или нечто от таковых* пятен не повредили ее доброты и благолепия (Еф. 5:27). Не должен ли он представлять это тело достойным нетленной и блаженной его Главы по мере сил человеческих? Если заботящиеся о благосостоянии ратоборцев имеют нужду и во врачах, и руководителях, и строгом образе жизни, и непрестанном упражнении и множестве других предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у них без внимания, разрушает и ниспровергает все); то принявшие на себя попечение об этом теле, ведущем борьбу не с телами, но с невидимыми силами, как могут сохранить его невредимым, и здоровым, если не будут иметь добродетель, гораздо более человеческой и знать всякое врачевство, полезное для души?

3. Или ты не знаешь, что это тело (церкви) подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает? Врачами телесными изобретены разные лекарства и разнообразные орудия, и роды пищи, приспособленные к больным; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровления больных; даже иногда благовременный сон освобождал врача от всякого труда. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания – учение *словом*. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восстанавливаем падшую и укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем все прочее, что служит у нас к здравью души. Наилучшему устройению жизни может содействовать жизнь другого, располагая к соревнованию; но когда душа страждет болезнью, состоящую в *неправых догматах*, тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или

лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо. Так и блаженный Павел действовал словом, хотя повсюду славился знамениями. И другой из лика апостольского увещевает заботиться о силе слова: *будьте всегда готовы, говорите он, всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании* (1 Пет. 3:15). И все они тогда не по другой какой либо причине предоставили Стефану и его сотрудникам попечение о вдовицах, но для того, чтобы сами беспрепятственно могли заниматься *служением слова* (Деян. 6:4). Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов, и чтобы лучше нам поражать их.

4. Посему должно тщательно стараться, *слово Христово да вселяется в вас обильно* (Кол. 3:16). Мы готовимся не к одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не все они действуют одним и тем же оружием и стараются нападать на нас не одинаковым образом. Поэтому кто намеревается вести войну со всеми, тот должен знать способы действия всех их, быть и стрельцом и пращником, предводителем полка и начальником отряда, воином и военачальником, пешим и всадником, сражающимся на море и под стенами. В военных сражениях, какое кому назначено дело, так он и отражает наступающим врагов, а здесь этого нет; если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства, то диавол и чрез одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях. Итак, нужно хорошо ограждаться во всех частях. Пока город огражден со всех сторон, до тех пор, находясь в совершенной безопасности, он смеется над осаждающими его; но если кто разрушит стену его, хотя только в меру ворот, то для него уже нет пользы от окружности стены, хотя бы прочие части ее оставались твердыми. Так и город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются невредимыми; если же кто успеет разрушить какую-нибудь часть его, хотя всего и не разрушит, то от этой части, так сказать, зарождается и все прочее. Что пользы, если он хорошо борется с язычниками, а его опустошают иудеи? Или он преодолевает тех и других, а его расхищают манихеи? Или после победы над этими – распространяющие учение о судьбе станут убивать овец, находящихся внутри его? Но для чего исчислять все диавольские ереси? Если пастырь не умеет хорошо отражать все эти ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец. В воинском деле от противостоящих и сражающихся воинов всегда должно ожидать и победы и поражения; а здесь совершенно иначе. Часто битва с одними доставляет победу таким врагам, которые вначале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющий в этих делах большой опытности, поразив себя собственным мечем, делается смешным и для друзей и для врагов. Например (я постараюсь объяснить тебе сказанное примером), последователи лжеучения Валентина и Маркиона, и одержимые одинаковыми с ними болезнями, исключают из числа книг Божественного Писания закон, данный Богом Моисею; иудеи же так почитают его, что и теперь, когда уже время не позволяет, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божией. А церковь Божия, избегая крайностей тех и других, идет средним путем, – и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускает хулить его, но хвалит его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время. Поэтому тот, кто намеревается бороться с теми и другими, должен соблюдать это равновесие. Если он, желая научить иудеев, что они не благовременно держатся древнего законодательства, начнет без пощады порицать его, то подаст немалый повод желающим из еретиков хулить его; а если, стараясь заградить уста этим еретикам, станет неумеренно превозносить закон и выхвалять его, как необходимый в настоящее время, то откроет уста иудеям. Также, одержимые неистовством Савеллия и беснованием Ария, те и другие по неумеренности отпали от здоровой веры; и хотя

те и другие удерживают имя христиан, но если кто исследует учение их, тот найдет, что одни нисколько не лучше иудеев и разве только различаются названиями, а учение других имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского, но что и те и другие далеки от истины. Здесь предстоит большая опасность, узкий и тесный путь, окруженный с обеих сторон утесами, и немалый страх, чтобы кто-нибудь, намереваясь поразить одного, не был ранен другим. Так, если кто скажет, что Божество едино, то Савеллий тотчас обратит это слово в пользу своего безумного учения; если же покажет различие, называя одного Отцом, другого Сыном, третьего Духом Святым, то выступит Арий и станет относить разность лиц к различию в существе. Между тем должно отвращаться и убегать как нечестивого смешения Савеллиева, так и безумного разделения Ариева, и исповедывать единое Божество Отца и Сына и Святого Духа, но притом в трех Лицах; таким образом мы можем заградить вход тому и другому. Можно бы привести тебе и многие другие затруднения, с которыми если кто не будет бороться мужественно и тщательно, тот сам останется со множеством ран.

5. А что сказать о распрях своих ближних? Они не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно и познать невозможно; другие требуют от Бога отчета в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну; ибо *судьбы Твои*, говорится в Писании, *бездна великая* (Пс. 35:7). Пекущихся о вере и жизни найдется немного; а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно, и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем, и при таком положении дела, кто со властью станет заградить уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Поэтому и здесь предстоятелю нужно действовать с великим благоразумием, чтобы и отклонять других от нелепых вопросов, и самому избегнуть сказанных обвинений. Для всего этого не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова, и если кто не имеет этой силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу.

Василий сказал: почему же Павел не старался приобрести эту силу, и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признает себя *невеждою*, и притом в послании к коринфянам, которые славились красноречием и весьма хвалились им (2 Кор. 11:6)?

6. *Златоуст*. От этого самого, – сказал я, – многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразуметь смысл слов его, то и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество, не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, оставим этот предмет до другого времени, а теперь я скажу следующее: положим, что Павел был невеждою в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большие действия; при одном появлении своем и при молчании он был страшен для демонов; а нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы (Деян. 19:12). Павел молитвою воскрешал мертвых и совершал другие чудеса такие, что язычники принимали его за Бога (Деян. 14:11); и еще прежде переселения из здешней жизни он удостоился быть восхищенным до третьего неба и слышать такие слова, которых не может слышать человеческая природа (2 Кор. 2:2-4). А нынешние люди (впрочем я не намерен говорить ничего неприятного и тяжелого, и это теперь говорю, не укоряя их, но изумляясь) как не страшатся сравнивать себя с таким

мужем? Если мы, оставив чудеса, перейдем к жизни этого блаженного и посмотрим на ангельскую его деятельность, то увидим и в ней еще более, чем в знамениях, превосходство этого ратоборца Христова. Кто может изобразить его ревность, кротость, постоянные опасности, непрерывные заботы, непрестанные беспокойства о церквях, сострадание к немощным, многие скорби, многократные гонения, каждодневные смерти (2 Кор. 12:24-28; 1 Кор. 9:22)? Какое место во вселенной, какая земля, какое море не знают подвигов этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Он претерпел все роды козней и одержал всякого рода победы; никогда не переставал и подвизаться и получать венцы. Впрочем я не знаю, как я увлекся до того, что стал оскорблять этого мужа; доблести его превышают всякое слово, а мое – столько, сколько превышают меня искуснейшие в красноречии. Но, не смотря на это (блаженный будет судить меня не за выполнение дела, а за намерение), я не перестану, пока не скажу того, что выше сказанного столько, сколько он выше всех людей. Что же это такое? После таких подвигов, после бесчисленных венцов он желал низойти в геенну и быть преданным вечному мучению для того, чтобы иудеи, которые часто бросали в него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились ко Христу (Рим. 9:3). Кто так любил Христа, если можно назвать это любовью, а не чем либо другим высшим любви? Еще ли мы будем сравнивать себя с ним, после такой благодати, какую он получил свыше, и после таких добродетелей, какие он оказал с своей стороны? Может ли быть что-нибудь дерзновеннее этого? А что при всем том он не был невеждою, как те называют его, теперь и то постараюсь доказать. Они называют невеждою не только того, кто не упражнялся в искусстве светского красноречия, но и того, кто не умеет защищать истинного учения; и справедливо так рассуждают. Но Павел назвал себя невеждою не в том и другом, а только в одном; и в подтверждение этого он сделал точное разграничение, сказав, что он *невежда словом, но не разумом* (2 Кор. 11:6). Если бы я требовал (от пастыря церкви) изящества речи Исократы, силы Демосфена, важности Фукидида и высоты Платона, то следовало бы указать на это свидетельство Павла; но теперь я оставляю все это и изысканные внешние украшения, и не думаю ни о выражениях, ни о произношении речи. Пусть кто-нибудь будет скуден в словах и состав речи его прост и неискусен, только пусть он не будет невеждою в познании и верном разумении догматов, и, для прикрытия своего нерадения, не отнимает у этого блаженного мужа величайшего из его достоинств и главной из его заслуг.

7. Как он, скажи мне, приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, когда еще и не начинал совершать знамений? Как преодолел эллинистов? Почему был препровожден в Тарс? Не потому ли, что сильно побеждал словом и до того довел их, что они, не вытерпев поражения, раздражились и решились убить его (Деян. гл. 9)? Тогда он еще не начинал творить чудес; и никто не может сказать, что народ удивлялся ему по молве об его чудотворениях и что боровшиеся с ним уступали по причине такого мнения об этом муже; доселе он побеждал только словом своим. А как он боролся и состязался с теми, которые в Антиохии намеревались жить по иудейски (Гал. гл. 2)? И член ареопага, житель суевернейшего города, не от одной ли проповеди его сделался его последователем вместе с женою (Деян. 17:34)? И от чего Евтих упал с окна? Не от того ли, что до глубокой ночи занят был слушанием поучения Павлова (Деян. 20:9)? А что в Солуне и в Коринфе? Что в Эфесе и в самом Риме? Не целые ли дни и ночи сряду он проводил в изъяснении писаний? Что сказать о состязаниях с эпикурейцами и стоиками (Деян. 17:18)? Если бы мы захотели исчислять все, то речь наша была бы слишком обширна. Итак, если оказывается, что и прежде знамений и при них Павел часто действовал словом, то как еще осмелятся называть невеждою того, кому за беседу и проповедь в особенности все удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за Меркурия? Что их (Павла и Варнаву) приняли за богов, причиною тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурия, причиною тому уже не чудеса, а слово (Деян. 14:12). Чем этот блаженный превзошел прочих апостолов? Почему по всей вселенной имя его наиболее обращается в устах всех? Почему он прославляется более всех не только у

нас, но и у иудеев и язычников? Не за достоинство ли своих посланий, которыми он принес пользу не только тогдашним верным, но и жившим с того времени до ныне, будет приносить пользу имеющим существовать до последнего пришествия Христова и не перестанет делать это, пока продолжится род человеческий? Его писания ограждают церкви во всей вселенной подобно стене, построенной из адаманта. Он и ныне стоит посреди, как мужественнейший ратоборец, *ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2 Кор. 10:4,5). Все это он производит оставленными нам посланиями своими, удивительными и исполненными божественной мудрости. Его писания полезны нам не только для ниспровержения ложных учений и защиты истинного, но весьма не мало служат и к преуспеянию в благочестивой жизни. Предстоятели церкви, пользуясь ими, еще и ныне устрояют, совершенствуют и доводят до духовной красоты чистую деву, которую он обручил Христу (2 Кор. 11:2). Ими они отражают приключающиеся ей болезни и охраняют присущее ей здравие. Такие врачевства оставил нам этот *невежда*, имеющие такую силу, которую хорошо знают часто пользующиеся ими на самом деле. Отсюда видно, что Павел оказал великую ревность в этом деле.

8. Послушай еще, что он говорит в послании к ученику: *занимайся чтением, наставлением, учением*. Потом говорит и о плодах этого: *так поступаая, и себя спасешь и слушающих тебя* (1 Тим. 4:13,16). И еще: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем*. И далее говорит: *а ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен*. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисус. И еще: *все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности* (2 Тим. 2:24; 3:14-16). Послушай, что он пишет к Титу, беседуя о постановлении епископов: *ибо епископ должен быть, говорит, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать* (Тит. 1:5,9). Как же кто-нибудь, оставаясь невеждою, как те говорят, может обличать противящихся и заграждать им уста? И какая нужда заниматься чтением и писаниями, если должно оставаться в таком невежестве? Все это вымыслы и предлоги и прикрытые беспечности и лености. Но это, скажут, предписывается священникам; ибо у нас теперь идет речь о священниках. Что это относится и к находящимся под их властью, о том послушай, как он еще в другом послании увещевает других: *Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью* и еще: *слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому* (Кол. 3:16; 4:6). И слова: *готовы будьте к ответу*, сказаны всем (1 Пет. 3:15). И в послании к Фессалоникийцам (Павел) говорит: *назидайте один другого, как вы и делаете* (1 Фес. 5:11). А когда он беседует о священниках, то говорит: *Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении* (1 Тим. 5:17). Это – совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос; ибо одних дел недостаточно для научения. Это не мои слова, а Самого Спасителя: *кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5:19). Если бы *творить* значило *учить*, то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: *иже сотворит*; а теперь разделением того и другого Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно. Слышишь ли, что говорит пресвитерам ефесским избранный сосуд Христов: *посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас* (Деян. 20:31)? Какая нужда в слезах или в словесном учении, когда так ярко сияла жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много содействовать нам к исполнению заповедей; но не скажу, чтобы и в этом отношении она одна совершила все.

9. Когда возникает спор о догматах и все будут бороться на основании одних и тех же писаний, тогда какую силу может оказать жизнь? Какая польза от многих подвигов, когда кто-нибудь после этих подвигов по великой неопытности своей впадает в ересь, и отделится от тела церкви? Я знаю многих, с которыми это случилось. Какая ему польза от терпения? Никакой; равно как (нет пользы) и от здравой веры при развращенной жизни. Поэтому тот, кто поставлен учить других, должен был опытнее всех в таких спорах. Хотя бы сам он оставался в безопасности, не потерпев никакого вреда от противников, но множество простых людей, находящихся под его руководством, когда увидит, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будет винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдут совершенно на сторону противников, то принуждены бывают сомневаться в том, в чем были уверены; и к чему приступали с твердою верою, тому уже не могут внимать с такою же твердостью; и поднимается такая буря в душах их от поражения учителя, что бедствие оканчивается кораблекрушением. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждого из этих погибающих, об этом мне нет нужды говорить тебе: все это ты сам хорошо знаешь. Итак от гордости ли, от тщеславия ли происходит мое нежелание быть виновником гибели столь многих людей, и на самого себя навлечь наказание больше того, какое теперь ожидает меня там? Кто может сказать это? Никто, разве кто хотел бы укорять напрасно и предаваться рассуждениям при чужих несчастиях.

Слово пятое

1. Довольно сказано мною о том, какую опытность должен иметь наставник в борьбе за истину; кроме этого я хочу сказать о другом предмете, который бывает причиною множества опасностей, или лучше сказать, не он бывает причиною, а те, которые не умеют хорошо пользоваться им; а само это дело может доставить спасение и многие блага, когда им будут заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великий труд, состоящий в беседах пред народом в общих собраниях. Во-первых, пасомые большею частою не хотят относиться к говорящим, как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, и одни принимают сторону одного, а другие другого: так и здесь разделившись, одни принимают сторону одного, а другие другого, и слушают говорящих, сообразуясь с своим благоприятным или враждебным расположением. И не в этом только состоит трудность, но не меньше того и в другою. Если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества; а часто терпит такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя ни у кого ничего не заимствовал. Но что я говорю о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. Люди большею частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков, или игроков на кифаре; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишним, здесь так одобряется, как у софистов, когда они вынуждаются спорить друг с другом.

2. Итак, и здесь нужен человек с душою мужественною, много превосходящею нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: *презрением похвал* и *силою слова*. Если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого, будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, *растворенного благодатью и солью* (Кол. 4:6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет

прельщаться славою рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя не угождает народу, но не может приносить ему и какой либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий.

3. Итак, отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого. Когда он, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отмстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, как бы какому отличному вознице, хорошо владеть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащим образом действовать тем и другим. Когда он окажется неукоризненным во всем, тогда, с какою угодно властью, может и наказывать и освобождать всех вверенных его руководству; а без этого трудно приобрести такую власть. Впрочем, великодушные не должно ограничиваться одним только презрением похвал, но и простираются далее, чтобы польза опять не осталась не совершенною.

4. От чего же еще должно воздерживаться? От ненависти и зависти. Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы они были ложны, хотя бы взводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их. Ничто так не увеличивает славы худой и доброй, как нерассудительный народ; привыкнув и слушать и говорить необдуманно, он повторяет без разбора все приключившееся, нисколько не заботясь об истине. Посему не должно пренебрегать народом, но возникающие худые подозрения тотчас истреблять, убеждая обвинителей, хотя бы они были бессмысленнейшие из всех людей, и не опуская ничего из всего того, что может уничтожить недобрую славу; если же и после того, как мы сделаем с своей стороны все, обвинители не захотят вразумиться, тогда отнестись к ним с презрением. Кто упадет духом от таких неприятностей, тот никогда не будет в состоянии совершить что-нибудь доблестное и достохвальное; уныние и непрестанные беспокойства могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения. Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют, или ударяют, или плачут, и даже, когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, а может быть, я думаю, и не возможно. Слышать себе похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-либо из людей: а кто радуется этому, тот конечно и желает получать их; желающий же получать их непременно будет печалиться и унывать и скучать и досадовать, когда лишается этих похвал. Как богачи, пока богаты, веселятся, а обеднев сетуют и, привыкнув к роскоши, не могут переносить жизни бедной, так и пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом, если они привыкли к похвалам или услышат, что другие удостаиваются похвал. Сколько же трудов и сколько огорчений, думаешь ты, предстоит вышедшему на подвиг учения с такою страстью? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человека оставалась без забот и скорби.

5. Кто владеет великою силою слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природою, но

приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получать великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не устаиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев, помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле. И вообще человек таков, что на заслуги ближнего и многочисленные и великие не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, – хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, – тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему, и всегда помнит его: и это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

6. Видишь, почтенный, что сильному в слове нужно иметь особенно большую ревность, а вместе с ревностью и такое терпение, в каком нуждаются не все из вышеупомянутых мною. Многие непрестанно беспокоят его напрасно и без причины, и не имея, в чем обвинять его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную их ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими без всякой причины, они злословят и порицают, клеветают тайно и враждуют явно. Если душа при всякой такой неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрою, изнемогая от печали. И не только сами они мстят ему, но стараются делать это и чрез других; часто, выбрав кого-нибудь, не умеющего ничего сказать, они превозносят его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни делают это по безумию, другие и по невежеству и по зависти, чтобы унижить славу достойного, а не для того, чтобы прославить недостойного. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Так как невозможно, чтобы весь собравшийся народ состоял из людей образованных, но иногда большую часть собрания составляют люди простые; прочие же хотя и разумнее этих последних, но в сравнении с людьми, способными судить о красноречии, гораздо более несведущи, чем все другие в сравнении с ними; а найдется едва один или два человека, имеющих такую способность, неизбежно происходит то, что говоривший лучше получает менее рукоплесканий, а иногда остается и без всяких похвал. Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех ни от других не умаляется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве, видя, что люди несведущие в этом искусстве осмеивают картину, написанную им с большою тщательностью, не должен падать духом и считать картину худою, по суду невежд, равно как и считать удивительною и прекрасною действительно худую картину потому только, что ею восхищаются невежды.

7. Отличный художник должен быть сам и судьей своих произведений; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей, и не ослабевать своею душою без них; но составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственною целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хвалить людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует; потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

8. Подлинно, кто предаётся страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова; потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы; потому что без этого недостаточно одного умения говорить для сохранения в себе этой силы. Даже если кто захочет обратить тщательное внимание на того, у кого недостает этой способности, то найдет, что и он не меньше того имеет нужду в презрении похвал. Не достигая славы от народа, он неизбежно впадет во множество грехов. Так, не имея сил сравняться с отличающимися способностью красноречия, он не удержится от вражды к ним, и зависти, и напрасных порицаний, и многих подобных непристойностей; но решится на все, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы приобрести славу их скудостью своих способностей. Кроме того, он утратил и ревность к этим трудам, так как некоторое расслабление постигнет душу его. Много трудиться, а получать мало похвал – это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать похвалы. Так и земледелец, вынужденный трудиться над неплодным полем и возделывать каменистую землю, скоро оставляет труды свои, если не имеет большой склонности к работе и не опасается голода. Если же способные говорить с великою властью, имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех! А если кто-нибудь из поставленных после него и занимающих низшее положение успеет более его прославиться по этой части, тогда нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние. Стоять на высшей степени достоинства и быть превзойденным низшими, и переносить это мужественно, это свойственно необыкновенной и не моей душе, но как бы адамантовой. Эта неприятность бывает еще сносно, когда превзошедший скромнее и весьма умерен; но если он будет дерзок, и горд, и честолюбив, тогда тому нужно каждый день желать себе смерти; до такой степени горькою для того жизнь сделает он, превозносясь над ним явно, насмехаясь тайно, отнимая от него власть более и более, стремясь заменить его во всем, и во всех этих случаях находя себе важную опору в свободе речи, расположенности к нему народа и приверженности всех пасомых. Разве ты не знаешь, какая ныне развилась в душах христиан любовь к красноречию и что занимающиеся им больше всех уважаются не только у внешних (язычников), но и у *своих по вере* (Гал. 6:10)? Кто же может перенести такой стыд, когда во время его беседы все молчат, и тяготятся и ожидают окончания слова как бы какого отдыха от трудов, а другого, хотя и долго говорящего, слушают с долготерпением, досадуют, когда он хочет остановиться, и гневаются, когда он намеревается замолчать? Все это теперь кажется тебе мало важным и не заслуживающим внимания, как не испытанное, но может погасить ревность и ослабить душевную силу, разве кто, отрешившись от всех человеческих страстей, потщится уподобиться бесплотным Силам, не подверженным ни зависти, ни славолению, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человек,

который может попать этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т. е. народную славу, и отсесть многочисленные его головы, или лучше не допустить этой славы и зародиться в начале, тот будет в состоянии удобно отражать все эти нападения, и остаться спокойным, как бы в тихой пристани; а кто не освободился от нее, тот обременяет свою душу, как бы разнообразною борьбою, постоянным смятением, и унынием и множеством других страстей. Нужно ли исчислить и прочие затруднения, о которых не может и говорить и знать тот, кто не испытал их на самом деле?

Слово шестое

1. Так бывает в здешней жизни, как о том ты слышал; а как мы перенесем имеющее быть тогда, когда должны будем отдать отчет за каждого из вверенных нам? Там наказание не ограничится стыдом, но предстоит вечное мучение. *Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет* (Евр. 13:17); об этом хотя я и прежде говорил, но и теперь не умолчу; страх такой угрозы постоянно потрясает мою душу. Если соблазняющему только одного и притом малейшего, *тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской*, и если все уязвляющие совесть братьев, согрешают против Самого Христа (Мф. 18:6; 1 Кор. 8:12); то что некогда потерпят и какому подвергнутся наказанию те, которые погубили не одного, двух или трех, но такое множество? Им нельзя оправдываться неопытностью, прибегать к неведению, извиняться необходимостью и принуждением; к такой защите, если бы было позволено, скорее мог бы прибегнуть кто-нибудь из подчиненных для оправдания себя в собственных грехах, чем предстоятели – для оправдания в грехах других людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невежество других и предвзирать о наступающей борьбе с диаволом, не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек. *Если же страж видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, – то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража* (Иез. 33:6). Перестань же вовлекать меня в столь неизбежную ответственность. Мы говорим не о предводительстве войском и не о царствовании (земном), но о деле, требующем ангельских добродетелей.

2. Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без себя Дух Святой, и чтобы он мог сказать: *и уже не я, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20). Если живущие в пустыне, удалившиеся от города, рынка и тамошнего шума, и всегда находящиеся как бы в пристани и наслаждающиеся тишиною, не решаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимают множество и других предосторожностей, ограждая себя со всех сторон, стараясь говорить и делать все с великою осмотрительностью, чтобы они могли с дерзновением и истинною чистотою приступать к Богу, сколько позволяют силы человеческие; то какую, думаешь ты, должен иметь силу и твердость священник, чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденною духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чем тем, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступною для этого. Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, подкрашивание глаз, расписывание щек, сплетение кудрей, намащение волос, драгоценность одежд, разнообразие золотых вещей, красота драгоценных камней, благоухание мастей, и все другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение, если она не будет крепко ограждена строгим целомудрием. Впрочем приходит в смятение от всего этого

несколько неудивительно; а то, что диавол может поражать и уязвлять души человеческие предметами противоположными этим, возбуждает великое изумление и недоумение. Некоторые, избегнув сетей, впали в другие, весьма отличная от них. Небрежное лицо, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращение, несвязная речь, нестройная походка, неприятный голос, бедная жизнь, презренный вид, незащищенность и одиночество, это сначала возбуждает жалость в зрителе, а потом доводит до крайней гибели.

3. Многие, избежав первых сетей, состоящих из золотых вещей, мастей, одежд и прочего, о чем я сказал, легко впадали в другие, столь отличные от них, и погибали. Если же и бедность и богатство, и красивый вид и простая наружность, обращение благоприличное и небрежное, и вообще все то, что я исчислил, может возбуждать борьбу в душе зрителя и окружать его напастьми со всех сторон, то как он может успокоиться среди столь многих сетей? Где найдет убежище, не скажу – для того, чтобы не быть увлеченному насильно (от этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою от возмущения нечистыми помыслами? Не говорю о почестях – причине бесчисленных зол. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силою целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; а от почестей, оказываемых мужчинами, если кто будет принимать их не с великим равнодушием, тот впадает в две противоположные страсти – рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны вынуждаясь унижаться пред льстецами своими, а с другой – воздаваемыми от них почестями надмеваясь пред низшими и низвергаясь в пропасть безумия. Об этом уже было сказано мною; а какой отсюда происходит вред, этого никто не может хорошо знать без собственного опыта. И не только этим, но и гораздо большим опасностям неизбежно подвергается обращающийся среди людей. А возлюбивший пустыню свободен от всего этого; если же иногда греховный помысел и представляет ему что-нибудь подобное, то представление бывает слабо и скоро может погаснуть, потому что зрение не доставляет извне пищи для пламени. Монах боится только за себя одного, если же и вынуждается заботиться о других, то о весьма немногих; а хотя бы их было и много, однако число их всегда менее принадлежащих к церквам, и заботы о них гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности их, но и потому, что все они свободны от мирских дел и не имеют надобности пектись ни о детях, ни о жене, ни о другом чем-либо подобном. А это делает их весьма послушными настоятелям и позволяет им иметь общее жилище, где погрешности их тщательно могут быть замечаемы и исправляемы; такой постоянный надзор наставников немало способствует к преуспеянию в добродетели.

4. Напротив, большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения по крайней мере непрерывностью своею могло укрепиться в слушателях. Чрезмерное богатство, величие власти, беспечность, происходящая от роскоши, и кроме того многое другое подавляет посеянные семена; а часто густота этих терний не допускает пасть семенам даже на поверхность почвы. С другой стороны, чрезмерная скорбь, нужды бедности, непрестанные огорчения и другие причины, противоположные вышесказанным, препятствуют заниматься божественными предметами; что же касается до грехов, то и малейшая часть их не может быть известна священнику; как он может знать их, когда большей части людей он и в лице не знает? Такие неудобства сопряжены с обязанностями его в отношении к народу; если же кто рассмотрит обязанности его в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти последние. Тот, кто молится за весь город, – что я говорю за город? – за всю вселенную, и умоливляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы. Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь

мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святого Духа и совершает страшную жертву и часто прикасается к общему всем Владыке; тогда, скажи мне, с кем на ряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и ангелы предстоят священнику, и целый сонм небесных сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем. В этом достаточно удостоверяют самые действия, совершаемые тогда. Я некогда слышал такой рассказ одного человека: некоторый пресвитер, муж дивный и неоднократно видевший откровения, говорил ему, что он некогда был удостоен такого видения, именно во время службы вдруг увидел, сколько то было ему возможно, множество ангелов, одетых в светлые одежды, окружавших жертвенник и поникших главами, подобно воинам, стоявшим в присутствии царя. И я верю этому. Также некто другой рассказывал мне, не от другого узнавши, но удостоившись сам видеть и слышать, что готовящихся отойти отсюда, если они причастятся Таин с чистою совестью, при последнем дыхании окружают ангелы и препровождают их отсюда ради принятых ими Таин. А ты не трепещешь, привлекая мою душу к столь священному таинству, и возводя в священническое достоинство одетого в нечистая одежды, какого Христос изгнал из общества прочих собеседников (Мф. 23:13)? Душа священника должна сиять подобно свету, озаряющему вселенную; а мою душу окружает такой мрак от нечистой совести, что она, всегда погруженная во мрак, не может никогда с дерзновением воззреть на своего Владыку. Священники – *соль земли* (Мф. 5:3); а мое неразумие и неопытность во всем может ли кто легко перенести, кроме тебя, привыкшего чрезмерно любить меня? Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире, и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, имеющими жен, воспитывающими детей, владеющими слугами, окруженными большим богатством, исполняющими общественные дела и облеченными властью, то он должен быть многосторонним; говорю – многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости и однако умеющим и уступать с пользою, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, также как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, и кормчему – знать одно только средство для борьбы с ветрами. И корабль церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внимательности и тщательности.

5. Все эти разнообразные действия направляются к одной цели – к славе Божией, к созиданию церкви. Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их с священством, хорошо исправляемым, тот найдет между ними такое различие, какое между простолудином и царем. У тех хотя и велик труд, но в подвиге участвуют и душа и тело, или лучше сказать, большая часть его совершается посредством тела; и если оно не будет крепко, то ревность и остается только ревностью, не имея возможности выразиться на деле. Напряженный пост, возлежание на земле, бодрствование, неумовение, тяжелый труд и прочее, способствующее изнурению тела, – все это оставляется, если не крепко тело подлежащее измождению. А здесь – чистая деятельность души, и нет нужды в здоровом теле, чтобы проявить ее добродетель. Содействует ли нам крепость телесная в том, чтобы не быть гордыми, гневливыми, дерзкими, а быть трезвенными, целомудренными, скромными, и иметь все прочие качества, который блаженный Павел исчислил при изображении превосходного священника (1 Тим. 3:2)? Но этого нельзя сказать о добродетели

монашествующего. Как представляющим зрелища нужны многие орудия – колеса, веревки и мечи, – а у философа вся деятельность заключается в душе его, так что он не нуждается ни в чем внешнем; так и здесь. Монахи имеют нужду в благосостоянии телесном и в местах, удобных для жительства, чтобы не быть очень удаленными от общения с людьми, и иметь тишину пустыни, а также не лишаться и благорастворенного воздуха; потому что для изнуряющего себя постами нет ничего вреднее, как неблагоприятность воздуха.

6. Я не стану теперь говорить о том, сколько они принуждены бывают иметь забот о приготовлении одежд и пропитания, стараясь делать все сами для себя. А священник не имеет нужды ни в чем этом для своего употребления, но живет без забот о себе и в общении (с пасомыми) во всем, что не приносит вреда, слагая все познания в сокровищнице своей души. Если же кто станет превозносить уединение внутри самого себя и удаление от общения с народом, то, хотя и сам я назвал бы это знаком терпения, но это не служит достаточным доказательством полного душевного мужества. Управляющий рулем внутри пристани еще не представляет точного доказательства своего искусства; но того, кто среди моря и во время бури мог спасти корабль, никто не может не назвать превосходным кормчим.

7. Итак, мы не должны чрезмерно удивляться тому, что монах, пребывая в уединении с самим собою, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов; он удален от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душою, как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплесканий и удивления всех; потому что Он представил ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избегая площади и общения с людьми, не имею против себя многих обвинителей; и не следовало удивляться, если я во время сна не грешил, не ратоборствуя не падал, не сражаясь не был ранен. Кто же, скажи, кто станет обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но они не могут говорить. Мать, которая более всех знает мои качества? Но с нею особенно у меня нет ничего общего и никогда у нас не было распри. А если бы это и случилось, то нет никакой матери столь жестокой и нечестолюбивой, которая бы без всякой побудительной причины и без всякого принуждения стала хулить и позорить пред всеми того, кого носила, родила и воспитала. Если бы кто захотел тщательно испытать мою душу, то нашел бы в ней много слабостей, как знаешь и сам ты, привыкший больше всех превозносить меня похвалами пред всеми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько раз я говорил тебе, – когда у нас бывала речь об этом – что, если бы кто предложил мне на выбор: где я более желал бы заслужить доброе о себе мнение, в предстоятельстве ли церковном, или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое. Я никогда не переставал ублажать пред тобою тех, которые могли хорошо исправлять это служение; и никто не будет спорить, что я не убежал бы от того, что сам ублажал, если бы был способен исполнять это. Но что мне делать? Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество моих недостатков, и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, тот хотя бы имел большие способности, от не деятельности тревожится и смущается, и не малую часть собственной силы ослабляет, оставляя ее без упражнения. А если он вместе с тем будет еще слаб умом и неопытен в красноречии и состязаниях – в каком положении я и нахожусь, – то, приняв управление, он нисколько не будет отличаться от каменных (истуканов). Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и испытывают неприятные и тяжелые последствия. И это нисколько не удивительно; если подвиги и упражнения не одинаковы, то подвижающийся в одних нисколько не отличается от не

упражнявшихся в других подвигах. Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода к упражнению в этом. При нем нет людей, которые бы раздражали его, чтобы он привык укрощать силу гнева; нет людей, восхваляющих и рукоплещущих, чтобы он научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у них и о благоразумии, потребном в церковных делах. Посему, когда они приступают к подвигам, которых не испытывали, то недоумевают, затрудняются и приходят в замешательство, и кроме того, что не преуспевают в добродетели, часто многие теряют и то, с чем пришли.

8. *Василий* сказал: Что же? Неужели поставлять на управление церковью людей, обращающихся в мире, пекущихся о житейских делах, упражняющихся в распрях и ссорах, исполненных множества несправедливостей и привыкших к роскоши?

Златоуст. Успокойся, блаженный, – сказал я. О таких и думать не должно при избрании священников; но о таких, кто, живя и обращаясь со всеми, мог бы более самих иноков соблности целыми и ненарушаемыми чистоту, спокойствие, благочестие, терпение, трезвенность и прочие добрые качества, свойственные монахам. А кто имеет много слабостей, но в одиночестве может скрывать их, и без общения с людьми оставлять их неприложимыми к делу, тот, выступив пред всеми, не достигнет ничего другого, кроме того, что сделается смешным и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпел и я, если бы провидение Божие скоро не отклонило этого огня от главы моей. Когда такой человек будет поставлен на виду, то он не может укрыться, но всегда обличается; как огонь испытывает металлические вещества, так и клир испытывает человеческие души и распознает, гневлив ли кто, или малодушен, или честолюбив, или горд, или имеет какой-либо другой порок, открывает и скоро обнаруживает все слабости, и не только обнаруживает, но и делает их тягчайшими и упорнейшими. Как телесные раны, быв растравляемы, делаются неудобоисцелимыми: так и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно более ожесточаются и принуждают преданных им более грешить; человека невнимательного к себе они склоняют к славолобию, к надменности и к корыстолюбию, вовлекают в роскошь, расслабление и беспечность и мало помалу в дальнейшие, рождающиеся от них, пороки. Среди людей много может ослабить ревность души и остановить ее стремление к Богу; и прежде всего обращение с женщинами. Нельзя предстоятелю, пасущему все стадо, пектись об одной части его – о мужчинах, а другую оставить в пренебрежении, т. е. женщин, которые особенно нуждаются в большей заботливости, по причине удобопреклонности к грехам; но принявший епископство должен заботиться и об их здоровье, если не в большей, то в равной мере; обязан навещать их, когда они больны, утешать, когда скорбят, укорять предающихся беспечности, помогать бедствующим. А при исполнении этого лукавый найдет много путей к нападению, если кто не оградит себя тщательным охранением. Взор не только невоздержной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести порабощают, и пламенная любовь – эта причина всех благ – делается причиною бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ею. Также и непрестанные заботы притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца; и гнев, овладевая душе, омрачает всю ее внутренность, подобно дыму. Кто может исчислить прочие вредные действия – обиды, порицания, укоризны от высших и от низших, от разумных и от неразумных?

9. Особенно люди, неспособные к правому суждению, бывают взыскательны и не скоро принимают оправдание. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этих людей, но должно отвечать на обвинения всех их с великою кротостью и с готовностью – лучше прощать им неразумные укоризны, нежели досадовать и гневаться. Если блаженный Павел, опасаясь со

стороны учеников подозрения в хищении, допустил и других к распоряжению деньгами, – чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению (2 Кор. 8:20), – то не должны ли мы делать все, чтобы уничтожить худом подозрения, хотя бы они были ложны, хотя бы безрассудны и весьма несообразны с нашею славою? Ни от какого греха столько не далеки мы, как Павел от хищения; и однако он, столь далекий от этого худого дела, не пренебрег подозрением народа, хотя весьма бессмысленным и безумным; ибо действительно безумно было подозревать в чем-либо подобном эту блаженную и дивную главу. Не смотря на то, что это подозрение было так безрассудно и могло быть разве у какого-нибудь сумасшедшего человека, тем не менее Павел заранее устраняет причины его; он не презрел безрассудности народа, и не сказал: кому может придти на мысль подозревать меня в этом, когда и чудеса и скромность жизни приобрели мне от всех уважение и удивление? Совершенно напротив, он предвидел и предполагал это дурное подозрение, и вырвал его с корнем, или лучше, не допустил появиться и началу его. Почему? Потому, *мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми* (ст. 21). Столько и даже еще более надобно стараться о том, чтобы не только истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидеть издали, откуда она могла бы произойти, наперед уничтожать причины, от которых она происходит, и не ждать, пока она составится и распространится в устах народа; потому что тогда уже не легко истребить ее, но весьма трудно, и может быть даже не возможно, и притом будет опасно, чтобы не произошел вред для народа. Впрочем доколе я не остановлюсь, преследуя недостижимое? Исчислять все здешние трудности значит не что иное, как измерять море. Если и тот, кто чист от всякой страсти, что впрочем не возможно, – неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои и чужие пороки!

10. *Василий* сказал: А ты теперь не подвизаешься в этих трудах и не имеешь забот, живя одиноким?

Златоуст. Имею и теперь, сказал я; – как можно человеку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободным от забот и подвигов? Но не одно и то же пуститься в беспредельное море, и переплывать реку; таково различие между теми и этими заботами. Если бы я мог быть полезным для других, я и сам теперь пожелал бы, и это было бы предметом моей усердной молитвы; а так как я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тем, если по крайней мере успею спасти и похитить из бури самого себя.

Василий сказал: Неужели ты считаешь это великим делом, и вообще неужели думаешь спастись, не быв полезным никому другому?

Златоуст. Хорошо и справедливо ты сказал, – отвечал я; – и сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Несчастному рабу нисколько не помогло то, что он не уменьшил таланта, но погубило его то, что он не умножил и не принес вдвое больше (Мф. 25:24-30). Впрочем я думаю, что мне будет более легкое наказание, когда буду обвиняем за то, почему я не спас других, нежели когда бы погубил и других и себя, сделавшись худшим по принятии такой почести. Я уверен, что теперь ожидает меня такое наказание, какого требует тяжесть грехов моих, а по принятии власти – не двойное и не тройное, но многократное за соблазн многих и за оскорбление Бога, удостоившего меня большей чести.

11. Поэтому и израильтян Бог весьма сильно обличал, показывая им, что они достойны большего наказания за грехи, совершенные после дарованных им от Него преимуществ. Иногда Он говорил: *только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все*

беззакония ваши, а иногда: из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших (Ам. 3:2, и 2:11). И еще прежде пророков, при установлении жертв желая показать, что грехи священников подлежат гораздо большему наказанию, нежели грехи простолюдинов, Он повелевает приносить за священника такую жертву, какая (была приносима) за весь народ (Лев, гл. 4). Этим он выражает не что иное, как то, что раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой – раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей помощи, если бы не были тягчайшими, тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи. Но что я говорю о мужах, проходящих это служение? Дочери священников, которые не имеют никакого отношения к священству, по причине достоинства отцов своих за одни и те же грехи подвергаются гораздо строжайшему наказанию. Преступление бывает одинаково как у них, так и у дочерей простолюдинов, например: любодеяние у тех и других, – но первые подвергаются наказанию гораздо тягчайшему, нежели последние (Лев. 21:9; Втор. 22:21).

12. Видишь ли, с какою силою Бог внушает тебе, что начальник заслуживает гораздо большего наказания, нежели подчиненные? Наказывающий дочь священника более других дочерей за отца ее, подвергнет не равному с другими наказанию того, кто бывает виновником такого увеличения наказаний ее, но гораздо большему; и весьма справедливо; потому что вред не ограничивается только самим начальником, но губит и души слабейших и взирающих на него людей. И пророк Иезекииль, желая внушить это, различает один от другого суды над овнами и над овцами (Иез. 34:17). Ясно ли теперь для тебя, что я имел причины утешиться? Прибавлю к сказанному следующее: хотя теперь мне нужно много трудиться, чтобы не одолели меня совершенно страсти душевные, однако я переношу этот труд и не убегаю от подвига. Так тщеславие и теперь овладевает мною, но я часто и вооружаюсь против него, и сознаю, что нахожусь в рабстве; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападают на меня худые пожелания, но не столь сильный возжигают пламень; потому что глаза не могут получать извне вещества для этого огня; а чтобы кто-нибудь говорил худое, а я слушал говорящего, от этого я совершенно свободен, так как нет разговаривающих; стены же, конечно, не могут говорить. Равным образом нельзя избежать и гнева, хотя и нет при мне людей, которые бы осаждали. Часто воспоминание о непристойных людях и их поступках воспаляет мое сердце, но не вполне: я скоро укрошаю пламень его, и успокаиваю его, убеждая, что весьма несообразно и крайне бедственно, оставив свои пороки, заниматься пороками ближних. Но вступив в народ и предавшись беспокойствам, я буду не в состоянии делать себе таких увещаний и находить руководственные при этом помыслы; но, как увлекаемые по скалам каким-нибудь потоком или чем либо иным, хотя могут предвидеть гибель, к которой они несутся, а придумать какой-либо помощи для себя не могут, так и я, впадши в великую бурю страстей, хотя в состоянии буду видеть наказание, с каждым днем увеличивающееся для меня, но углубляться в себя, как теперь, и удерживать со всех сторон эти яростные порывы мне уже будет не так удобно, как прежде. У меня душа слабая и невеликая и легко доступная не только для этих страстей, но и худшей из всех – зависти, и не умеет спокойно переносить ни оскорблений, ни почестей, но последние чрезвычайно надмевают ее, а первые приводят в уныние. Лютые звери, когда они здоровы и крепки, одолевают борющихся с ними, в особенности слабых и неопытных; а если кто изнурит их голодом, то и усмирит их ярость, и отнимет у них большую часть силы, так что и не весьма храбрый человек может вступить в бой и сражение с ними; так бывает и со страстями душевными: кто ослабляет их, тот делает их покорными здравому рассудку, а кто усердно питает их, тот готовит себе борьбу с ними труднейшую и делает их столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводит в рабстве и страхе. А какая пища для этих зверей? Для тщеславия – почести и похвалы, для гордости – власть и величие господства, для зависти – прославление ближних, для сребролюбия – щедрость дающих, для невоздержания – роскошь и частые встречи с женщинами, и для других – другое. Все эти звери сильно нападут на меня, когда я выступлю на средину, и

будут терзать душу мою и приводить меня в страх, и отражать их будет для меня весьма трудно. А когда я останусь здесь, то хотя тогда потребуются большие усилия, чтобы побороть их, однако они подчинятся по благодати Божией, и до меня будет достигать только рев их. Поэтому я и остаюсь в этой келии недоступным, необщительным, нелюдимым, и терпеливо слушаю множество других подобных порицаний, которые охотно желал бы отклонить, но не имея возможности сделать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мне быть общительным и вместе оставаться в настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу – лучше пожалеть чем обвинять того, кто поставлен в такое затруднительное положение. Но я еще не убедил тебя. Посему уже время сказать тебе и то, что одно оставалось не открытым. Может быть, многим это покажется невероятным, но при всем том я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружат худую совесть и множество грехов моих, но так как всеведущий Бог будет судить меня строго, то что еще может быть мне от незнания людей? Что же осталось неоткрытым? С того дня, в который ты сообщил мне об этом намерении (избрания в епископа), часто я был в опасности совершенно расслабеть телом, такой страх, такое уныние овладевали моею душою! Представляя себе славу Невесты Христовой, ее святость, духовную красоту, мудрость, благолепие, и размышляя о своих слабостях, я не переставал, оплакивать ее и называть себя несчастным, часто вздыхать и с недоумением говорить самому себе: кто это присоветовал? Чем столько согрешила Церковь Божия? Чем так прогневала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению? Часто размышляя таким образом с самим собою, и не могши перенести мысли о такой несообразности, я падал в изнеможении подобно расслабленным и ничего не мог ни видеть, ни слышать. Когда проходило такое оцепенение (иногда оно и прекращалось), то сменяли его слезы и уныние, а после продолжительных слез опять наступал страх, который смущал, расстраивал и потрясал мой ум. В такой буре я проводил прошедшее время; а ты не знал думал, что я живу в тишине. Но теперь я открою тебе бурю души моей: может быть ты за это простишь меня, прекратив обвинения. Как же, как открою тебе это? Если бы ты захотел видеть ясно, то нужно бы обнажить тебе мое сердце; но так как это не возможно, то постараюсь, как могу, по крайней мере в некотором тусклом изображении представить тебе мрак моего уныния; а ты по этому изображению суди о самом унынии. Представим, что дочь царя, обладающего всею вселенною, сделалась невестою, и что она отличается необыкновенною красотою, превышающего природу человеческую и много превосходящею всех женщин, и такую душевную добродетелью, что даже всех мужчин, бывших и имеющих быть, далеко оставляет позади себя, благонравием своим превышает все требования любомудрия, а благообразием своего лица помрачает всякую красоту телесную; представим затем, что жених ее не только за это пылает любовью к этой девице, но и кроме того чувствует к ней нечто особенное, и силою своей привязанности превосходит самых страстных из бывших когда-либо поклонников; потом (представим, что) этот пламенеющий любовью откуда-то услышал, что с дивною его возлюбленною намеревается вступить в брак кто-то из ничтожных и презренных людей, низкий по происхождению и уродливый по телу, и негоднейший из всех. Довольно ли я выразил тебе скорбь мою? И нужно ли далее продолжать это изображение. Для выражения моего уныния, я думаю, достаточно; для этого только я и привел этот пример; а чтобы показать тебе меру моего страха и изумления, перейду к другому изображению. Пусть будет войско, состоящее из пеших, конных и морских воинов; пусть множество кораблей покроет море, а отряды пехоты и конницы займут пространства полей и вершины гор; пусть блистает на солнце медное оружие, и лучи его пусть отражают свет от шлемов и щитов, а стук копий и ржание коней доносятся до самого неба; пусть не видно будет ни моря, ни земли, а повсюду медь и железо; пусть выстроятся против них и неприятели – люди дикие и неукротимые; пусть настанет уже и время сражения; потом пусть кто-нибудь, взяв отрока, воспитанного в деревне и не знающего ничего, кроме свирели и посоха, облечет его в медные доспехи, проведет по всему войску и покажет ему отряды с их начальниками, стрелков, пращников, полководцев, военачальников, тяжело вооруженных

воинов, всадников, копьеносцев, корабли с их начальниками, посаженных там воинов и множество сложенных в кораблях орудий; пусть покажет ему и все ряды неприятелей, свирепые их лица, разнообразные снаряды и бесчисленное множество оружия, глубокие рвы, крутые утесы и недоступные горы, пусть покажет еще у неприятелей коней, как бы силою волшебства летающих, и оруженосцев как бы несущихся по воздуху, всю силу и все виды чародейства; пусть исчислит ему и ужасы войны – облака копий, тучи стрел, великую мглу, темноту и мрачнейшую ночь, которую производит множество метаемых стрел, густотою своею затеняющих солнечные лучи, пыль, потемняющую глаза не менее мрака, потоки крови, стоны падающих, вопли стоящих, груды лежащих, колеса обогранные кровью, коней вместе с всадниками стремглав низвергающихся от множества лежащих трупов, землю, на которой все смешано – кровь, луки и стрелы, копыта лошадей и вместе с ними лежащие головы людей, рука и шея, голень и рассеченная грудь, мозги приставшие к мечам и изломанное острие стрелы, вонзившейся в глас; пусть исчислит и бедствия морского сражения – корабли, то сжигаемые среди воды, то потопляемые с находящимися на них воинами, шум волн, крик корабельщиков, вопль воинов, пену смешанную из волн и крови и ударяющуюся о корабли, – трупы, лежащие на палубах, утопающие, плывущие, выбрасываемые на берега, качающиеся в волнах и заграждающие путь кораблям; ясно показав ему ужасы воинские, пусть еще прибавит и бедствия плена, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и сказав все это, пусть прикажет ему тотчас сесть на коня и принять начальство над всем этим войском. Думаешь ли ты, что этот отрок в состоянии будет даже выслушать такой рассказ, а не тотчас, с первого взгляда, испустит дух?

13. Не думай, что я словами преувеличиваю дело; (так кажется) потому, что мы, заключенные в теле как бы в какой темнице, не можем видеть ничего невидимого; а ты не считай сказанного за преувеличение. Если бы ты мог когда-нибудь увидеть глазами своими мрачнейшее ополчение и яростное нападение диавола, то увидел бы гораздо большую и ужаснейшую битву, нежели изображаемая мною. Здесь не медь и железо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрелы и не подобные видимые предметы, но другие снаряды, гораздо страшнейшие этих. Таким врагам не нужно ни панциря, ни щита, ни мечей и копий, но одного вида этого проклятого войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будет весьма мужественною и еще прежде своего мужества не будет укрепляема Промыслом Божиим. Если бы возможно было, сложив с себя это тело, или и с телом, чисто и без страха собственными глазами видеть все ополчение диавола и его битву с нами; то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что все изображение войны, которое я сейчас представил тебе, ты почел бы детскою игрою и скорее забавою, нежели войною: так много поражаемых каждый день! И раны эти причиняют смерть не такую, какую раны телесные; но сколько душа различается от тела, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получит рану и падет, то она не лежит бесчувственною подобно телу, но мучится здесь от угрызений злой совести, а по отшествии отсюда во время суда предается вечному мучению. Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых диаволом, тот нечувствительностью своею навлекает на себя еще большее бедствие, потому что, кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечною и пренебрегающею прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он и приобретает большую силу; и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какою он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь избрет самых лютых и свирепых зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такую он дышит яростью против наших душ! Притом и время тамошнего сражения кратко, и при краткости его бывает много отдыхов. И

наступившая ночь, и утомление от сражения, и время принятия пищи, и многое другое обыкновенно дает воину отдохновение, так что он может снять с себя оружие, несколько ободриться, оживиться пищею и питием, и другими многими средствами восстановить прежнюю силу. А в борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться не раненым. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит с своим ополчением, наблюдая за нашею беспечностью и гораздо более заботясь о нашей гибели, нежели мы – о своем спасении. Особенно трудную борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно (это наиболее причиняет множество зол). И ты желал, чтобы в этой войне я предводительствовал воинами Христовыми? Но это значило бы – предводительствовать для дьявола. Если обязанный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то, по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для дьявола, нежели для Христа. Но зачем вздыхаешь? Зачем плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мною, но веселья и радости.

Василий сказал: но не мое положение; напротив, оно достойно безмерных рыданий; потому что теперь едва я мог понять, в какие беды ты ввергнул меня. Я пришел к тебе узнать, что мне говорить в твоё оправдание обвинителям; а ты отпускаешь меня, наложив на меня новую заботу вместо прежней. Я не о том уже забочусь, что мне сказать им за тебя, но о том, как мне отвечать за себя и за свои грехи пред Богом? Но прошу и умоляю тебя: если ты имеешь какое-нибудь попечение о мне, *итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви* (Флп. 2:1), (ибо ты знаешь, что сам ты более всех подверг меня этой опасности), подай руку помощи, говори и делай все, что может ободрить меня; не позволяй себе оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мне вместе с тобою теперь еще дружнее, чем прежде, проводить жизнь.

Златоуст. На это я с улыбкою сказал: чем же я могу помочь, какую принести пользу тебе при таком бремени забот? Но если это тебе угодно, не унывай, любезная глава. Время, в которое тебе можно будет отдохнуть от забот, я буду проводить с тобою, буду утешать и не опущу ничего, что будет по моим силам. При этом, заплакав еще более, он встал; а я, обняв его и поцеловав его голову, проводил его, увещевая мужественно переносить случившееся. Верю, говорил я, Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебе овец своих, что от этого служения ты приобретешь такое дерзновение, что и меня, находящегося в опасности, в тот день примешь в вечную свою обитель.

Беседа

по рукоположении во пресвитера

(Произнесена св. Иоанном в Антиохии по рукоположении его во пресвитера Флавианом, епископом антиохийским, в начале 386 г. по Р.Х. В заглавии называется первой, т. е. из всех произнесенных с церковной кафедры, беседою «о себе, и об епископе, и о множестве народа».)

1. Неужели истинно то, что случилось со мною? Действительно ли совершилось то, что совершилось, и я не обманываюсь? Неужели настоящее ни ночь и сновидение, но действительно день, и мы все бодрствуем? Кто поверил бы тому, что днем, когда люди не спали и бодрствовали, смиренный и презренный юноша вознесен на такую высоту власти? Ночью несколько не странно бы этому случиться. Тогда иные, уродливые телом и не имеющие даже необходимой пищи, уснувши, видали себя стройными и красивыми и наслаждающимися царскою трапезою, но эти представления были – сон и обман сновидений. Таково свойство сновидений: они изобретательны и причудливы и потешаются странными забавами. Но днем и на самом деле никто не увидит этого так легко случившимся. А ныне случилось, сбылось и свершилось, как видите, все такое, что невероятнее сновидений: и город, столь великий и многолюдный, и народ чудный и великий устремился к моему смирению, как бы надеясь услышать от меня что-либо великое и важное. Но, хотя бы я тек подобно рекам неиссякающим, и в устах моих содержались источники речей, и тогда, при таком множестве стекшихся для слушания, поток, от страха, тотчас остановился бы у меня и устремил воды свои назад; а когда я не имею не только рек и источников, но и скудной капли, то как не опасаться, чтобы и этот малый поток не иссяк, засохши от страха, и чтобы не было того же, что обыкновенно случается с телами? Что же бывает с телами? Часто держа в руке много вещей и сжимая их своими пальцами, мы испугавшись роняем все, от расслабления наших нервов и упадка телесных сил. Это же, боюсь, не случилось бы сегодня и с моею душою, и с великим трудом собранные мною для вас мысли, хотя малые и скудные, от страха пришедши в забвение, не исчезли бы и не улетели бы, оставив ум мой пустым. Поэтому прошу всех вас вообще, начальствующих и подчиненных, чтобы вы, сколько навели на меня страха прибытием для слушания, столько же вдохнули в меня смелости усердием в молитвах, и умолили Дающего глагол благовествующим силою мноюю (Пс. 92:12) дать и мне слово во отвержение уст (Еф. 6:19). Для вас столь многих и великих, конечно не трудно опять укрепить расслабленную страхом душу одного юноши; и справедливо было бы, если бы вы исполнили эту просьбу мою, так как для вас же я решился принять этот жребий, для вас и вашей любви, которой нет ничего сильнее и властительнее, которая и меня, не очень опытного в красноречии, убедила говорить и заставила выйти на поприще учения, хотя я никогда прежде не выступал на такое поприще, но всегда был в ряду слушателей и наслаждался спокойным молчанием. Но кто так суров и необщителен, что пройдет молчанием ваше собрание, и, нашедши пламенно желающих слушать, не скажет им ничего, хотя бы он был безгласнее всех людей? Итак, намереваясь в первый раз говорить в церкви, я хотел начатки вступления посвятить Богу, давшему нам этот язык; так бы и следовало; потому что не только начатки гумна и точила, но и начатки слов надлежит посвящать Слову, даже начатки слов гораздо более, нежели начатки снопов. Притом, этот плод и нам свойственнее, и самому чтимому Богу приятнее. Гроздья и колосья произрастают недра

земли, питают потоки дождей и обрабатывают руки земледельцев: а священную песнь рождает благочестие души, воспитывает добрая совесть, и в сокровищницы небесные принимает Бог. Но насколько душа лучше земли, настолько и это произрастание лучше того. Посему и некто из пророков, муж чудный и великий, – Осия имя ему, – внушает оскорбившим Бога и желающим умилостивить Его, чтобы они приносили в жертву не стада волов и не муки столько-то и столько-то мер, не горлицу и голубя и не что-либо другое подобное, но что? Возьмите, говорит, с собою словеса (Ос. 14:3). Что за жертва слово? – может быть, скажет кто-нибудь. Величайшая, возлюбленный, и драгоценнейшая, и лучшая всех других. Кто говорит это? Тот, кто верно и лучше всех знает это, доблестный и великий Давид. Принося некогда благодарственную жертву за победу, одержанную на войне, он так говорил: восхваляю имя Бога моего с песнью: *возвеличу Его во хвалении* (Пс. 68:31). Потом, показывая нам превосходство этой жертвы, присовокупил: «и будет это благоугоднее Господу, нежели вол, нежели телец с рогами и с копытами» (ст. 32). Так, хотел и я сегодня принести эти жертвы и обогатить кровью этих приношений духовный жертвенник; но что мне делать? Один премудрый муж заграждает мне уста и устрашает меня словами: *не красна похвала в устах грешника* (Сир. 15:9). Как в венках должны быть чисты не только цветы, но и свивающая их рука; так и в священных песнях должны быть благочестивы не только слова, но и сплетающая их душа. А у меня она не чиста, не имеет дерзновения и исполнена многих грехов. Но людям такого свойства заграждает уста не только этот закон, но и другой, древнейший и прежде него постановленный. И этот закон ввел, сейчас беседовавший с нами о жертвах, Давид; ибо сказав: хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних, и немного после еще сказав: хвалите Господа от земли (Пс. 148: 1,7), и призвав ту и другую тварь, горную и дольную, чувственную и умственную, видимую и невидимую, находящуюся выше неба и под небом, и из той и другой составив один хор, и так повелев хвалить Царя всех, он нигде не призывал грешника, но и здесь затворил пред ним двери.

2. А чтобы слова мои были яснее для вас, я прочитаю вам сначала самый псалом. *«Хвалите Господа с небес, – говорит он, – хвалите Его в вышних. Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его* (ст. 1,2). Видишь ли хвалящих ангелов, видишь ли архангелов, видишь ли херувимов и серафимов, – эти вышние силы? Ибо, когда он говорит: вся Силы Его, то понимает весь горный сонм. Но видишь ли здесь грешника? Как же, скажешь, можно ему явиться на небе? Пойдем же, сведем тебя на землю, переставив в другую часть хора; и здесь опять не увидишь его. *«Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны; звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые»* (ст. 7,10). Не напрасно и не без причины при этих словах я замолчал; смутились мысли в уме моем и пришлось горько заплакать и тяжело вздохнуть. Что может быть, скажи мне, достойнее жалости? Скорпионы, и змеи, и драконы призываются к хвалению Создавшего их; один грешник исключается из этого священного хора; и справедливо. Грех есть злой и свирепый зверь, не только выказывающий злость к сослужбным ему существам, но изливающий яд злобы и на славу Господню: *«ради вас, – говорит Господь, – как написано, имя Божие хулится у язычников»* (Ис. 52:5; Рим. 2:24). Посему пророк и изгнал грешника из вселенной, как бы из священного отечества, и отправил в ссылку. Так и отличный музыкант отсекает от стройной кифары разногласящую струну, чтобы она не расстраивала согласия прочих звуков; так и искусный врач отсекает загнивший член, чтобы зараза от него не перешла на прочие здоровые члены. Так сделал и пророк, отсеки грешника от целого тела тварей как бы разногласящую струну и как бы загнивший член. Что же мне делать? Так как я отринут и отсечен, то, конечно, надобно молчать. Итак, скажите, ужели замолчать мне? Ужели никто не разрешит мне восхвалить нашего Владыку, и я напрасно просил ваших молитв, напрасно прибегал к вашему покровительству? Нет, не напрасно. Я нашел, нашел и другой способ славословия, по вашим же молитвам, которые среди этого недоумения заблестали, как молнии во мраке; я буду хвалить сослужителей. Можно хвалить и сослужителей; а когда они будут хвалимы, то прославление, конечно, перейдет и на Владыку. А что он и таким образом

прославляется, это показывает Сам Христос в словах: *так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:16). Вот и другой способ славословия, который можно и грешнику употребить и не нарушить закона.

3. Итак кого, кого из сослушателей восхвалить мне? Кого же другого, как не общего учителя отечества, а чрез отечество и всей вселенной? Как он вас научил стоять за истину до смерти, так вы других людей научили скорее расставаться с жизнью, нежели с благочестием. Хотите ли, сплетем ему из этого венцы похвал? Хотел бы и я; но вижу неизмеримую бездну подвигов, и боюсь, чтобы слово, опустившись в глубину, не оказалось бессильным возвратиться наверх. Нужно было бы исчислить древние подвиги, – путешествия, бдения, заботы, советы, борьбы, трофеи за трофеями и победами, деяния, превосходящие не только мой, но и всякий человеческий язык, требующие апостольского голоса, движимого Духом, который может о всем сказать и научить. Но, минуя эту область, обратимся к другой, более безопасной, которую можно переплыть и на малой ладье. Поведем речь о воздержании и скажем, как он поработил чрево, как презрел роскошь, как отверг богатую трапезу, и притом быв воспитан в знатном доме. Нисколько не удивительно, когда к такой убогой и суровой жизни приступает живший в бедности; он имеет в самой бедности спутницу и сообщницу, ежедневно облегчающую ему это бремя; но кто владел богатством, тому нелегко вырваться из оков его; такое множество недугов объемлет его душу, т. е. страстей, которые как бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю. Нет, нет ничего другого, что столь препятствовало бы шествию на небеса, как богатство и происходящие от богатства беды. Не мое это слово, но приговор, произнесенный Самим Христом, Который сказал: *«удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное»* (Мф. 19:23,24). Но вот это неудобное, а лучше сказать, невозможное стало возможным; и о чем некогда Петр недоумевал пред Учителем и хотел узнать, это мы все познали на самом деле, и даже более того; ибо этот муж не только сам восшел на небо, но и вводит туда столько народа, хотя имел кроме богатства и другие, не меньшие препятствия, – молодость и преждевременное сиротство, которые еще более могут омрачить всякую человеческую душу: такое имеют они обаяние, такую представляют отраву! Он же и над ними восторжествовал, и устремился к небесам, и прилепился к тамошнему любомудрию, не подумал о блеске настоящей жизни и не посмотрел на знаменитость предков, а лучше сказать посмотрел на знаменитость предков, – не тех, которые связаны с ним по естественной необходимости, но тех, которые близки к нему по благочестивому настроению. Посему он и сделался таким. Он посмотрел на патриарха Авраама, посмотрел на великого Моисея, который был воспитан в царском доме, наслаждался роскошною трапезою и вращался среди шума египетского (а вы знаете, каковы варвары, какой исполнены они гордости и тщеславия), но, пренебрегши всем этим, добровольно перешел к глине и глиноделанию, – царь и сын царский пожелал быть в числе рабов и пленников. Поэтому он и возвратился в блистательнейшем виде, нежели какой прежде имел и отверг. После бегства и служения у тестя и после бедствий за чужбине, он возвратился властителем царя, или лучше, богом царя: *«...поставил тебя, – говорит Господь, – Богом фараону»* (Исх. 7:1). И был он славнее царя, не имея диадемы, не облакаясь в багряницу и не выезжая на золотой колеснице, но поправ всю эту пышность; ибо вся слава, говорится (в Писании), *«дщери Царя внутри»* (Пс. 44:14). Он возвратился со скипетром, которым повелевал не только людям, но небу, и земле, и морю, и естеству воздуха и воды, озерам, источникам и рекам; ибо стихии делались всем тем, чего хотел Моисей; в руках его тварь преобразовывалась, и, как бы какая покорная рабыня, увидевшая пришедшего друга своего господина, во всем слушалась и повиновалась ему, как самому Владыке. На него взирая и этот муж сделался таким, и притом будучи оным, если только он был когда-либо юным; я не верю этому; – такой старческий ум был у него от самых пелен. Но и будучи юным по возрасту он объял все любомудрие и познав, что наша природа подобна полю, заросшему лесом, легко отсекал душевные недуги словом благочестия, как бы каким серпом,

представляя земледельцу чистую ниву для посева семян, и, принимая все эти семена, внедрял их в глубину, чтобы они, укоренившись снизу, не страдали от жара солнечных лучей и не были подавляемы тернием. Так он возделывал свою душу, а похотения плоти укрощал врачевствами воздержания, возлагая на тело, как бы на какого непослушного коня, узду поста, и до того сдерживал его, что самые уста похотей обагрят кровью, с надлежащею впрочем умеренностью; ибо и не напрягал тела слишком сильно, чтобы связанный путами конь не оказался негодным ему для службы, и не попускал ему впасть в чрезмерную тучность, чтобы оно, сделавшись слишком плотным, не восстало на правящий им ум, но заботился вместе и о здоровье его и о благопристойности. И не в юности только он был таким, но, и миновав этот возраст, не прекратил такой заботливости; напротив и теперь, когда находится в старости, как бы в тихой пристани, продолжает соблюдать ту же попечительность. Подлинно юность, возлюбленные, подобна яростному морю, исполненному свирепых волн и бурных ветров; а седина вводит души состарившихся как бы в безмятежную пристань, предоставляя им наслаждаться свойственною этому возрасту безопасностью. Ею наслаждаясь теперь и находясь, как я выше сказал, в пристани, этот муж не менее того беспокоится и о тех, которые обуреваются среди моря; такой боязни он научился у Павла, который и после того, как восходил на небо и, перешедши следующее за ним, достигал даже до третьего неба, говорил: *«усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным»* (1 Кор. 9:27). Посему и этот муж держит себя в постоянном страхе, чтобы постоянно быть в безопасном состоянии, и сидит при кормиле, наблюдая не восхождения звезд, не подводные камни и скалы, но нападения демонов и козни диавола, и восстания помыслов, и, обходя вокруг своего воинства, соблюдает всех в безопасности. Он не только смотрит за тем, чтобы ладья не потонула, но принимает все меры к тому, чтобы и никто из плывущих не испытал какого-нибудь беспокойства. Благодаря ему и его мудрости мы все и плывем благополучно, распустив вполне паруса корабля.

4. Когда мы потеряли прежнего отца, который родил нам и этого, то наше положение было затруднительно. Поэтому и плакали мы горько, как бы не надеясь, что этот престол получит другого такого мужа. Но когда явился этот муж и стал посреди, то разогнал все наше уныние, как облако, и рассеял все печали, прекратив наш плач, не постепенно, а вдруг так, как будто бы тот блаженный сам, вставши из гроба, опять взошел на этот престол. Впрочем, увлекшись подвигами нашего отца, я незаметно продолжил беседу сверх меры, не сверх меры его подвигов, – о них я еще и не начинал говорить, – но сверх меры, какая прилична моей юности. Остановим же беседу, как бы в пристани, молчанием. Хотя она не хочет остановиться, а с ропотом и негодованием желает вполне насладиться цветами (красноречия); но, дети, это невозможно. Перестанем же гнаться за недостижимым; для нашего утешения довольно и сказанного. Так бывает и с драгоценными мастями: они не только тогда, когда кто-либо прольет их из сосуда, но и когда пальцами коснется крайней поверхности его, растворяются в воздухе и всех присутствующих обдают благоуханием; тоже произошло и теперь не силою моих слов, но доблестью подвигов этого мужа. Отойдем же, отойдем, обратившись к молитвам: помолимся о том, чтобы общая наша мать (церковь) пребывала непоколебимою и неподвижною, и чтобы этот отец, учитель, пастырь, кормчий, жил долгие лета. Если вы достаиваете какого-нибудь внимания и меня (ибо я не осмеливаюсь ставить себя на ряду со священниками, как извергов нельзя считать наравне с совершенно рожденными), – если вы вообще достаиваете какого-нибудь внимания и меня, хотя бы как некоего изверга (1 Кор. 15:8), то помолитесь о ниспослании мне великой помощи свыше. Я нуждался в защите и прежде, когда жил сам по себе покойною жизнью; когда же я выведен на середину, – не говорю как, человеческим ли содействием или Божественною благодатью; не рассуждаю с вами об этом, чтобы не сказал кто-нибудь, будто говорю притворно, – но когда я выведен и принял на себя это крепкое и тяжелое иго, то мне нужно много рук помощи, нужны бесчисленные молитвы, чтобы я мог в целостности возвратить залог

давшему его Владыке в тот день, когда получившие таланты будут названы и приведены и должны будут отдать в них отчет. Итак помолитесь, чтобы мне быть не в числе связанных и ввергаемых во тьму (кромешную), но в числе имеющих получить хотя малое снисхождение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, и держава, и поклонение во веки веков. Аминь.